Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

ЛЕБЕДЕВА Алина Алексеевна

ЯДЕРНАЯ РЕЧЕЖАНРОВАЯ ЗОНА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА: ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Мкртычян Светлана Викторовна

Тверь – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА, ЕДИНИЦЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ

1.1. Законодательный дискурс как разновидность юридического дискурса 18
1.1.1. Законодательный дискурс в ряду смежных понятий (*юридический*, *судебный*, *административный* и другие виды юридического дискурса) 18
1.1.1.1. Термин *дискурс*: к обоснованию определения 18
1.1.1.2. Юридический дискурс как объект юрислингвистики 24
1.1.1.2.1. Юридический дискурс: интерпретация термина 24
1.1.1.2.2. Направления исследования юридического дискурса в современной юрислингвистике 27
1.1.1.2.3. Типология юридического дискурса 35
1.1.2. Лингвистический статус и специфика законодательного дискурса 41
1.2. Речевой жанр как единица структурирования законодательного дискурса 43
1.2.1. Речевой жанр и альтернативные единицы структурирования дискурса 43
1.2.2. Прагматические и стилистические аспекты изучения речевых жанров законодательного дискурса 50
Выводы по главе 1 54

Глава 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯДЕРНОЙ РЕЧЕЖАНРОВОЙ ЗОНЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

2.1. Моделирование как метод лингвистического исследования законодательного дискурса: вопросы теории моделирования дискурса 56
2.2. Текст нормативного правового акта VS речевой жанр законодательного дискурса 60
2.3. Параметры моделирования ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса 65
2.3.1. Юридическая сила как основной параметр моделирования ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса 65
2.3.2. Параметризация ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса 74
2.3.3. Прагмастилистические особенности речевых жанров ядерной зоны второго порядка законодательного дискурса 81
Выводы по главе 2 88

Глава 3. КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЯДЕРНОЙ ЗОНЫ ПЕРВОГО ПОРЯДКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

3.1. Номинация речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 91

3.1.1. Лексема «конституция» в лексикографических источниках 91
3.1.2. Актуальное значение слова *КОНСТИТУЦИЯ* (по результатам экспериментального исследования) 92
3.2. Жанрообразующий признак «образ Автора / образ Адресата» 100
3.2.1. Лексический состав единиц, именующих Автора/Адресата в тексте Конституции Российской Федерации 102
3.2.2. Жанрообразующий потенциал оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО* 105
3.2.2.1. Исследование на материале лексикографических источников 106
3.2.2.2. Исследование с применением антропометрических методов 110
3.2.2.2.1. *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*: обсуждение результатов свободного ассоциативного эксперимента 113
3.2.2.2.2. *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*: обсуждение результатов направленных ассоциативных экспериментов 115
3.2.2.2.3. *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*: обсуждение результатов эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций 125
3.3. Диктумное содержание речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 128
3.4. Деонтическая модальность как жанрообразующий признак 132
3.5. Жанрообразующий потенциал целеполагания и аксиологичности речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 136
3.6. Стилистические особенности «языкового воплощения» речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 143
3.6.1. Структура речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 143
3.6.2. Языковые стилистические особенности речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в аспекте системы функциональных стилей (по В. В. Виноградову) 145
Выводы по главе 3 152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 161
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 168
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 194
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 200
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 216

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле прагмастилистического подхода и посвящено моделированию ядерной зоны российского законодательного дискурса (далее – ЗД).

ЗД квалифицируется как разновидность юридического дискурса (далее – ЮД). ЮД является объектом исследования юрислингвистики, которая сформировалась как лингвистическая дисциплина интегративного характера, изучающая взаимодействие языка и права. В сферу интересов юрислингвистики входит целый ряд проблемных вопросов, касающихся юридического подъязыка; лингвистических аспектов судебной экспертизы; конфликтного коммуникативного взаимодействия в судебном дискурсе; обыденного «языко-правового сознания»; терминологического, переводческого и лексикографического обеспечения правовой деятельности, лингво-юридического просвещения населения и др. С лингвистической точки зрения, опираясь на установленную самими авторами базовую предметную принадлежность исследования, можно назвать следующие направления изучения ЮД: прагматический подход [Колесникова 2007; Косоногова 2008]; семантический подход [Петрук 2007; Никишина 2017]; комплексно-интегральный подход [Попова 2005; Овчинникова 2006; Зайцева В. В. 2011; Хомутова, Шефер 2019]; дискурсивно-когнитивный подход [Коновалова 2008]; жанроведческий/речежанровый подход [Дубровская 2010]; прагматический подход [Попова 2005; Баламакова 2010б]; психолингвистический подход [Мальцева 2011б].

В настоящем исследовании предпринимается прагмастилистический подход, который демонстрирует преемственность с двумя областями лингвистического знания – *прагматикой* и *стилистикой*.

Лингвистическая прагматика опирается на прагматизм в философии, который появился во второй половине XIX в. в США и декларировал решение фундаментальных жизненных проблем с позиций активной целенаправленной практической деятельности. Ч. С. Пирс, который считается одним из основателей прагматики, в своей концепции семиотики отчётливо обозначил роль фактора

говорящего (субъекта коммуникации), без которого невозможен процесс семиозиса. У Ч. У. Морриса, ставшего последователем Ч. С. Пирса, в его известной семиотической триаде (*семантика – синтактика – прагматика*) прагматика изучает отношение знаков к их интерпретаторам, акцентируя внимание на свойствах объекта и ситуации общения. К середине XX в. произошёл прагматический переворот в языкознании, который выдвинул на первый план язык в действии (коммуникативный процесс). В сферу интересов прагматики был вовлечён фактор контекста, интенциональность сообщения, прагматические пресуппозиции (отношение между говорящим и уместностью сообщения в контексте), импликации (как контекстуальные допущения), прагматическая референция (отнесённость имён к объектам). К числу представителей лингвистической прагматики относятся Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, Дж. Л. Остин, Дж. Р. Сёрл, Дж. Лич, С. К. Левинсон. Значительный вклад в развитие прагматики внёс И. П. Сусов, основатель Тверской школы, к которой принадлежат А. А. Романов, Л. Г. Васильев, М. Л. Макаров, В. И. Иванова, Л. П. Рыжова. И. П. Сусов рассматривает язык через призму деятельности в широком коммуникативном контексте, подчёркивая связь языка (речи) с совместной деятельностью языкового коллектива и определяет прагматику как «исследование особенностей употребления языка с учётом актуальных контекстов речевого общения» и считает уместным говорить о прагматике как об одном из направлений изучения речевой деятельности [Сусов 2007: 89].

Изучение ЗД в настоящем исследовании осуществляется с опорой на идеи лингвистической прагматики, центрированной на условиях использования языка, к числу которых прежде всего относятся (по В. В. Богданову) коммуникативные цели (интенции) субъектов коммуникации, хронотоп (время и место), социальные статусы, конвенции общения и др.

Стилистический вектор настоящего исследования ориентирован на отечественные научные изыскания, которые оформились в отдельное направление к середине XX в. как результат «деятельностного» (или антропоцентрического) переворота в отечественной лингвистике. Основной пафос деятельностной

парадигмы («онтологии Л. С. Выготского») заключается в смещении фокуса исследовательского внимания с естественнонаучной модели знания о неодушевлённом предмете на *Человека* – носителя социально-психологических характеристик. Эти идеи воплотились в функциональной стилистике, основы которой были заложены в работах В. В. Виноградова и представителей Пражского лингвистического кружка. Концепция функциональной стилистики способствовала вовлечению в круг исследовательского внимания самого субъекта деятельности в совокупности с корпусом экстралингвистических факторов, без учёта которых невозможно вскрыть специфику речевой организации стилей. Функциональная стилистика трактуется как функционально-речевая (языковая) разновидность языка (речи) в определённой сфере общения. Функциональные стили выделяются на экстралингвистическом основании сферы общения, учитывают функцию речи (по В. В. Виноградову: *общение, сообщение, воздействие*) и организуются «речевой системностью» (термин М. Н. Кожиной). В рамках функциональной стилистики большое внимание уделяется использованию стилистических ресурсов языка для формирования речевой системности.

Как мы могли убедиться, стилистика и прагматика разделяют много общих идей, по этой причине вопрос о разграничении их предметных областей неочевиден и до сих пор остаётся дискуссионным, детальное обсуждение которого не входит в задачи настоящего исследования. В общих чертах можно отметить, что лингвистическая прагматика в большей степени фокусируется на контексте, функциональная стилистика – на «речевой системности» (которая пронизывает все уровни языка), что обусловило использование *прагмастилистического* подхода в настоящем исследовании.

Актуальность исследования определяется тремя взаимосвязанными факторами.

Во-первых, законодательный дискурс обладает высшим правовым статусом и определяет содержание всех остальных типов юридического дискурса, однако в лингвистике до сих пор не получил широкого монографического описания при наличии исследования отдельных РЖ.

Во-вторых, отсутствие единых оснований классификации речевых жанров (далее – РЖ) ЗД не позволяет системно описать его жанровое пространство и соотнести его с юридической классификацией нормативных правовых актов.

В-третьих, усиление роли нормативных правовых актов в жизни общества делает востребованным «лингво-юридическое» просвещение населения и формирование «языкового правового сознания»: моделирование ядерной зоны ЗД даёт инструмент для такой работы, поскольку позволяет перенести фокус внимания с юриста-носителя языка к неюристу-носителю языка.

Объект исследования – ядерная речежанровая зона российского законодательного дискурса.

Предмет исследования – прагмастилистические характеристики речевых жанров ядерной зоны российского законодательного дискурса, в частности, РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ.

Цель диссертационного исследования заключается в моделировании ядерной зоны российского законодательного дискурса на основе прагмастилистических характеристик ядерных речевых жанров и выявление их речежанровых особенностей.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих *задач:*

− обобщить подходы к изучению ЮД, уточнить терминологический аппарат исследования: *дискурс, законодательный дискурс, речевой жанр VS текст*;

− обосновать выбор параметров моделирования ядерной зоны российского ЗД на основе сопоставления жанровых (по Т. В. Шмелёвой и Н. Б. Лебедевой) и дискурсивных (по В. И. Карасику) характеристик;

− разработать модель ядерной зоны российского ЗД, выявить РЖ ядерной зоны на основе классификации нормативных правовых актов федерального уровня, дифференцировать зону первого порядка и зону второго порядка;

− дать обзорное описание прагмастилистических особенностей РЖ ядерной зоны второго порядка на основе параметров моделирования ЗД;

− провести исследование лексем, номинирующих РЖ ядерной зоны второго порядка методом компонентного анализа;

− обосновать высший статус РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ в ядерной зоне ЗД;

− провести лексикографическое и антропометрическое исследование номинации РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ;

− охарактеризовать жанрообразующий признак «образ Автора/Адресата» посредством соотнесения с оппозицией *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*;

− провести лексикографическое и антропометрическое исследование значения лексем *ГРАЖДАНИН*, *ГОСУДАРСТВО*;

− описать прагматические речежанровые характеристики РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ;

− выявить стилистические особенности «языкового воплощения» РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ.

Исследовательская гипотеза заключается в том, что ядерная речежанровая зона ЗД РФ может быть представлена как модель полевого типа, разработанная с опорой на юридическую классификацию нормативных правовых актов и детализированная на основе прагмастилистических особенностей речевых жанров как параметров, сформированных путём сопоставления жанровых и дискурсивных характеристик.

Теоретическая значимость работы заключается в:

1) уточнении соотношения понятий *речевой жанр / текст*;

2) разработке модели ядерной зоны ЗД РФ;

3) теоретическом уточнении термина *актуальное значение слова,* в обосновании введения в научный оборот термина *конвергентность речежанровых параметров*;

4) характеристике прагмастилистических особенностей РЖ ядерной зоны ЗД РФ;

5) обосновании введения в научный оборот индексов коннотации, антропоморфности и логичности как существенных характеристик номинации РЖ.

Научная новизна исследования состоит в:

1) установлении критериев выделения ядерной зоны ЗД РФ;

2) выявлении совокупности РЖ ядерной зоны ЗД РФ;

3) проведении компонентного анализа лексем, номинирующих РЖ ядерной зоны ЗД РФ;

4) проведении лексикографического и антропометрического исследования номинации РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ;

5) обосновании жанрообразующего потенциала оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*;

6) проведении лексикографического и антропометрического исследования жанрообразующей оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*.

Практическое применение определяется возможностью использования результатов и положений диссертации в курсах по общему языкознанию, теории дискурса, жанроведению, функциональной стилистике, практической стилистике, лингвистической прагматике. Обобщённый в исследовании материал может использоваться в школьных курсах по правоведению.

Научную базу исследования составляют теоретические положения и концепции, изложенные в трудах учёных в следующих областях лингвистического знания:

лингвистического моделирования: Ю. Д. Апресян, К. И. Белоусов, И. В. Дорофеева, В. И. Ильин, А. Ф. Лосев, Х. Х. Эгамназаров;

теории речевых жанров: Л. В. Балашова, М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, А. Вежбицкая, В. Е. Гольдин, Л. Р. Дускаева, Н. Б. Лебедева, О. В. Протопопова, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелёва;

теории речевых актов: Е. А. Найман, Дж. Л. Остин, Дж. Р. Сёрл;

теории дискурса и лингвистической прагматики: Н. Д. Арутюнова, Р. Барт, Н. А. Белоус, И. Н. Борисова, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, В. А. Миловидов, А. А. Романов, И. П. Сусов, В. Е. Чернявская;

стилистики: Ш. Балли, В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, М. Н. Кожина, С. В. Мкртычян, Ю. С. Степанов;

юрислингвистики и юридического дискурса: О. В. Анциферова, Л. И. Байдицкая, А. В. Баламакова, О. В. Барабаш, М. В. Батюшкина, А. В. Богатырёв, В. В. Богомазова, Л. А. Борисова, А. В. Бородина, М. Джоусе-Иванина, Т. В. Дубровская, О. А. Евтушенко, В. В. Зайцева, И. Д. Зайцева, Р. Р. Исхакова, Н. А. Калинина, Е. З. Киреева, О. В. Климович, Л. В. Колесникова, М. В. Коновалова, О. В. Косоногова, О. А. Крапивкина, Г. В. Кубиц, Ю. А. Купченко, В. А. Мальцева, И. В. Мятченко, Т. П. Некрасова, Э. Ш. Никифорова, О. А. Никишина, Н. В. Овчинникова, И. В. Палашевская, К. А. Петрук, Л. Е. Попова, Н. А. Сабурова, М. А. Силанова, А. А. Скорофатова, О. Н. Тютюнова, М. Н. Федулова, С. П. Хижняк, Т. Н. Хомутова, Д. В. Чухвичёв, М. С. Шевченко (Медведева), Л. Н. Шевырдяева, Е. А. Шефер, Д. Н. Шлепнёв;

аксиологии: И. А. Авдеева, К. В. Горобец, В. А. Мельничук, А. И. Овчинников, А. Ю. Питерова, Е. А. Тетерина, Е. В. Урысон;

психолингвистики: А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, И. А. Стернин.

Материалом для исследования послужили нормативные правовые акты российского ЗД:

Конституция Российской Федерации 1993 г.;

Конституция Российской Федерации 2020 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);

Договор о партнерских отношениях между Российской Федерацией и Республикой Чили от 13 ноября 2010 года (ратифицирован Федеральным законом от 05.06.2012 № 59-ФЗ, вступил в силу 7 марта 2013 года);

Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче от 1 декабря 2014 года (ратифицирован Федеральным законом от 07.03.2017 № 24-ФЗ, вступил в силу 21 июля 2017 года);

Договор между Российской Федерацией и Республикой Намибией о передаче лиц, осужденных к лишению свободы от 17 июня 2019 года (ратифицирован Федеральным законом от 27.12.2019 № 465-ФЗ, вступил в силу 17 апреля 2023 года);

Договор между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 29 июня 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 14 апреля 2023 года № 115-ФЗ, вступил в силу 5 июня 2023 года);

Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 года (вступила в силу для Российской Федерации 1 августа 2014 года, Российская Федерация приняла Конвенцию с заявлениями на основании постановления Правительства Российской Федерации от 24.10.2013 № 940);

Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года (ратифицирована Федеральным законом от 07.05.2013 № 76-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2013 года);

Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и предотвращении избежания и уклонения от уплаты налогов и Протокол к ней (ратифицированы Федеральным законом от 03.08.2018 года № 287-ФЗ, вступили в силу 10 октября 2018 года);

Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года (ратифицирована Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 196-ФЗ, Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 12 октября 2019 года);

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской Республики от 20 декабря 2010 года (ратифицировано Федеральным законом № 13-ФЗ от 28 февраля 2012 года, вступило в силу 6 июня 2013 года);

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области авиационного поиска и спасания от 15 октября 2015 года (вступило в силу 5 июля 2017 года);

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о расчетах и платежах от 5 июня 2019 года (вступило в силу 5 июня 2019 года);

Соглашение о трансграничных перевозках радиоактивных материалов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 6 ноября 2020 г. (вступило в силу для Российской Федерации 28 января 2024 г.);

Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1;

Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ;

Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ;

Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ;

Гражданский кодекс Российской Федерации;

Семейный кодекс Российской Федерации;

Трудовой кодекс Российской Федерации;

Уголовный кодекс Российской Федерации;

Указ Президента Российской Федерации от 26.11.2011 № 1545 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»;

Указ Президента Российской Федерации от 17.09.2014 № 636 «О присвоении дипломатических рангов»;

Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2020 № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»;

Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2024 № 108 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 01.03.2013 № 174 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2019 № 893 «О введении временного порядка ввоза в Российскую Федерацию биомедицинских клеточных продуктов»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 26.03.2022 № 473 «О внесении изменений в Положение о Министерстве просвещения Российской Федерации»;

Постановление Правительства Российской Федерации от 20.01.2024 № 29 «О внесении на ратификацию протоколов о внесении изменений в российско-кубинские межправительственные кредитные соглашения»;

а также экспериментальные данные: данные свободного ассоциативного эксперимента (56 + 50 + 50 = 156), направленных ассоциативных экспериментов (138 + 123 + 123 + 132 + 114 + 114 + 121 + 126 = 991), данные эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций (57 + 50 + 50 = 157), общее количество ассоциатов за все эксперименты – 1304; данные лексикографических источников (15 лингвистических словарей и 12 специальных словарей).

Экспериментальную базу исследования составили данные, полученные от испытуемых (Ии.) (Тверская область) в 2021–2022 гг. Всего в экспериментах приняли участие 57 человек разного возраста, пола, уровня образования и социального статуса.

Методы исследования. Наряду с общенаучными методами (гипотетико-дедуктивным, индуктивным, описательным) применялись методы сплошной выборки, метод моделирования, элементы количественного анализа, метод компонентного анализа, стилистический анализ, антропометрические методы: свободного ассоциативного эксперимента, направленного ассоциативного эксперимента, метод субъективных дефиниций; метод экспертной оценки.

На защиту выносятся следующие положения.

1. ЗД представляет собою иерархически выстроенную, генерализируемую посредством речевых жанров систему текстов нормативных правовых актов (документов), обладающих высшей юридической силой (федерального уровня), которые характеризуются с точки зрения прагматического контекста и стилистических особенностей. Речевой жанр не отождествляется с текстом, а выступает как *модель типичного текста* документа. Моделирование ядерной речежанровой зоны ЗД опирается на систему следующих дискурсивных и

жанровых параметров, которые, будучи скоррелированными друг с другом, образуют совокупность параметров прагмастилистического характера: юридическая сила документа, имя жанра, позиция Адресата/Автора, диктумно-модусная рамка, интенциональность, аксиологичность, языковое воплощение.

2. Модель ЗД является по́левой (имеет ядерную и периферийную зоны, характеризуется как статичная). Ядерная зона ЗД на основе главного прагматического параметра – юридической силы документа (федерального уровня) – включает в себя следующие речевые жанры: КОНСТИТУЦИЯ РФ, *Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон, Федеральный кодекс, Указ Президента РФ, Постановление Правительства РФ.* Каждый речевой жанр ядерной зоны объединяет массивы текстов нормативных правовых актов. Жанрообразующие параметры диктумно-модусная рамка, интенциональность и аксиологичность являются конвергентными, формируются на основе понятия *общественный договор*, которое является аксиологичным по своей сути и эксплицируется в деонтической модальности. «Языковое воплощение» характеризуется чёткой структурностью текста, эксплицированностью «образов Автора и Адресата», наличием типичных языковых средств официально-делового функционального стиля с элементами юридического подстиля.

3. Ядерная зона ЗД является неоднородной: РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ составляет ядерную зону первого порядка в силу своей специфики: наивысшая юридическая сила, дефиниционная отчётливость номинации, эксплицированная аксиологичность, особенности языкового воплощения (наличие мелиоративной лексики), конвергентность «образа Автора» и «образа Адресата».

4. Актуальное значение номинации РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ отражает те основные семантические компоненты, которые актуализируются в сознании носителей языка в связи со звуковой оболочкой номинации речевого жанра. Коннотация и антропоморфность имени жанра отражают «закономерности общественного языкового сознания», влияющие на восприятие речевого жанра в целом. Актуальное значение номинации КОНСТИТУЦИЯ РФ характеризуется

доминированием нейтральной коннотации (индекс нейтральности – 0,74 при индексах позитивности и негативности по 0,13), преобладанием неантропоморфных ассоциатов (индекс неантропоморфности – 0,75 против индекса антропоморфности – 0,25) и логическим характером субъективных дефиниций (индекс логичности – 0,88 против индекса нелогичности – 0,12).

5. Основными вербальными репрезентациями образа Автора/Адресата, являются лексемы тематических групп «гражданин» и «государство». Оппозиция *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО* обладает жанрообразующим потенциалом, соотносится с конвергентным жанрообразующим параметром «образ Автора/Адресата». Актуальное значение лексем характеризуется совокупностью индексов. *ГОСУДАРСТВО*: индекс нейтральности – 0,63 (позитивности – 0,25, негативности – 0,12), индекс неантропоморфности – 0,84 (антропоморфности – 0,16), индекс логичности субъективных дефиниций – 0,54 (нелогичности – 0,46). Актуальное значение лексемы *ГРАЖДАНИН*: индекс нейтральности – 0,67 (позитивности – 0,3, негативности – 0,03), индекс антропоморфности – 0,57 (неантропоморфности – 0,43), индекс логичности субъективных дефиниций – 0,72 (нелогичности – 0,28).

Апробация работы проходила на следующих научных конференциях:

- IX Международная молодёжная научно-практическая конференция «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире», Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова (20–22.11.2017);
- XXV Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2018», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (09–13.04.2018);
- X Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты», Тверской государственный университет (26.04.2018);
- X Международная молодёжная научно-практическая конференция «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире»,

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова (12–14.11.2018);

− XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2019», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (08–12.04.2019);

− XI Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты», Тверской государственный университет (25.04.2019);

− Конкурс научно-исследовательских работ студентов НИУ ВШЭ (декабрь 2019 г. – февраль 2020 г.);

− XII Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты», Тверской государственный университет (30.04.2020);

− V Всероссийский научный форум «Наука будущего – наука молодых» – 2020;

− XXVII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2020», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (10–27.11.2020);

− Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Понимание в коммуникации 9. Чтения памяти Г. И. Богина» – 2021, Тверской государственный университет, Институт языкознания РАН, Московский городской педагогический университет (21.01.2021);

− XIII Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты», Тверской государственный университет (29.04.2021);

− Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистика XXI века: традиции и перспективы», Тверской государственный университет (26.11.2021);

− VI Всероссийская научная конференция «Филологические чтения», посвящённая памяти И. А. Стернина, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (28 апреля 2023 г.);

− Международный форум «Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России», посвящённый Году педагога и наставника и 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского, Воронежский государственный педагогический университет (1–2 декабря 2023 г.);

− Международная научно-практическая конференция «Языковой дискурс в социальной практике», Тверской государственный университет (5–6 апреля 2024 г.).

Основные положения работы отражены в 19 публикациях общим объёмом 5,7 п. л., 7 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 – в базе SCOPUS.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и трёх приложений. Текст работы содержит 49 таблиц и 8 рисунков.

Библиографический список включает 259 источников.

Диссертация соответствует паспорту специальности (5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика), а именно следующим пунктам направлений исследований: 4 (Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики), 9 (Лингвистика дискурса и лингвистика текста), 12 (Теоретические проблемы текста и дискурса).

Глава 1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА, ЕДИНИЦЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ

1.1. Законодательный дискурс как разновидность юридического дискурса

1.1.1. Законодательный дискурс в ряду смежных понятий (*юридический*, *судебный*, *административный* и другие виды юридического дискурса)

1.1.1.1. Термин *дискурс*: к обоснованию определения

В центре внимания предпринимаемого исследования находится законодательный дискурс. Дискурс как объект исследования занял прочное место в современной лингвистике. Дискуссии относительно понимания и трактовок дискурса стали общим местом не только научных статей, но и целого ряда кандидатских и докторских диссертаций. Несмотря на детальную разработанность вопроса, связанного с определением дискурса, которая не привела к единообразному подходу, что закономерно, мы, определяя дискурс как номинальный объект предпринимаемого исследования, вынуждены обосновать ту научную дефиницию, которая будет использоваться в качестве исходного понятия, и сделать несколько уточняющих релевантных поставленной исследовательской цели замечаний по этому поводу.

В силу того, что, во-первых, дискурс является объектом не только лингвистических исследований, а во-вторых, настоящее исследование лежит в плоскости, тесно соприкасающейся с не собственно лингвистической областью – юриспруденцией, представляется небесполезным обратиться не только к лингвистическим трактовкам дискурса, но взглянуть на обсуждаемый вопрос шире и привести некоторые трактовки обсуждаемого понятия в гуманитарной парадигме научного знания.

Таблица 1. Термин *дискурс* в гуманитарной парадигме

Словарная статья, посвящённая термину *дискурс*	Источник
«ДИСКУРС -ая, -ое. [от лат. discursus – спор, разговор] *Лингв.* Речь, беседа, текст (как объект лингвистического исследования). *Анализ дискурса. Подменить тему дискурса.* // Основной смысл текста. *Д. разговора сводился к просьбе о помощи*».	[Большой толковый словарь русского языка Кузнецова URL]
«ДИСКУРС а, м. discours m., нем. Diskurs, пол. dyskurs, лат. discursus. 1. Разговор, беседа (обычно в речи дипломатов). <…> 2. Речь, публичное	[Исторический словарь галлицизмов

выступление. <…> 3. Диспут, прения, спор. <…> 4. англ. discourse. Реальный, неучебный текст».	русского языка URL]
«ДИСКУРС (от фр. discourse – речь; лат. discursus – беседа, разговор). Связный текст, сверхфразовое единство. Анализ Д. и лингвистика текста образуют близкие области языкознания. Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под Д. – различные виды актуализации текста, взятого в событийном плане».	[Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) URL]
«Дискурс (нем. Diskurs, франц. discours, англ. discourse) 1) Первоначальное значение – *разумное размышление*. 2) Затем термин стал применяться в значении *диалог*. 3) Дискурс – это связная речь в устной и письменной форме. В данном случае анализ сосредоточен на интеракциональном взаимодействии отправителя и получателя речи. 4) Конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном пространстве. 5) Текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом. 6) В русской стилистике дискурс – это текст, изучаемый в коммуникативно-стилистическом аспекте. 7) В германо-австрийской школе Д. – это языковое выражение (языковой коррелят) определённой общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность. 8) Дискурс – интегративная совокупность текстов, связанных семантическими отношениями и объединённых в коммуникативном и функционально-целевом отношении. 9) Ю. С. Степанов указывал, что термин дискурс первоначально в своём значении в русскоязычной научной среде сближался с термином *функциональный стиль* <…>».	[Словарь лингвистических терминов Жеребило URL]
«Дискурс (нем. Diskurs, франц. discours, англ. discourse) – многозначный термин-понятие, используемый в лингвистических, литературоведческих, философских, психологических, исторических исследованиях. При определении Д. в современной лингвистике существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно друг с другом национальные научные школы дискурсивного анализа»; «Дискурс означает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или в устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве».	[Стилистический энциклопедический словарь русского языка URL]
Дискурс – «1. Произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который „строится“ по ходу развёртывания дискурса, – это точка зрения „этнографии речи“. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкциями и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и „не-события“, т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями. 2. Это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой	[Толковый переводческий словарь URL]

происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная. 3. Это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста. 4. Любое высказывание, большее чем фраза, рассматриваемое с точки зрения правил связности последовательности фраз. 5. Связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. 6. Текст, взятый в событийном аспекте. 7. Речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие. 8. Связный текст, сверхфразовое единство».	
«Дискурс (фр. discours, от лат. discursus – рассуждение, довод) – одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо- и особенно франкоязычных культурах. Значение слова – речь, выступление, рассуждение. В рус. языке, как и во многих европейских, этому слову нет эквивалента. Оно переводится как Д., дискурсия, речь, слово, текст, рассуждение. Предметом теоретического изучения Д. стал относительно недавно».	[Философская энциклопедия URL]
«Точный перевод этого слова означает „речь“. Но если речь есть акт или способность, то дискурс – скорее результат того или другого. И речь, и дискурс суть актуализация языка. Но речь – это потенциальная или действенная его актуализация, тогда как дискурс – его энтелехия, как сказал бы последователь Аристотеля, иначе говоря, его творение. Дискурс – это завершённая и доведённая до совершенства речь. Вот почему мы особенно чувствительны к несовершенствам дискурса. Слова летучи. Дискурс тянет к земле».	[Философский словарь Конт-Спонвиля URL]

Как следует из материала, обобщённого в табл. 1, во всех трактовках *дискурс* определяется через *речь/стиль/текст*.

В западной лингвистике дискурс трактуется как когерентный текст (И. Беллерт); актуализованный текст в отличие от текста как формальной грамматической структуры; речь, присваиваемая говорящим, способ актуализации языка в речи (Э. Бенвенист); «сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые (экстралингвистические) факторы, которые влияют на его производство и восприятие» (Т. А. ван Дейк) [Т. А. ван Дейк 1989]; результат процесса взаимодействия в социокультурном контексте (К. Л. Пайк); совокупность приёмов использования языка для выражения определённых способов мышления, призванных целенаправленно воздействовать на читателя/слушателя, внедряя в его сознание определённую систему представлений, целенаправленное использование языка для выражения определённой ментальности (П. Серио); связная речь (З. Харрис).

Отечественная лингвистика предлагает целый ряд определений дискурса, каждое из которых окрашено авторской девиацией: «связная последовательность

речевых актов» [Сусов 2007: 40], т. е. образование, включённое в коммуникативно-прагматический контекст, в отличие от текста как последовательности предложений, отвлечённой от коммуникативно-прагматического контекста (И. П. Сусов); мыслительно-речевая практика / практика речепроизводства и речерецепции, которая разворачивается во времени (В. А. Миловидов) [Миловидов 2016: 27]; единство, реализующееся как в виде речи, т. е. в звуковой субстанции, так и в виде текста, т. е. в письменной форме (В. В. Богданов); творимый в речи связный текст (В. П. Конецкая); определённый тип ментальности (Н. Д. Арутюнова); текст (В. Г. Борботько); связная речь, поток речи (Г. Г. Почепцов); вербализованное работающее сознание (О. Г. Ревзина, О. В. Жукова); поток речи, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, коммуникативно целостное и завершённое речевое произведение (Е. В. Клобуков); текущая речевая деятельность в данной сфере (М. Я. Дымарский); коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнёров общения) и создающийся в процессе общения текст (А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни) и т. д.

Наиболее известным в лингвистике считается метафорическое определение дискурса, данное Н. Д. Арутюновой и содержащееся в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Дискурс – это речь, „погружённая в жизнь“» [Арутюнова 1990a URL]. Дискурс (от франц. *discours* – речь) – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Op. cit.].

Резюмируя, все перечисленные определения можно условно свести к двум существенно различающимся трактовкам:

1) дискурс как текст в коммуникативно-прагматическом пространстве;

2) дискурс как текущая коммуникативная (речевая) деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве.

Эти определения принципиально отличаются: в одном случае мы имеем дело с реально протекающим процессом, по И. Н. Борисовой [Борисова 2009: 136–141], *дискурсивной деятельностью,* которая характеризуется процессуальностью, реактивностью, спонтанностью, разворачивается в реальном времени и пространстве (совпадают пространственно-временные характеристики процесса и вербального продукта деятельности), направлена на актуализацию и организацию коммуникативного взаимодействия, её продуктом является неканонический текст (который может быть представлен скриптом). В другом случае применительно к тексту мы тоже можем говорить о деятельности, но деятельности иного порядка, а именно *текстовой деятельности,* где имеет место деактуализация коммуникативного взаимодействия, направленная на создание продукта (*текста*), имеет установку на отчуждаемость данного рода продукта, её цель и есть создание канонического текста как продукта, сам процесс характеризуется рефлексивностью и подготовленностью, производство и восприятие речи не совпадают во времени.

При наличии существенных перечисленных выше различий между двумя трактовками дискурса, как можно убедиться, есть одно неоспоримое сходство: их объединяет вовлечение в фокус исследовательского внимания коммуникативно-прагматического пространства, которое в рамках прагматического подхода актуализируется за счёт скрупулёзного анализа (в терминах классической лингвистики) экстралингвистического контекста.

В рамках настоящего исследования мы принимаем первую трактовку дискурса, который представляет собою совокупность текстов в коммуникативно-прагматическом пространстве.

Важно отметить, что юридический дискурс в целом, безусловно, может изучаться как коммуникативная деятельность, но специфика законодательного дискурса обусловлена сближением его с текстовым подходом.

В исключительных ситуациях можно условно говорить, что при определённых допущениях законодательный дискурс может рассматриваться как текущая коммуникативная деятельность, например, на стадии рассмотрения и обсуждения законопроектов парламентом, т. е. в формате *чтений законопроектов*.

Но такой дискурс, с точки зрения М. В. Батюшкиной, может быть выделен в отдельный субдискурс – законотворческий дискурс [Батюшкина 2022: 29].

Обращаясь к изучению юридического дискурса (мы имеем в виду более широкое понятие, которое в современной лингвистике имеет статус отдельного исследовательского направления – *юрислингвистики* – выделяемого по сфере общения, объектом которого является юридический дискурс), приведём определения дискурса, принятые специалистами в области юрислингвистики. Дефиниции обобщены в табл. 2

Таблица 2. Толкование термина *дискурс* в работах российских юрислингвистов

Толкование термина *дискурс*	Исследователь
Дискурс – это «сложное явление, состоящее из участников коммуникации, ситуации общения и самого текста. Основной составляющей дискурса является категория участников общения, так как именно они являются создателями текста».	Л. Е. Попова [Попова 2005: 8]
Дискурс – это «языковое выражение общественной практики в её различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная ментальность».	Н. В. Овчинникова [Овчинникова 2006: 5]
Дискурс – это «динамичный речемыслительный процесс, воплощающий собственные категории и черты в совокупности взаимосвязанных текстов различного типа, созданных в соответствии с характерными для него правилами смысловой и формальной организации».	М. В. Коновалова [Коновалова 2008: 7]
Дискурс – это «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного текста; это коммуникативный процесс, приводящий к созданию определённого текста, типичного для данного коммуникативного (речевого) события».	А. В. Баламакова [Баламакова 2010б: 7]
Дискурс – это «сложный системный продукт», который «не только описывает реальность, присущую определённому социуму, но и её формирует, так как, являясь частью мировосприятия, навязывает субъекту не только свою логику, но и стоящие за ней ценности и представления».	М. Н. Федулова [Федулова 2010б: 13]

Перечисленные в табл. 2 дефиниции содержат прежде всего указание на прагматическую природу дискурса (курсив наш. – *А. Л.*): «сложное явление, состоящее из *участников коммуникации*, *ситуации общения* и самого текста» [Попова 2005: 8]; «языковое выражение *общественной практики* в её различных *коммуникативных сферах*» [Овчинникова 2006: 5]; «текст в неразрывной связи с *ситуативным контекстом* <…>; *это коммуникативный процесс* <…>» [Баламакова 2010б: 7]. Отмечается комплексная природа дискурса: «сложное явление» [Попова 2005: 8]; «систематизированное особым образом использование языка» [Овчинникова 2006: 5]; «сложный системный продукт» [Федулова 2010б:

13]. Равно как и процессуальность дискурса: «динамичный речемыслительный процесс» [Коновалова 2008: 7].

Опираясь на краткий обзор подходов к определению дискурса, резюмируя, дадим общее определение: *дискурс* – это совокупность текстов в прагматическом контексте, который влияет на особенности их построения, языкового наполнения и интерпретации в рамках определённой институциональной сферы коммуникации, детерминированной спецификой определённой профессиональной области.

1.1.1.2. Юридический дискурс как объект юрислингвистики

Дисциплина, сформировавшаяся на границе права и лингвистики, в России носит название *юрислингвистика* (основателем данной дисциплины в отечественной науке считается Н. Д. Голев). Объектом изучения юрислингвистики является зона пересечения языка и права, а предметом выступают «языко-правовые» явления [Барабаш 2014: 16].

Юрислингвистика имеет статус отдельного направления в современной отечественной лингвистике. Настоящее исследование по сфере своей предметной принадлежности, безусловно, относится к юрислингвистике, специфика которой, следуя исследовательской логике, должна быть нами определена.

1.1.1.2.1. Юридический дискурс: интерпретация термина

Юридический дискурс (ЮД), или *правовой*, относится к типу дискурсов, выделяемых по принципу сферы использования. ЮД является объектом обширного количества лингвистических исследований в рамках юрислингвистики прежде всего в силу его разноуровневой институциональности (субъектами ЮД являются граждане, организации, структуры власти), которая воплощается в разнообразии коммуникативных ситуаций и типов общения по форме речи.

Термин «юриспруденция» имеет латинские корни: jus, juris – 1) «право», «справедливость», «совокупность законов, система правил человеческого общежития»; 2) «право», «предоставляемая законом возможность», «правоспособность», «политические (гражданские) права»; 3) «преимущество»,

«привилегия», «особое право»; 4) «власть»; 5) «суд», «судилище» + prudentia – 1) «знание», «предвидение»; 2) «наука»; 3) «благоразумие», «рассудительность» [Большой латинско-русский словарь URL]. Дериват «юридический» происходит от латинского слова juridicus, что означает «судья», «судебный», «присутственный» [Op. cit.].

Юриспруденция – это 1) профессиональная практическая деятельность юристов; 2) наука о государстве и праве (юридическая наука, правоведение), т. е. теоретическая деятельность в области права или отрасль обществоведения, предметом изучения которой является право, его нормы, институты и отрасли, взаимосвязь права и государства, их роль, социальное назначение и ценность в обществе, общие и частные закономерности возникновения и развития государства и права в их структурном разнообразии [Элементарные начала общей теории права URL].

С целью более подробного рассмотрения специфики юридического дискурса обратимся к дефинициям данного понятия, представленным в работах отечественных юрислингвистов.

Таблица 3. Термин *юридический дискурс* в отечественной юрислингвистике

Толкование термина *юридический дискурс*	Исследователь
Юридический дискурс – это «совокупность юридических текстов (устных или письменных), отражающих намерения специалиста и оперирующих специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы».	Г. В. Кубиц [Кубиц 2005: 8]
Юридический дискурс – это «такая модель (форма) использования языка в реальном времени, которая отражает правовой тип социальной активности личности, детерминируемый исторически и взаимосвязанный с уровнем цивилизационного и культурного развития социума».	Л. В. Колесникова [Колесникова 2007: 5]
Юридический дискурс – это «тип институционального дискурса, относящийся к сфере урегулирования социальных взаимоотношений, обладающий жёсткой организацией и иерархическим строением».	М. В. Коновалова [Коновалова 2008: 5]
Юридический дискурс «представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определённых правом ситуациях институционального общения».	И. В. Палашевская [Палашевская 2010: 535]
Юридический дискурс предстаёт как разновидность профессиональной речи, представляющая собой пример сочетания канонов и нововведений в рамках одной языковой картины и образец современной речевой культуры.	А. В. Баламакова [Баламакова 2010б: 5]
Вслед за М. Фуко юридический дискурс представляется в качестве связной последовательности высказываний о правовой действительности, условием конструирования которых служит ситуативный контекст и культурно-идеологическая среда, определяющая конкретный тип правопонимания Субъекта.	О. А. Крапивкина [Крапивкина 2011: 11]

Юридический дискурс представляет собой «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции».	О. В. Косоногова [Косоногова 2015: 61]
Юридический дискурс объединяет коммуникативные события, имеющие институциональное отношение к созданию, реализации и объяснению права.	Д. Н. Шлепнёв [Шлепнёв 2017: 68]

Как следует из определений ЮД, обобщённых в табл. 3, в зависимости от целей и задач предпринимаемого исследования авторы предлагают весьма разнообразные формулировки. Г. В. Кубиц отмечает оперирование «специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы» (правовой терминологией) в рамках юридического дискурса. Л. В. Колесникова указывает на непосредственную связь «с уровнем цивилизационного и культурного развития социума», представленную «в реальном времени», что свидетельствует об ориентированности на синхронию, нежели чем на диахронию. О. А. Крапивкина поддерживает идею связи правового дискурса с ситуативным контекстом и культурно-идеологической средой в социуме. М. В. Коновалова и И. В. Палашевская отмечают жёсткую статусную детерминированность юридического дискурса.

Т. В. Дубровская обращает внимание на институционализированный характер общения, накладывающий существенные ограничения на речевое поведение субъектов юридического дискурса [Дубровская 2010: 3]. Н. В. Овчинникова справедливо замечает, что юридический дискурс связан со всеми социальными институтами, поскольку они представляет собой устойчивую организованную структуру, обеспечивающую практическую поддержку главных направлений человеческой жизнедеятельности, выполняющую соответствующие цивилизованные функции организационно-управленческого и нормативно-регулятивного характера [Овчинникова 2006: 6].

Действительно, ЮД по преимуществу относится к институциональному (в терминах В. И. Карасика) типу дискурса. «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми,

которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 1998: 190]. Центральные концепты институциональных дискурсов обладают большой генеративной силой, так как в них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой составляются объёмные словари [Карасик 2004]. С позиций интеракционной модели коммуникации «институциональный дискурс отличается жёсткой структурой при максимуме речевых ограничений и фиксированной сменой коммуникативных ролей» [Макаров 1997: 176].

Не вовлекаясь в дискуссию по поводу институциональности ЮД, можно заметить, что институциональность в том понимании, о котором пишет В. И. Карасик, присуща не всем субдискурсам ЮД: например, в гражданском производстве имеет место неинституализированный характер коммуникативного взаимодействия (например, свидетельские показания, прения сторон при заключении мирового соглашения, общение физического лица с адвокатом и т. д.). Об этом пишет О. В. Косоногова: ЮД объединяет «как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) *имеют отношение к сфере юриспруденции*» [Косоногова 2015: 66] (курсив наш. – *А. Л.*). В таком случае мы можем говорить о *гибкой институциональности*.

Юридический дискурс – это дискурс всех видов коммуникативной деятельности, связанной с юриспруденцией.

1.1.1.2.2. Направления исследования юридического дискурса в современной юрислингвистике

Юрислингвистика может быть признана одним из динамично развивающихся направлений современной лингвистики. Обращаясь к обсуждению проблематики, разрабатываемой в рамках юрислингвистики, сосредоточимся именно на тех из них, которые особенно значимы для исследования ЗД.

Прежде всего важное место занимает изучение особенностей юридического языка. Юридический язык изучается в нескольких аспектах. Среди них прежде всего следует назвать следующие: во-первых, с точки зрения функционально-

стилевой принадлежности, во-вторых, в аспекте терминологии и специфики юридической терминосистемы, в-третьих, с позиций переводоведения. Перечисленные направления исследования условно можно отнести к традиционной лингвистике.

«Юридический русский», «юридический английский» и т. д. вышли за рамки обычного юридического жаргона: речь идёт о повсеместном использовании и широком влиянии «юридических языков» и «юридических текстов» на современные литературные формы национальных языков.

В XX–XXI вв. значительный подъём переживает зарубежная юридическая лингвистика, для обозначения сфер исследований юридического языка используются разные термины: *Legalese*, *Legal Language*, *Law and Language*, *Juristensprache*, *Rechtslinguistik*, *Sprache und Recht*, *Rechtskommunikation* и др. [Хижняк 2016: 55]. И. В. Мятченко, Л. Е. Попова и М. Н. Федулова в своих трудах вводят термин *метаязык права (метаязык правоведения, метаязык юриспруденции)* [Мятченко 2000б; Попова 2005; Федулова 2010в], определяемый как «метаязыковая субстанционность, определяющаяся параметрами научно-профессиональной направленности правовой лексики» [Мятченко 2000а: 3]. Основанием для выделения метаязыка правоведения является несовпадение его специфических функций с общепринятыми функциями литературного языка, а также наличие в правовых текстах особых средств для выражения нормативно-регулятивных потребностей общественного развития, их оценки и, конечно, текстуального закрепления. Метаязык права характеризуется следующими основными особенностями: 1) официальность, определённая сухость словесного выражения закона, устанавливающая властное, обязательное для исполнения веление; 2) максимальные точность и чёткость; 3) предельная ясность и конкретность. База дефиниций, которая используется при толковании слов в юридическом языке, нередко отличается от базы толкований, которую естественно было бы дать соответствующим словам в обыденном языке [Федулова 2010в: 157–158].

Лексикон юриста представляет собой официальный язык государственной власти. Средства воздействия законодательства отличаются от языковых средств, которые используются в художественной, публицистической и разговорной речи. Для создания уверенной властной силы язык законодательства отказывается от приёмов риторического усиления, использования слов с оценочными суффиксами, например, ласкательными, уменьшительными (диминутивов), увеличительными (аугментативов) и т. д. [Федулова 2010в: 107].

Бегло охарактеризуем исследования последних лет, в которых доминирует традиционный подход к анализу материала.

Л. В. Колесникова изучает юридический дискурс как вербально-прагматическое образование, как один из социальных вариантов языка, представляющий собой один из когнитивных результатов процессов категоризации и концептуализации мира человеком («Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области „Международное частное право“)» [Колесникова 2007]; «Юридический дискурс как универсум культуры: аргументативный аспект» [Колесникова 2005]; «Право как экстралингвистический фактор развития юридического языка» [Колесникова 2006]).

О. В. Косоногова выявляет систему и описывает специфику функционирования онимов в англоязычном юридическом дискурсе («Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование (на материале современного английского языка)» [Косоногова 2011]; «Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного» [Косоногова 2008]; «Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры» [Косоногова 2015]).

Т. П. Некрасова изучает лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на перевод русской юридической терминологии на английский язык, выявляет и классифицирует трудности этого вида перевода, а также предлагает и обосновывает с лингвистической и юридической точек зрения стратегии решения проблем, возникающих при юридическом переводе с русского языка на английский («Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на

английский язык» [Некрасова 2013]; «Факторы, влияющие на перевод юридической терминологии с русского языка на английский язык» [Некрасова 2010]; «Юридический перевод. Сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный» [Некрасова 2012]).

О. А. Никишина рассматривает функционально-семантическое поле слова «prison», проводит сравнительный анализ значений лексических единиц «prison» и «jail», выявляя их существенные различия посредством дефиниционного, этимологического и контекстуального видов анализа («Анализ пенитенциарного англоязычного дискурса в аспекте реализации языка власти и языка сопротивления» [Никишина 2017]; «Лексикон англоязычного пенитенциарного дискурса» [Никишина 2016а]; «Реализация языка сопротивления и языка власти в пенитенциарном англоязычном дискурсе» [Никишина 2016б]).

Л. Е. Попова анализирует научные данные о семантическом и прагматическом статусе юридического дискурса, на основе чего выявляет способы интерпретации, способствующие его пониманию («Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект)» [Попова 2005]; «Языковые реалии семантической направленности юридического текста» [Попова 2004а]; «Формы интерпретации юридического текста» [Попова 2004б]).

М. Н. Федулова занимается комплексным анализом юридического дискурса с точки зрения критериев прагма-семантической обусловленности языковых средств («Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков)» [Федулова 2010в]; «О некоторых проблемах изучения языка правоведения» [Федулова 2010а]; «Потребности как критерий типологизации дискурса» [Федулова 2015]).

С. П. Хижняк рассматривает основные направления в исследовании юридической терминологии и терминосистем («Соотношение экстра- и интраязыковых факторов в формировании и развитии терминосистем (на материале русской и английской юридической терминологии)» [Хижняк 1986]; «Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале

юридической терминологии)» [Хижняк 1998]; «Юридическая лингвистика за рубежом» [Хижняк 2016]).

Т. Н. Хомутова, Е. А. Шефер рассматривают проблемы и перспективы исследования юридического дискурса («Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования» [Хомутова, Шефер 2019]).

Д. Н. Шлепнёв посвящает множество своих трудов специфике юридического перевода («О дидактике юридического перевода: общий очерк» [Шлепнёв 2013]; «Курс юридического перевода» [Шлепнёв 2017]; «Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология» [Шлепнёв 2018]).

К тому же, подробно рассматриваются дифференцирующие характеристики ЮД, такие как интертекстуальность, деонтическая модальность, когерентность, институциональность, междисциплинарность, гибридность.

А. В. Богатырёв рассматривает потенциал фигур интертекста для решения коммуникативных задач («Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе» [Богатырёв 2016]; «Цитата в юридическом дискурсе: функциональный аспект» [Богатырёв 2014]; «К особенностям понимания текста в рамках юридического дискурса» [Богатырёв 2015]).

М. В. Коновалова изучает лингвистические особенности глобальных категорий когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе на материале текстов законов, комментариев к закону и судебных приговоров («Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе» [Коновалова 2008]; «Юридический дискурс как вид институционального дискурса» [Коновалова 2006а]; «Особенности языка текста закона» [Коновалова 2006б]).

М. А. Силанова исследует процессы медиатизации и интерпретации, происходящие в современном юридическом медиадискурсе («Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ» [Силанова 2017]; «Юридический медиадискурс: лингвопрагматический аспект» [Силанова 2014]; «Юридический медиадискурс как гибридный тип дискурса» [Силанова 2016]).

Отдельное направление составляют исследования, выполненные в русле прагматического, когнитивного, психолингвистического подходов, которые, основываясь на достижениях классической лингвистики, развивают собственно функциональную / деятельностную / антропоцентрическую парадигму современной лингвистики.

А. В. Баламакова описывает наиболее характерные способы интонационного оформления вопросительных высказываний, реализующих используемые ораторами-юристами коммуникативные стратегии и тактики («Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка)» [Баламакова 2010б]; «Исследование вербальных и невербальных компонентов англоязычного юридического дискурса» [Баламакова 2009]; «Программное обеспечение для фонетического исследования вопроса в устном юридическом дискурсе» [Баламакова 2010а]).

В. В. Богомазова выявляет особенности реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе («Коммуникативная категория „чуждость“ в судебном дискурсе» [Богомазова 2015]; «Взаимосвязь агональности и категории чуждости в судебном дискурсе» [Богомазова 2014а]; «Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе» [Богомазова 2014б]).

Т. В. Дубровская изучает речевое поведение русских и английских судей в разных ситуациях речевого взаимодействия в ходе судебных процессов («Судебный дискурс: речевое поведение судьи» [Дубровская 2010]; «Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе» [Дубровская 2008]; «Терминологический аспект дискурсивных исследований правовой коммуникации» [Дубровская 2009]).

В. В. Зайцева занимается изучением дискурса допроса на предварительном следствии во взаимосвязи его когнитивных, прагмалингвистических и языковых аспектов («Когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса в юридическом дискурсе» [Зайцева В. В. 2011]; «Речеактовая

структура допроса в юридическом дискурсе» [Зайцева В. В. 2010а]; «Фреймовая структура допроса как одного из видов юридического дискурса» [Зайцева В. В. 2010б]).

Р. Р. Исхакова исследует и описывает субъективно-межличностную модальность и языковые средства её реализации в английском и русском судебных дискурсах («Когнитивно-прагматический аспект модальности в судебном дискурсе (на материале английского и русского языков)» [Исхакова 2013]; «Реализация деонтической модальности в английском и русском дискурсах договорного права» [Исхакова 2010]; «Роль интертекстуализмов в выражении интенции в судебном дискурсе (на материале английских и русских художественных произведений)» [Исхакова 2011]).

О. В. Климович исследует реального носителя языка определённой типологической группы – адвоката (юриста) в рамках лингвориторической теории («Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С. А. Андреевского и Н. П. Карабчевского)» [Климович 2016б]; «Специфика концептов „преступление“ и „наказание“ в русском языковом сознании» [Климович 2015]; «Судебный дискурс как часть юридического дискурса» [Климович 2016а]).

Г. В. Кубиц выявляет особенности профессионализации языковой личности, представленные в юридическом дискурсе («Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса)» [Кубиц 2005]; «Языковое сознание как составляющая профессионализации юриста» [Кубиц 2007]; «Стратегия речевого воздействия адвоката в судебном процессе» [Кубиц 2011]).

В. А. Мальцева изучает стратегии и тактики речевого воздействия и способов их реализации в судебном дискурсе («Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса)» [Мальцева 2011б]; «Проблема речевого воздействия в профессиональном дискурсе» [Мальцева 2009]; «Судебные прения: речевые стратегии и тактики» [Мальцева 2011а]).

М. С. Шевченко (Медведева) изучает особенности перевода текстов юридического дискурса, анализирует аргументативные схемы и их лингвистическое наполнение («Трудность перевода юридического дискурса с учётом особенностей военной документации» [Шевченко 2015]; «Аргументативные схемы и их лингвистические показатели в юридическом тексте» [Шевченко 2018]; «Употребление и способы перевода модальных глаголов в юридических текстах» [Медведева 2014]).

Э. Ш. Никифорова характеризует особенности реализации стратегий коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах русского, казахского и американского судебного дискурса («Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах (на примере текстов судебного дискурса английского, русского и казахского языков)» [Никифорова 2013]; «Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса» [Никифорова 2012а]; «Тактика имитированного диалога как элемент стратегии эмоционального воздействия в судебном дискурсе» [Никифорова 2012б]).

О. Н. Тютюнова характеризует реализацию коммуникативных стратегий немецкого и русского судебного дискурса («Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач)» [Тютюнова 2008]; «Лингвопрагматическая характеристика судебных прений» [Тютюнова 2007а]; «Об институциональности дискурса судебного заседания» [Тютюнова 2007б]).

Л. Е. Попова анализирует и обобщает научные данные о семантическом и прагматическом статусе юридического дискурса («Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект)» [Попова 2005]; «Языковые реалии семантической направленности юридического текста» [Попова 2004а]; «Формы интерпретации юридического текста» [Попова 2004б]).

Обобщая, можем констатировать, что при изучении ЮД исследователями применяется ряд подходов, среди которых, не претендуя на исчерпывающую классификацию, а опираясь на установленную самими авторами предметную принадлежность исследования, можно назвать следующие:

- прагматический подход [Колесникова 2007; Косоногова 2008];
- семантический подход [Петрук 2007; Никишина 2017];
- комплексно-интегральный подход [Попова 2005; Овчинникова 2006; Зайцева В. В. 2011; Хомутова, Шефер 2019];
- дискурсивно-когнитивный подход [Коновалова 2008];
- жанроведческий/речежанровый подход [Дубровская 2010];
- прагматический подход [Попова 2005; Баламакова 2010б];
- психолингвистический подход [Мальцева 2011б].

Как следует из представленного выше обзора, фокус исследовательского внимания, с одной стороны, сосредоточен на юридическом тексте, с другой стороны, на обширной проблематике, связанной преимущественно с судебным дискурсом.

1.1.1.2.3. Типология юридического дискурса

ЮД является сложным образованием по своей структуре, интенциональности, сферам бытийности, формам реализации, языковому воплощению, жанровым разновидностям и т. д. В юрислингвистике виды ЮД имеют статус *субдискурса* или *поддискурса*. В проанализированных нами источниках были обнаружены различные виды ЮД, их перечень представлен в табл. 4.

Таблица 4. Виды ЮД в работах отечественных учёных

Виды ЮД	Исследователь
Дискурс права, законодательный дискурс, судебный дискурс	А. В. Богатырёв [Богатырёв 2016]
Законодательный дискурс, судебный дискурс, административный дискурс	М. В. Коновалова [Коновалова 2008]
Законодательный дискурс, судебный дискурс, приватный дискурс	О. А. Крапивкина [Крапивкина 2011]
Законодательный дискурс, юрисдикционный дискурс, дискурс общего надзора и контроля, следственно-дознавательный дискурс, полицейский дискурс, пенитенциарный дискурс, нотариальный дискурс, дискурс адвокатуры и пр.	И. В. Палашевская [Палашевская 2012]
Законодательный дискурс, судебный дискурс, административный дискурс	М. Н. Федулова [Федулова 2010б]
Законодательный дискурс (нормативный дискурс законодательной и исполнительной власти), индивидуальный административный дискурс,	Д. Н. Шлепнёв [Шлепнёв 2017]

процессуальный (судебный, правоохранительный) дискурс, доктринальный дискурс (теория права), корпоративный дискурс, правореализационный (волеизъявительный) дискурс, «канцелярский» (трафаретный) дискурс	

Также представим более расширенную классификацию ЮД Д. Н. Шлепнёва:

- *законодательный дискурс*, или *нормативный дискурс законодательной и исполнительной власти* – это акты, связанные с созданием права на над- и межгосударственном уровне, на уровне государства, на уровне его административно-правовых образований, включая органы местного самоуправления (международные договоры, законодательные тексты надгосударственных организаций (ЕС, ООН), конституции, законы, нормативные акты исполнительной власти и т. д.);
- *индивидуальный административный дискурс* – это индивидуальные решения исполнительной власти, т. е., в отличие от предыдущей категории, не нацеленные на широкий круг получателей и, несмотря на распорядительный характер, не создающие правовую норму (распоряжения правительства, приказы министерств и ведомств, различные предписания и т. д.);
- *процессуальный (судебный, правоохранительный) дискурс* – тексты, связанные с применением права судебными органами (отправлением правосудия), с охраной правопорядка и законности (судебные решения, заявления в суд, постановления о возбуждении дела, протоколы допросов, судебные протоколы, свидетельские показания, заключения экспертов, различные фактоустанавливающие документы и т. д.);
- *доктринальный дискурс*, или *теория права* – научные работы (теория права) и учебные (учебно-ознакомительные тексты);
- *корпоративный дискурс* – документы, создающие и регулирующие правила поведения на данном предприятии или в данной организации (данном учреждении) (уставы, положения о должностных обязанностях, различные инструкции);
- *правореализационный (волеизъявительный) дискурс* – акты, фиксирующие волеизъявление субъектов и регламентирующие отношения между конкретными субъектами (документы, сопровождающие сделки – договоры, а также документы,

направленные на уточнение договора – оферты и акцепты оферт, заказы и акцепты заказов, различные запросы и т. д.);

- *«канцелярский» (трафаретный) дискурс* – это акты, фиксирующие правовой статус конкретного субъекта и режим субъекта, режим объекта, какое-либо событие или действие (различные индивидуальные и «шаблонные» документы – свидетельства – о рождении, о браке, – справки, сертификаты; бухгалтерские документы; товаросопроводительные документы; счета-фактуры и т. д.) [Шлепнёв 2017].

Наряду с юридическим дискурсом можно выделить также *параюридический дискурс* – тексты СМИ на юридическую тематику, выступления юристов в СМИ, популяризаторское общение юриста с неюристом и предписания низшего уровня («правила», «распорядки» и т. д. – любые регулятивные документы, которые можно встретить в магазинах, отелях и других общественных местах – не всегда грамотные) [Некрасова 2012: 97].

Схематически классификации ЮД обобщены на рис. 1

Рисунок 1. Виды ЮД по Т. П. Некрасовой и Д. Н. Шлепнёву

В. Отто описывает иерархическую модель подтипов языка права по степени их значимости [Otto 1981: 44–57], что по своей сути могут быть приравнены к некоторым субдискурсам ЮД. На верхней позиции располагается *язык законодательства (законодательный дискурс)*, за ним следуют *язык судебного процесса (судебный дискурс)*, *язык теории права и профессиональной экспертизы (доктринально-профессиональный дискурс)*, *язык административных органов*

(административный дискурс), *административный жаргон* и иные виды дискурсов (см. рис. 2) (перевод наш. – *А. Л.*).

Рисунок 2. Иерархическая модель подтипов языка права В. Отто [Simonnæs 2005: 385]

Классификация ЮД, предлагаемая К. Уильямсом, основана на форме речи: 1) письменный юридический дискурс; 2) устный юридический дискурс. *Письменный юридический дискурс* основывается на длинных сложных предложениях с запутанной структурой и практическим отсутствием пунктуации (характерно для английского языка; в русском языке пунктуация присутствует). Некоторые ранние статуты были сформулированы с помощью единичных сложных предложений, единственным знаком препинания в которых была конечная точка [Williams 2004: 113]. Однако отмечается, что, например, юридический английский не всегда был полностью «беспунктуационным»: знаки препинания были крайне необходимы для устного воспроизведения юридической документации. В связи с этим стоит отметить, что представление о юридическом английском как о языке, отрицающем любую пунктуацию, несколько ошибочно и правдиво лишь в рамках юридического дискурса последних лет [Crystal, Davy 1969].

Устный юридический дискурс может быть определён как особый тип дискурса, представляющий собой коммуникативное событие, участники которого общаются посредством высказываний в определённых социальных условиях, создаваемых стандартными процессуальными действиями, причём в процессе коммуникации обязательно соблюдение строго регламентированной процедуры судебного заседания [Баламакова 2010б: 7]. В основном это выступления

убеждающего плана, обвинительная речь прокурора, защитительная речь адвоката, а также информативные высказывания. К тому же, сюда относятся любые юридические консультации, чтения законопроектов и др.

По нашим данным, наиболее исследованными субдискурсами ЮД на сегодняшний день можно считать *судебный дискурс и административный дискурс*. Важно отметить, что все исследователи, описывавшие структуру ЮД в своих работах, выделяли *законодательный дискурс*.

О. Н. Тютюнова отмечает, что *судебный дискурс* – это институциональная форма общения, он организуется в рамках определённого социального института (суда), имеет определённую цель (установить истину) и определяется статусно-ролевыми характеристиками участников общения (профессиональными агентами – судья, прокурор, адвокат и непрофессиональными клиентами – подсудимый, свидетель) [Тютюнова 2008: 5]. Л. Н. Шевырдяева определяет судебный дискурс как «деятельность судей по правовому регулированию и регламентации действительности, получающую конечное выражение в их речи, а именно создаваемых ими текстах судебных решений» [Шевырдяева 2009: 11]. Судебному дискурсу присуща сценарность, ролевая структура, символичность, строгий протокольный порядок ведения судебного заседания, а также наличие артефактов (мантия судьи, плашка, деревянный молоток). Основными стилевыми чертами речи юриста (например, адвоката) являются ясность, краткость, сжатость, конкретность, лаконичность. Специальными стилевыми чертами является официальность, непринуждённость, эмоциональность, безличность [Федулова 2010б: 12]. Также отмечается выразительность речи и использование речевых штампов (происходящих из официальных письменных документов).

Административный дискурс включает тексты, появившиеся в процессе осуществления служебной деятельности каким-либо официальным или неофициальным учреждением – приказы, инструкции, удостоверения, служебные записки, справки [Коновалова 2008: 8]. Согласно О. А. Евтушенко, данному типу дискурса присущи специфические черты, находящиеся в сфере управления и управленческой (бюрократической) коммуникации [Евтушенко 2010: 113].

О. А. Крапивкина выделяет как институциональные жанры ЮД, так и персонализированные жанры ЮД [Крапивкина 2011]: например, по мнению исследователя, *РЖ указа* представляет собой личностно-ориентированный РЖ письменного ЮД, сочетающий в себе черты как институциальности, так и персонализированности. Что касается американского ЮД, которого мы будем касаться в ходе данного исследования, Л. Н. Шевырдяева отмечает, что, например, жанровое пространство американского судебного дискурса в его современном состоянии сформировано многолетней судебной практикой, при этом центральным жанром является *судебное решение* (*court judgment*), в качестве поджанров которого выступают *решение суда*, или *мнение большинства* (*court opinion* или *majority opinion*), *особое мнение согласия* (*concurring opinion* или *concurrence*) и *особое мнение несогласия* (*dissenting opinion* или *dissent*). В соответствии со способом создания текста поджанр характеризуется либо как *коллегиальный* (*решение суда*), либо как *индивидуально-авторский* (*особое мнение согласия* и *особое мнение несогласия*) [Шевырдяева 2009: 8].

Классифицируя ЮД на различные виды, исследователи сходятся во мнении относительно его общих особенностей. Среди качеств ЮД отмечаются также такие, как интеракциональность, адресность, интенциональность, аргументативность, терминологичность, прагматичность (деятельность, достижение цели), информативность, интерпретируемость, а также институциональность и когерентность (когеренция) как выражение целостности ЮД. Категории когерентности и интертекстуальности являются средствами выражения целостности юридического дискурса. Целостность – это универсальное свойство, обеспечивающее объекту возможность сохранять свои специфические черты при взаимодействии с другими объектами [Коновалова 2008: 5]. Согласно М. Л. Макарову, когеренция, в отличие от когезии, охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса [Макаров 2003: 123–124].

Вслед за М. В. Коноваловой и Д. Н. Шлепнёвым в качестве рабочего определения юридического дискурса сформулируем следующее: *юридический дискурс* – это институциональный тип дискурса, относящийся к сфере урегулирования социальных взаимоотношений, обладающий жёсткой организацией и иерархическим строением, объединяющий в себе тексты правовой тематики, зафиксированные в устном и письменном виде, имеющие отношение к созданию, реализации и объяснению права, вместе со связанными экстралингвистическими факторами, определяющими функционирование текстов и коммуникацию участников в рамках какой-либо правовой системы.

1.1.2. Лингвистический статус и специфика законодательного дискурса

ЗД (объект данного исследования), является субдискурсом (видом, типом) ЮД.

Специфика ЗД связана в первую очередь с его жёсткой институциональностью и письменной формой выражения в противоположность гибким видам ЮД, например, устному судебному.

М. В. Коновалова определяет законодательный дискурс как подтип юридического дискурса, в рамках которого создаются и утверждаются законодательными органами различные правовые акты, в том числе и законы [Коновалова 2008: 8]. На тактическом уровне законодательный текст отличается логичностью изложения, композиционной стройностью и рядом языковых особенностей (безличностью изложения, высокой степенью терминологизации и клишированности, употреблением настоящего времени и модальных слов и выражений, сложностью синтаксиса) [Борисова 2010: 5].

Отмечается, что для ЗД, в частности, характерны соответствие нормам литературного языка, экспрессивная нейтральность, интертекстуальность/рекуррентность, безличность и нейтральность изложения, высокая степень терминологизации и клишированности, преимущественное использование настоящего времени, частое употребление модальных глаголов и модально окрашенных конструкций, выражающих правомочие, обязанность,

дозволение или запрет, достаточно высокая степень сложности синтаксических конструкций [Борисова 2010: 9]. Тексты, составляющие ЗД, направлены на достижение таких качеств, как точность и ясность. Для обозначения всего многообразия терминологии ЗД Л. А. Борисова вводит термин *тезаурус законодательства*, обозначающий иерархически структурированную систему лексических единиц, находящихся друг с другом в родовидовых отношениях (отношениях соподчинения).

Интертекстуальность представляет собой категорию, обеспечивающую связь текстов, благодаря которой тексты могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. «Интертекстуальность – это универсальное свойство, присущее как текстовой, так и дискурсивной реальности и заключающееся в способности текстов ссылаться друг на друга, заимствуя содержательные и формальные элементы, принадлежащие другим текстам» [Коновалова 2008: 16]. Для большинства текстов законодательного дискурса характерна интертекстуальность или рекуррентность, реализуемая посредством ссылок на иные законодательные акты (пункты, части и статьи кодексов, федеральные законы, указы и т. д.).

Резюмируя, на основании привлечённых научных источников, можем сформулировать следующее определение ЗД. *Законодательный дискурс* – это иерархически выстроенная, генерализируемая посредством речевых жанров система текстов нормативных правовых актов, характеризующаяся с точки зрения 1) прагматического контекста (существует в рамках определённой правовой системы, манифестирующей права и обязанности его субъектов, реализующихся в соответствии с конвенциональными ролевыми предписаниями); 2) стилистических особенностей (характеризуется письменной институализированной формой выражения, которая диктует жёсткую структуру и специфику языковых средств).

1.2. Речевой жанр как единица структурирования законодательного дискурса

1.2.1. Речевой жанр и альтернативные единицы структурирования дискурса

Вопрос структурирования дискурса до настоящего времени является дискуссионным.

Одним из наиболее распространённых подходов к структурированию дискурса считается *теория речевых актов (ТРА)* Дж. Л. Остина и Дж. Р. Сёрла. В отечественной традиции одним из фундаментальных и хорошо разработанных направлений является *теория речевых жанров (ТРЖ)* [Вежбицкая 2007; Федосюк 1996; Шмелёва 1997; Dönninghaus 2001; Dementyev, Dönninghaus 2007], с которой связаны имена М. М. Бахтина, А. Г. Баранова, И. Н. Борисовой, В. В. Дементьева, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, В. А. Салимовского, К. Ф. Седова, М. Ю. Федосюка и др. М. Н. Кожина отмечает, что при всём сходстве этих явлений, они далеко не тождественны, что отражается на специфике их изучения. Имеющиеся различия между этими понятиями обусловлены своеобразием национальных (или региональных) научно-мировоззренческих интересов и устремлений учёных [Кожина 1999: 52]. Тезисно изложим основные положения ТРА с целью обоснования выбора единиц структурирования дискурса в настоящем исследовании.

Теория *речевых актов* и речеобразования содержится в лингвистических концепциях В. Гумбольдта, Ш. Балли, С. И. Карцевского, Л. П. Якубинского, К. Л. Бюлера, Э. Бенвениста, М. М. Бахтина и др. Однако целостная и развитая теория речевых актов сложилась лишь в рамках лингвистической философии под влиянием идей Л. Витгенштейна о множественности назначений языка и их неотделимости от форм жизни: взаимодействие языка и жизни оформляется в виде «языковых игр», опирающихся на определённые социальные регламенты. Основы *теории речевых актов* (ТРА) были заложены английским философом Дж. Л. Остином. В дальнейшем ТРА развивалась в трудах Ш. Балли, М. М. Бахтина, Э. Бенвениста, В. В. Богданова, К. Л. Бюлера, В. Гумбольдта,

С. И. Карцевского, М. Л. Макарова, А. А. Романова, И. П. Сусова, Л. П. Якубинского и др. [Арутюнова 1990в URL].

Дж. Л. Остин выделяет три основных составляющих речевого акта – *локуцию* (акт говорения без учёта намерений Автора и успешности совершённого речевого акта), *иллокуцию* (интенциональную составляющую речевого акта – то намерение, которое вкладывает Автор в речевой акт и надеется достигнуть в результате) и *перлокуцию* (собственно, эффект, оказываемый на Адресата, достигаемый в результате совершения речевого акта). В зависимости от интенции Автора в ТРА различают *констативы* – утверждения о фактах, которые подлежат верификации (подтверждение аутентичности) в зависимости от степени правдивости, и *перформативы* – высказывания, которые не подлежат такой верификации, так называемые исполнительные высказывания [Скорофатова 2012: 62]. Дж. Л. Остин выделяет пять основных типов перформативных речевых актов: 1) *вердиктивы (verdictives)* (суждения и решения, необязательно окончательные); 2) *экзерситивы (exercitives)* (выражения влияния или власти); 3) *комиссивы (commissives)* (обещания, обязательства, намерения); 4) *бехабитивы (behabitives)* (социальные установки); 5) *экспозитивы (expositives)* (метаязыковые высказывания, выражающие место высказывания в ходе диалога или дискуссии) [Austin 1962: 150–151]. Перформативные речевые акты и в целом категория перформативности зачастую рассматриваются именно в работах, посвящённых специфике юридического дискурса [Палашевская 2010; Купченко 2015; Миловидов, Бородина 2017].

Н. Д. Арутюнова определяет речевой акт (РА) как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе»; РА предстаёт как «единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [Арутюнова 1990б URL]. Основными чертами РА являются намеренность (интенциональность), целеустремлённость и конвенциональность. РА всегда соотнесены с лицом говорящего. Последовательность РА создаёт дискурс [Op. cit.]. Дж. Л. Остин рассматривает РА

как единицу языкового общения. Дж. Р. Сёрл пишет: «Вопреки распространённому мнению единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа <…>, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта» [Сёрл 1986: 152].

Л. В. Балашова и В. В. Дементьев отмечают, что «известнейшая формальная модель при изучении живой речи – (западная) ТРА, как известно, забуксовывает, как только дело доходит до описания более-менее объёмных фрагментов и целых разговоров» [Балашова, Дементьев 2022: 19]. И. П. Сусов полагает, что речевой акт не может быть полноправно назван «минимальной» или «элементарной» единицей именно общения, а лишь претендует на роль «элементарной единицы *сообщения*» (курсив наш. – *А. Л.*) [Сусов 1984: 5]. Данную точку зрения поддерживает и А. Вежбицкая: «Привлекают внимание исследователей <…> высказывания очень короткие, в большинстве случаев однофразовые» [Вежбицкая 1997: 100]; «<…> слово „акт“ вызывает представление о высказывании коротком, одноразовом (<…> однофразовом)» [Вежбицкая 1997: 101]. А. Вежбицкая обращает внимание на коммуникативную «неполноценность» РА как дискурсивной единицы: «Понятие речевого акта является недостаточным орудием для анализа речи <…> потому, что исключает <…> сложные жанры» [Вежбицкая 1997: 100].

Отмечается и выраженная грамматическая природа речевых актов: «В результате исследование речевых действий человека часто превращается <…> в исследование типов предложений» (вопросительных, восклицательных, побудительных) [Вежбицкая 1997: 101]. Следовательно, по своей сути речевые акты представляют собой отдельные высказывания, вычленяемые в потоке речи, и, что немаловажно, процесс их идентификации может представлять трудности ввиду единого набора критерий вычленения: с точки зрения специалистов по конверсационному анализу, ТРА недостаточно внимания уделяет разговорным последовательностям [Найман 2015: 53]. Теория речевых актов в целом признаётся довольно искусственной, схематичной и не отражающей реальные коммуникативные процессы. Аналогом речеактового подхода, который является по своей сути динамическим, выступает коммуникативно-стилистический. Его

обоснование содержится в диссертациях [Мкртычян 2012; Янсон 2022], посвящённых изучению коммуникативного стиля и выполненных на материале устного дискурса.

В качестве альтернативной дискурсивной единицы можно назвать *речевой жанр (РЖ)*. Первые опыты жанровой типизации уходят своими корнями в античность и затрагивают литературно-письменный поэтический континуум. Понятие РЖ прежде всего связано с именем М. М. Бахтина, который ввёл в научный обиход термин РЖ и определил его как речь, «отлитую» по определённым «формам», и они «даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин 1996: 181].

М. М. Бахтин отмечает, что речевой жанр – «это не форма языка, а типическая форма высказывания, как такая, жанр включает в себя и определённую типическую, свойственную данному жанру экспрессию. В жанре слово получает некоторую типическую экспрессию. Жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам, следовательно, и некоторым типическим контактам значений слов с конкретной реальной действительностью при типических обстоятельствах. Отсюда и возможность типических экспрессий, которые как бы наслаиваются на слова. Эта типическая жанровая экспрессия принадлежит, конечно, не слову, как единице языка, не входит в его значение, а отражает лишь отношение слова и его значения к жанру, то есть к типическим высказываниям» [Op. cit.].

Проблема классификации речевых жанров ввиду их многомерности, выделения их типов, наряду с вопросами, что такое речевой жанр, что является и что не является речевым жанром, а также где лежат границы между речевым жанром и смежными явлениями – всё это относится к наиболее важным и актуальным проблемам *теории речевых жанров* [Дементьев 2010: 155]. Как отмечает В. В. Дементьев, теория речевых жанров существует в виде более или менее сложившегося и разработанного научного направления едва ли три десятка лет и особенно активно развивается (вероятно, и меняется) именно в настоящее время [Дементьев 2020: 173].

По М. М. Бахтину: «<…> говорящему даны не только <…> формы общенародного языка <…>, но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры» [Бахтин 1996]. Под речевым жанром вслед за М. М. Бахтиным нами понимаются *относительно устойчивые типы* высказываний, вырабатываемые в каждой сфере использования языка [Бахтин 1996: 159]. Лингвистическая дисциплина, изучающая функционирование речевых жанров, носит название *жанроведение* (или *генристика*). Основными центрами изучения РЖ в России называют такие города, как Саратов, Пермь, Екатеринбург, Орёл, Воронеж, Новосибирск и Иркутск. Речевыми жанрами интересовались многие исследователи, среди которых А. Г. Баранов, М. М. Бахтин, Л. В. Балашова, С. Гайда, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, К. А. Долинин, Е. А. Земская, Е. А. Китайгородская, М. Н. Кожина, Н. Н. Розанова, В. А. Салимовский, М. Ю. Федосюк, Т. В. Шмелёва и др.

Главным препятствием на пути к собственно лингвистическому изучению жанров, безусловно, является многообразие жанров и их вариативность [Дементьев 2020: 187]. М. М. Бахтин справедливо замечает: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных)» [Бахтин 1996: 159]. При определении РЖ среди ряда экстралингвистических факторов непременно называется сфера общения и деятельности, которая и определяет репертуар речевых жанров.

М. Н. Кожина отмечает, что главное отличие концепции РЖ М. М. Бахтина от ТРА в том небезызвестном факте, что в трактовке речевого общения и его единиц он стоит на *социологических* позициях, а не психологических (как это представлено в ТРА). Другим существенным отличием взглядов М. М. Бахтина относительно РЖ от определения РА в ТРА является *стилистический аспект*, обусловленный научными интересами учёного, – аспект, который остался вне поля

зрения ТРА (в крайнем случае представлен на периферии учения, факультативно) [Кожина 1999].

Придавая большое значение изучению *первичных* и *вторичных жанров*, М. М. Бахтин подчёркивает, что «первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер: утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности…» [Бахтин 1996]. О возможности трансформации РЖ в юридическом дискурсе пишет также И. В. Палашевская: так, например, *РЖ допроса* может трансформироваться в *РЖ разговора не для протокола* между следователем и подследственным и принимать форму *РЖ разговора по душам*, порождающего соответствующие коммуникативные ожидания, что позволяет воздействовать на Адресата в нужном направлении [Палашевская 2012: 26]. Для обозначения более крупных жанровых единиц (обладающих свойствами вторичности) также используется термин *гипержанр*, а единицы более низшего, чем жанр, уровня обозначается термином *субжанр*.

В настоящем исследовании разграничиваются понятия нормативный правовой акт (далее – НПА) и РЖ. НПА – это юридическое понятие, обозначающее официальный документ, принятый правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. НПА имеет текстовое воплощение; совокупность текстов НПА генерализируется посредством РЖ.

Соотношение понятий таково: НПА – документ (текст), РЖ – модель типичного текста документа. Один РЖ может объединять несколько НПА (например, РЖ *КОНСТИТУЦИЯ РФ* объединяет тексты Конституции разных редакций), и, напротив, один НПА может реализовывать признаки нескольких РЖ в пограничных случаях.

НПА в настоящей работе не рассматривается как метажанр: метажанр предполагал бы объединение РЖ на основании их собственных, внутрижанровых признаков, тогда как НПА – понятие внешнее по отношению к жанровой системе,

юридическое. Соотношение понятий может быть представлено как «НПА (документ) – РЖ (модель) – текст (конкретная реализация модели)».

Таким образом, положение о том, что РЖ является отечественным аналогом РА, лишь в какой-то мере справедливо относительно первичных РЖ (но не вторичных). Основываясь на сопоставительной работе М. Н. Кожиной [Кожина 1999], мы представили основные сходства и различия РА и РЖ в виде таблицы (см. табл. 5).

Таблица 5. Сопоставление РА и РЖ

Речевой акт (РА)	Речевой жанр (РЖ)
Сходства	
Речеведческий аспект теории языка (стремление выйти за рамки абстрактной системы языка в живую практику его употребления, использования в процессе речевого общения)	
Принцип изучения в контексте экстралингвистических факторов	
Динамический аспект функционирования (РА и РЖ как единицы процесса языкового общения и речевой деятельности, как звенья в динамике речи, в процессе построения текста, дискурса; слово как действие и деятельность общения)	
Различия	
Краткость объёма: однофразовость	Многообразие объёмов: как однофразовость, так и текстуальность; может состоять из нескольких РА
«Привязка» к грамматике языка	Важна, но не играет решающей роли
Зиждется на психологических позициях	Зиждется на социологических позициях
Остался вне поле зрения исследователей	Стилистический аспект
Всегда связан с говорящим (Автором) и менее ориентирован на слушающего (Адресата): активный Автор, пассивный Адресат	Обе роли активны (диалогическая природа коммуникации)
*Воз*действие	*Взаимо*действие
Не связан со сферой общения и деятельности	Сфера общения и деятельности определяет репертуар РЖ (трактовка в русле идей функциональной стилистики)
Действие (отсюда превалирование перформативов)	Функционирование не ограничено лишь действием
Первичный характер	Как первичный (простой), так и вторичный (сложный) характер
Трансформация невозможна	Возможность трансформации из первичных во вторичные РЖ

Исследование РЖ, как пишет В. В. Дементьев, ведётся по двум направлениям: лингвистическое изучение (генристика) и прагматическое изучение (жанроведение). Лингвистическое изучение РЖ, или генристика, исходит из интенций говорящего, при этом опирается на разработанную методологию и терминологию ТРА. В рамках прагматического подхода речевой жанр изучается в связи с социальными условиями конкретной ситуации, с учётом коммуникативной

ситуации и статусно-ролевых характеристик участников общения [Дементьев 2010].

В. Е. Гольдин отмечает, что актуальность проблематики жанроведения определяется многими факторами. Во-первых, исследование речевых жанров соответствует общей направленности современного языкознания на анализ речи в прагматическом аспекте, на поиск связей между строением речевых произведений и компонентами ситуации общения, включая в число последних прежде всего субъекты коммуникативной ситуации, отношения между ними, их знания и интенции.

Во-вторых, работы в области жанроведения, безусловно, стимулируются тем, что лингвистика, исследуя жанры речи, не обладает даже относительно полным их перечнем, так что всё время обнаруживаются жанры, обойдённые вниманием исследователей, и всё новые «претенденты» на место в этом ряду.

В-третьих, интерес к жанроведению обусловлен и стремлением теоретиков осмыслить место (отчасти и «заслуги») жанроведения в ряду лингвистических дисциплин. Статус жанроведения ещё недостаточно определился. Жанроведение должно учесть накопленные наблюдения, осмыслить их в собственной системе понятий [Гольдин 1999: 4–6].

1.2.2. Прагматические и стилистические аспекты изучения речевых жанров законодательного дискурса

Для рассмотрения прагматических и стилистических (которые в рамках данного исследования объединены общим термином – прагмастилистических) особенностей РЖ ЗД обратимся к смысловому содержанию лингвистических терминов *прагматика* и *стилистика*. Н. Д. Арутюнова даёт следующее определение прагматики: *прагматика* (от греч. *πρᾶγμα*, род. п. *πρᾶγματος* – «дело», «действие») – это «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Термин „прагматика“ введён в конце 30-х гг. XX в. Ч. У. Моррисом как название одного из разделов семиотики, которую он разделил на *семантику*, изучающую отношение знаков к объектам, *синтактику* – раздел о межзнаковых отношениях, и *прагматику*,

исследующую отношение к знакам говорящих» [Арутюнова 1990б URL]. Последний элемент моррисовской триады эксплицирует коммуникативную составляющую функционирования языка: на передний план выходят отношения между Адресатом, Автором и связывающим их «содержимым» коммуникации, что чётко вписывается в антропоцентрическую парадигму современных лингвистических исследований. Выделение и формирование прагматики в 60-х – начале 70-х гг. было стимулировано идеями Ч. С. Пирса, Дж. Л. Остина, Дж. Р. Сёрла и др. Основатель Тверской школы лингвистической прагматики И. П. Сусов определяет прагматику как «исследование особенностей употребления языка с учётом актуальных контекстов речевого общения» [Сусов 2007]. Следовательно, прагматика сосредоточена на экстралингвистическом фоне (а языковые единицы на втором плане), а стилистика, наоборот, – на языковых единицах в первую очередь.

Стилистика определяется как «раздел языкознания, имеющий основным предметом *стиль* во всех языковедческих значениях этого термина – как индивидуальную манеру исполнения речевых актов, как функциональный стиль речи, как стиль языка» [Степанов 1990 URL]. Стилистика как направление лингвистических исследований посвящена как изучению стиля как феномена, но и эволюции стилей в связи с историей *литературного языка*, так и специфике функционирования РЖ в различных сферах общения, которые связаны с функциональными стилями. Ш. Балли пишет, что «стилистика изучает эмоциональную экспрессию элементов языковой системы, а также взаимодействие речевых фактов, способствующих формированию системы выразительных средств того или другого языка» [Балли 2009: 17]. По убеждению Т. Г. Винокур, «углубившись со временем не в социальную, а лишь в коммуникативную реальность, прагматика предоставила изучение общественного языкового бытия другим наукам, в частности, стилистике» [Винокур 2007: 22].

По мнению Т. В. Шмелёвой, РЖ – это особая *модель* высказывания, из чего следует, что необходимо исследование его в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях. В рамках

такого подхода могут быть осуществлены как монографические описания отдельных РЖ, так и построение их общей типологии. Основываясь на идеях, учитывая результаты, полученные в рамках ТРА и теории жанров художественной речи, данный подход соотносится со стратегией активной грамматики в понимании, «двигаясь» от автора, его замыслов и предварительных условий общения к способам языкового воплощения РЖ, в которых для Адресата закодирована вся необходимая для успешного общения жанровая информация. Поскольку такой подход оказывается обращенным к РЖ как феномену речи, его логично обозначить *речеведческим* (курсив наш. – *А. Л.*) [Шмелёва 1997].

Речевые жанры официально-делового стиля, к которому могут быть отнесены тексты ЮД, отличаются особой степенью устойчивости и принудительности ввиду своей «строгой» и «предсказуемой» природы. Вопросам юридического жанроведения, являющегося объектом настоящего исследования, посвящены многочисленные труды таких исследователей, как Л. А. Борисова, Н. П. Глинская, Н. Д. Голев, В. С. Зубарев, Н. Н. Ивакина, О. А. Крапивкина, Л. П. Крысин, Н. А. Мишанкина, И. В. Палашевская, Л. В. Полубиченко, Ж. А. Рожнева, A. Trosborg, H. Halmari, T. Virtanen, P. M. Tiersma.

Л. А. Борисова описывает композиционные и языковые характеристики статута как доминантные признаки, отличающие статут от других разновидностей речевого жанра «законодательный текст» («Композиция и языковые особенности статута как поджанра в англоязычном юридическом дискурсе» [Борисова 2010]; «Сравнительный анализ переводов Конституции Российской Федерации на английский язык» [Борисова 2015]; «Юридический дискурс: основные характеристики» [Борисова 2016]).

Л. Р. Дускаева и О. В. Протопопова выстраивают жанровую классификацию официально-делового стиля, подстилями которого являются *законодательный*, *юрисдикционный*, *административный* и *дипломатический* [Дускаева, Протопопова 2014: 150–153]. Жанры разделены по функциям (*предписание*, *ходатайство*, *осведомление*) и форме речи (*устная* и *письменная*). Выделяются следующие жанры: письменные предписывающие – *законы*, *решения*,

нормативные акты, *указы*, *постановления*, *вторичные жанры* (*инструкция*, *разъяснительное письмо*, *консультация*, *постатейный и оперативный комментарий*); устные ходатайствующие – *апеллирующие парламентские речи*; устные осведомляющие – *парламентские речи*, *прения*.

И. Д. Зайцева изучает дискурсивные особенности постановления как жанра институционального дискурса («Дискурсивные признаки жанра постановления (на материале русских текстов правового дискурса)» [Зайцева И. Д. 2011]; «Постановление как речевой жанр» [Зайцева И. Д. 2010а]; «Текст постановления: жанр, дискурс, личность» [Зайцева И. Д. 2010б]).

О. А. Крапивкина анализирует лингвистический статус Субъекта в англо-американском и русскоязычном юридическом дискурсе («Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков)» [Крапивкина 2011]; «Жанровое пространство юридического дискурса» [Крапивкина 2014]; «Многозначность глагола *shall* как проблема интерпретации и перевода юридических документов» [Крапивкина 2016]).

Н. В. Овчинникова изучает коммуникативно-прагматические особенности судебного дискурса в ходе комплексного интегрального анализа с учётом лингвистических, психологических, социальных и культурологических аспектов данного явления («Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса» [Овчинникова 2006]; «Коммуникативно-прагматические особенности судебного дискурса и языковая личность» [Овчинникова 2004]; «Жанровые особенности судебного дискурса» [Овчинникова 2005]).

К. А. Петрук выявляет семантические и синтаксические характеристики речевого жанра «дискламация» в англоязычном юридическом дискурсе («Семантико-синтаксические характеристики речевого жанра „дискламация“ в англоязычном юридическом дискурсе» [Петрук: 2007]; «Тонально-жанровые характеристики текста дискламации» [Петрук 2005]; «Коммуникативные роли юридического дискурса» [Петрук 2006]).

Л. Н. Шевырдяева изучает судебный дискурс в социолингвистическом, прагматическом, функционально-стилистическом и лингвокогнитивном аспектах

(«Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США)» [Шевырдяева 2009]; «Жанровое пространство современного американского судебного дискурса» [Шевырдяева 2007а]; «Судебное решение как жанр современного американского судебного дискурса» [Шевырдяева 2007б]).

Как следует из приведённого обзора, изучение ЗД, по нашим данным, в современном жанроведении практически не представлено.

Выводы по главе 1

В главе 1 рассмотрены теоретические основания исследования: уточнено содержание понятий *дискурс*, *юридический дискурс*, *законодательный дискурс*, *речевой жанр*; проведён обзор направлений изучения юридического дискурса; уточнено разграничение *текста, дискурса* и *речевого жанра*; обоснован выбор прагмастилистического подхода.

Дискурс понимается как совокупность текстов в коммуникативно-прагматическом контексте, детерминированном спецификой институциональной сферы. Юридический дискурс – это дискурс всех видов коммуникативной деятельности, связанной с юриспруденцией. Законодательный дискурс – разновидность юридического дискурса, обладающая высшим правовым статусом; его специфика связана с жёсткой институциональностью и письменной формой выражения. Проведено разграничение законодательного дискурса со смежными типами – судебным и административным: первый связан с созданием правовых норм, второй – с правоприменением, третий – с деятельностью органов исполнительной власти. Это разграничение принципиально, поскольку объектом исследования является ядерная зона именно законодательного дискурса, а не юридического дискурса в целом.

Обзор научной литературы показал, что в современной лингвистике наиболее продуктивно разрабатываются два направления: одно сосредоточено на юридическом тексте, другое – на судебном дискурсе. Законодательный дискурс как

отдельный объект монографического описания не получил системного освещения, хотя во всех рассмотренных классификациях выделяется как самостоятельный тип.

Для достижения целей настоящего исследования значимы следующие научные положения: различная степень формализованности юридического дискурса является одним из критериев выделения его субдискурсов; изучение юридического дискурса требует применения комплекса методов исследования; речевой жанр является основной единицей структурирования дискурса; за именем жанра стоит определённое представление носителей языка, что обосновывает необходимость экспериментального этапа в настоящем исследовании.

Анализ типологий юридического дискурса показал отсутствие единого подхода к основаниям классификации, но во всех рассмотренных классификациях законодательный дискурс выделяется как отдельный тип. Это подтверждает правомерность его выделения в качестве объекта исследования и позволяет рассматривать законодательный дискурс как самостоятельный субдискурс, обладающий собственной жанровой структурой.

Единицей структурирования дискурса признаётся речевой жанр – относительно устойчивый тип высказываний (по М. М. Бахтину). По сравнению с альтернативными единицами – речевым актом и текстом – речевой жанр выступает наиболее релевантной единицей структурирования и анализа. Речевой жанр не отождествляется с текстом: текст – единица реализации, речевой жанр – единица моделирования. Это разграничение является принципиальным для настоящего исследования.

Обоснован выбор прагмастилистического подхода, синтезирующего идеи лингвистической прагматики (фокус на контексте) и функциональной стилистики (фокус на «речевой системности» по М. Н. Кожиной). Соединение этих областей позволяет, с одной стороны, учитывать прагматические параметры законодательного дискурса, с другой – описывать их языковое воплощение в терминах речевой системности.

Глава 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯДЕРНОЙ РЕЧЕЖАНРОВОЙ ЗОНЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

2.1. Моделирование как метод лингвистического исследования законодательного дискурса: вопросы теории моделирования дискурса

Исследование дискурса сопряжено с целым рядом трудностей, обусловленных «погружением» этого материала «в жизнь». Расширяя объект лингвистического изучения за счёт привлечения прагматического пространства, исследователь вынужден ограничить фокус своего внимания, выделив наиболее сущностные и релевантные для поставленных целей параметры.

Согласно Р. Барту, целью любой структуралистской деятельности является воссоздание «объекта» таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования («функции») этого объекта. Далее Р. Барт формулирует понятие *структура*: «Это, в сущности, отображение предмета, но отображение направленное, заинтересованное, поскольку модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или, если угодно, неинтеллигибельным, в самом моделируемом предмете» [Барт 1989: 255].

Необходимость редуцирования материала в исследовательских целях позволяет рассматривать метод моделирования как эффективный для изучения дискурса.

Моделирование является общенаучным методом познания и определяется как «метод исследования объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений *(органических и неорганических систем, инженерных устройств, разнообразных процессов – физических, химических, биологических, социальных)* и конструируемых объектов для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и т. п.» [Философская энциклопедия URL]. Согласно Р. Барту, модель – это «интеллект, приплюсованный к предмету, и такой добавок имеет антропологическую значимость в том смысле, что он оказывается самим человеком, его историей, его ситуацией, его свободой и даже тем сопротивлением, которое природа оказывает его разуму» [Барт 1989: 255].

Моделирование как метод лингвистического исследования разрабатывается в трудах А. Ф. Лосева, В. Г. Адмони, Ю. Д. Апресяна, Ф. П. Филина, Й. Трира, С. Д. Кацнельсона, Г. С. Щура, А. В. Бондарко, Э. Рош.

Ю. Д. Апресян перечисляет следующие существенные свойства лингвистической модели:

1) наличие структурных свойств, скоррелированных со структурными свойствами моделируемого объекта;

2) редуцированность модели по сравнению с исходным объектом;

3) идеалистичность и искусственность (модель как конструкт);

4) экспланаторность, т. е. наличие такого рода объяснительности, которая выявляет новые свойства моделируемого объекта, необъяснимые с точки зрения старой теории.

Построение модели предполагает: 1) фиксирование фактов, требующих объяснения; 2) выдвижение гипотез для объяснения фактов; 3) реализацию гипотез в виде моделей, не только объясняющих исходные факты, но и предсказывающих новые, ещё не наблюдавшиеся факты; 4) экспериментальную проверку модели [Апресян 1966: 78].

О. Н. Лагута полагает, что «несмотря на широчайшее использование в научном узусе терминологии, связанной с описанием моделирования, единого или хотя бы близкого смыслового наполнения она не имеет. Гармонизация данной терминологии ещё практически не начиналась, а анализ ситуации усложняется тем, что в работах одного и того же исследователя, в трудах представителей одной научной школы, использующих единую терминосистему, единицы данной терминологической лексики употребляются недопустимо вольно» [Лагута 2003: 32]. А. Ф. Лосев писал о том, что основная задача лингвистического моделирования – «установление тех или иных структур, но не разыскивание новых языковых фактов, приведение в систему полученных эмпирическим путём языковых данных, что делает языковые категории более ясными, определёнными, максимально чётко сформулированными и систематизированными» [Лосев 2010: 52]. «Модель, воспроизводя какой-либо онтологически языковой объект, должна

не столько схематизировать его, сколько генерировать новые знания об объекте» [Белоусов 2010: 95].

Одной из объективных трудностей лингвистического моделирования является отсутствие достаточно полных и адекватных моделей, воспроизводящих не статичное состояние языкового механизма, а динамические лингвистические процессы, в том числе моделирование в рамках дискурса, ведь в естественных условиях коммуникации все подсистемы языка действуют неизолированно и оказывают существенное влияние друг на друга. И. В. Дорофеева отмечает, что модель в лингвистике – это «искусственно создаваемое лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение оригинала в лингвистических целях. Критерием адекватности модели является эксперимент. Активное обсуждение понятия модели и возможностей применения моделирования в лингвистике свидетельствует о том, что метод моделирования находит всё большее применение для изучения внутренних процессов, происходящих в языке» [Дорофеева 2015: 43–44].

Существуют несколько основных подходов к моделированию дискурса, основными «продуктами деятельности» в которых являются *системно-структурные (полевые) модели* и *функциональные модели дискурса*.

Первоначальное теоретическое осмысление понятия поля в языке содержалось в работах Г. Ипсена и Й. Трира. Германист Й. Трир стал основоположником парадигматического подхода и высказал мысль о том, что слова в языке существуют не хаотично и изолированно друг от друга, напротив, они группируются в замкнутую систему, где всё получает смысл только из целого [Trier 1931], введя тем самым понятие *семантического поля*. В рамках социосемиотического подхода к дискурс-анализу М. А. К. Халлидей предлагает «полевую модель», в которой взаимодействуют три структурных компонента: *смысловое (тематическое) поле*, *тональность (регистр)* и *способы реализации дискурса* [Halliday, Martin 1993].

Использование термина «поле» в лингвистике обусловлено влиянием точных и естественных наук, например, физики (ср. понятия «электромагнитное поле», «гравитационное поле» и др.), таким образом, поле – это пространство, в рамках которого действует какое-либо физическое явление. А. М. Кузнецов определяет поле в рамках языкознания как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов 1990 URL]. Теоретик *полевой модели системы языка* (*теории поля* в лингвистике) Г. С. Щур определял поле как способ существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами. Термин «поле» понимается как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Op. cit.].

Системно-структурные (полевые) модели дискурса связаны с *лексико-семантическими полями (ЛСП)*. ЛСП – это совокупность лексем, обозначающих определённое понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи [Эгамназаров 2018: 185]. Феномен ЛСП рассматривается рядом отечественных учёных (Э. М. Байдашева, Ш. Ю. Кужугет, Ю. А. Кузнецов, Т. Н. Куренкова и др.). Кроме собственно семантических полей выделяются *морфосемантические поля* (П. Гиро); *ассоциативные поля* (Ш. Балли); *грамматические поля* (М. М. Гухман, А. В. Бондарко); *синтагматические поля* (В. Порциг). ЛСП могут подразделяться на *лексико-семантические группы (ЛСГ)*, представляющие собой лексемы одной части речи. Классически в ЛСП выделяется *ядерная зона (часть)*, *околоядерная зона (часть)*, а также *периферийная зона (часть)*, подразделяемая в свою очередь на *ближнюю* и *дальнюю периферию*.

В. И. Ильин вводит в научный обиход понятие *дискурсивное поле* и рассматривает его с позиций социологии. По мнению учёного, дискурсивное поле – это «смесь интеллектуального и социального полей, здесь словесное

взаимодействие трансформируется в определённый тип социальной практики» [Ильин 2003: 47].

Обращаясь к теории лингвистических моделей и характеризуя полевые модели, следует назвать прототипическую модель Э. Рош. Эта модель сближается с полевой. Аналогом ядерной зоны выступает прототип. Прототип занимает ядерную зону, представляя собой некую категорию, объединяющую в себе признаки образца, а периферийные признаки выражены слабо.

Функциональные модели дискурса относятся к моделям иного типа, специфика которых отражена в их названии. Функциональность модели обеспечивается моделированием не статического, а динамического объекта, что объясняет их принципиальную разницу. К функциональным моделям можно отнести модели коммуникации, например, такие: линейную, интеракционную, трансакционную, также модели массовой коммуникации (например, модель Лассуэлла; модель Шеннона – Уивера; модель Осгуда – Шрамма; модель Гербнера; модель Ньюкомба; модель Берло; модель ДеФлера; модель Малецке и др.).

А. А. Романов и Н. А. Белоус пишут, что *функциональная модель дискурса* состоит из некоторого количества взаимодействующих компонентов: говорящего и слушающего в некоторой коммуникативной ситуации, пресуппозиционой базы, референта, иллокутивного намерения участников, которое реализуется посредством упорядоченного и регулируемого обмена репликовыми шагами по заданному сценарию определённого фрейма; работает названная модель только при актуализации всех элементов [Романов, Белоус 2012: 9].

Системно-структурные модели основаны на выявлении и моделировании потенциально статичных объектов, к числу которых относится ЗД.

2.2. Текст нормативного правового акта VS речевой жанр законодательного дискурса

Понятие текста имеет длительную историю в лингвистике, трактуется неоднозначно.

В. Б. Касевич различает широкое и узкое понимание текста с позиций коммуникативно-смыслового подхода: «Текст в широком смысле этого слова – то же самое, что речь, продукт производства, говорения (для звукового языка). Текст в узком смысле – единица речи (т. е. текста в широком смысле), которая характеризуется цельностью и внутренней связностью и как таковая может быть вычленена, отграничена от предыдущего и последующего текстов (если текст не изолирован). Текст в узком смысле – максимально конструктивная единица, хотя <…> в принципе текст может сводиться и к одному высказыванию. Как, впрочем, и высказывание может реализовываться в виде единственного слова» [Касевич 1988: 50–51]. В рамках этого подхода как в отечественной, так и в западной традиции существенным является понятие *цельности/целостности* (А. А. Леонтьев, М. Я. Дымарский,), *связности* (Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн), *когезии/когеренции* (В. Дресслер, Р. де Богранд).

Другую позицию разделяют сторонники мнения о языковой природе текста. Г. А. Золотова пишет: «Поскольку между текстом и предложением существуют отношения целого и части, построения и его составляющих, типовые значения фрагментов текста оказываются теми же, что и типовые значения предложений, иногда лишь поднятые выше иерархической ступенькой абстракции» [Золотова 1979: 130–131]. Сходную позицию занимает В. Е. Чернявская: «…о тексте (высказывании) говорят как о высшем уровне в языковой системе наряду с такими языковыми единицами, как фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение» [Чернявская 2006: 12]. М. М. Бахтин писал о соотнесённости внутритекстовых и экстратекстовых категорий [Бахтин 1986].

При установлении соотношения между понятиями *речевой жанр* и *текст* принципиальным становится вопрос о лингвистическом статусе текста. Оставив в стороне дискуссионные вопросы, касающиеся целесообразности каждого из подходов, примем определение текста как высказывания, предложенное М. М. Бахтиным. При этом речевой жанр понимается как типическая форма высказывания. При внешнем сходстве определений между текстом и речевым жанром есть существенная разница. Речевой жанр, с нашей точки зрения, в силу

типичности может выступать как *модель типичного текста, но не сам текст*. Предлагаемое разрешение вопроса о разграничении текста-высказывания (по М. М. Бахтину) и речевого жанра позволяет говорить, с одной стороны, о различных конкретных документах в рамках ЗД как о текстах, с другой стороны, о типичной форме этих документов, объединённых общих именем РЖ. С обозначенных позиций моделирование ЗД приобретает характер метода исследования, охватывающего весь массив нормативных правовых актов, каждый из которых в таком случае имеет статус не РЖ, но собственно текста.

ЗД объединяет в себе всю совокупность текстов документов, генерализированных с помощью РЖ. К текстам ЗД относятся нормативные правовые акты как *продукт законодательного процесса*.

Законодательный процесс – это урегулированный Конституцией РФ и регламентами палат Федерального Собрания РФ порядок (процедура) обсуждения, принятия и опубликования федеральных законов. От законодательного процесса следует отличать законотворчество – деятельность представительного (законодательного) органа государственной власти, связанную с выявлением потребности в принятии закона, его разработкой и принятием [Энциклопедический словарь «Конституционное право России» URL]. Законодательный процесс включает ряд последовательных стадий: *законодательную инициативу* от *разработки законопроекта* до его *внесения в парламент*, *обсуждение в парламенте*, *принятие закона* и его *обнародование*.

Целью законодательного процесса является формирование законодательства, основу которого составляет законодательная база. «Понимание законодательства как совокупности всех нормативных правовых актов на сегодняшний день оптимально. Более того, оно является традиционным в юридической науке и соответствует практике правотворчества и правоприменения. Широкое понимание законодательства, в отличие от узкого, позволяет рассматривать законы в единстве, взаимосвязи и взаимодействии с подзаконными актами. Лишь такой подход может создать реальную картину состояния правового регулирования общественных отношений» [Анциферова 2002: 6].

Законодательная база представляет собой официально опубликованные нормативные правовые акты. В соответствии с частью 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации, «законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются» [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL]. Так, на портале «Собрание законодательства Российской Федерации» собраны все нормативные правовые акты, выходящие в свет в составе электронных периодических изданий [Собрание законодательства Российской Федерации URL]. Существуют и иные официальные источники.

Исходя из того, что нормативные правовые акты Российской Федерации публикуются в официальных источниках, следует обратиться к каждому из официальных порталов для классифицирования типов существующих законодательных документов. Так, в «Парламентской газете» представлена подборка лишь из четырёх типов документов: *федеральный закон*, *конституционный закон*, *постановление Госдумы* и *постановление Совета Федерации* [Парламентская газета URL]. В «Российской газете» опубликованы следующие документы (также можно ранжировать нормативные правовые акты в зависимости от публикующего их ведомства и темы документа): *федеральный закон*, *Конституция*, *постановление*, *указ*, *приказ*, *сообщение*, *распоряжение*, *законопроект* [Российская газета URL]. Необходимо сразу отметить, что *сообщение* не является одним из типов правовых актов, а представляет собой лишь дескриптор для обозначения различного рода объявлений и извещений официальных ведомств Российской Федерации.

На официальном сайте «Собрания законодательства Российской Федерации» перечислено пять основных разделов этого периодического издания, из которых нас заинтересуют следующие типы законодательных текстов: *федеральные конституционные законы*, *федеральные законы; акты палат Федерального Собрания; указы и распоряжения Президента Российской Федерации; постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации* [Собрание законодательства Российской Федерации URL].

Официальный интернет-портал правовой информации *pravo.gov.ru* предлагает ознакомиться с правовыми актами Российской Федерации посредством обращения к иконке интересующего ведомства [Официальный интернет-портал правовой информации URL]. Однако имеется возможность осуществить поиск в системе, выбрав вид нормативного правового акта (из которых, несомненно, не все относятся к законодательному дискурсу): *временная инструкция*, *временное положение*, *временный порядок*, *выписка из приказа*, *выписка из форм*, *декларация, договор*, *доктрина*, *дополнение (дополнения)*, *Женевский акт*, *заключение*, *закон*, *закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации*, *заявление*, *изменение (изменения)*, *изменения и дополнения*, *инструкция*, *информационное письмо*, *кодекс*, *комментарий*, *конвенция*, *Конституция*, *Марракешский договор*, *обращение*, *определение*, *основные положения*, *основы законодательства*, *официальное разъяснение*, *официальное сообщение*, *письмо*, *положение*, *порядок*, *послание*, *постановление*, *постановление коллегии*, *правила*, *пресс-релиз*, *приказ*, *приложение к приказу*, *протокол*, *разъяснение (разъяснения)*, *рамочное соглашение*, *распоряжение*, *регламент*, *реестр*, *рекомендации*, *решение*, *решение коллегии*, *руководство*, *совместное постановление*, *соглашение*, *сообщение*, *справка*, *ставки*, *тарифное соглашение*, *телеграмма*, *телетайпограмма*, *типовое положение*, *типовой договор*, *типовые правила*, *указ*, *указание*, *условия*, *устав*, *федеральный закон*, *федеральный конституционный закон*, *федеративный договор*, *циркулярное письмо*.

Как следует из вышесказанного, даже на официальных порталах правовой информации не принято единой классификации нормативных правовых актов (нами были зафиксированы совпадающие нормативные правовые акты, но исчерпывающей типологии не представлено – что, несомненно, лишь усложняет работу по лингвистической систематизации данных текстов). М. Джоусе-Иванина отмечает, что ввиду определённого субъективизма при применении многих критериев любая классификация нормативных правовых актов имеет условный характер [Джоусе-Иванина 2010: 86].

Классификация текстов документов находится в компетенции правоведов. Основываясь на их классификациях, лингвист может моделировать общее поле ЗД, состоящее *не из текстов документов, а из речевых жанров.* Такого рода работу целесообразно проводить с опорой на компетентное мнение специалиста в области конституционного права.

Таким образом, *текст* – конкретный вербальный продукт, обладающий целостностью и связностью. *Документ* – текст, наделённый официальным статусом; в ЗД документ представляет собою *НПА*. *НПА* – документ, принятый правотворческим органом и содержащий правовые нормы; таким образом, понятие НПА уже понятия документа. *РЖ* – модель типичного текста документа, обобщающая признаки группы текстов; РЖ не является текстом и не является документом, а представляет собой конструкт, по отношению к которому тексты и документы выступают как реализации.

2.3. Параметры моделирования ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса

2.3.1. Юридическая сила как основной параметр моделирования ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса

Приступая к моделированию ЗД и выдвигая в качестве основного параметра моделирования юридическую силу, мы должны обратиться к классификации нормативных правовых актов в ЗД.

В юриспруденции существуют различные подходы к представлению структуры законодательства, среди них – *горизонтальное (отраслевое)* и *вертикальное (иерархическое)* деление. Горизонтальное строение законодательства обусловлено предметом правового регулирования, следовательно, требуется обратиться к классификации отраслей права, ведь каждая отрасль права регулируется соответствующим законодательством. Так, выделяются три группы – *материальные отрасли права* (включающие в себя *административное*, *гражданское*, *земельное*, *конституционное*, *налоговое*, *семейное*, *таможенное*, *трудовое*, *уголовное*, *уголовно-исполнительное*, *финансовое право*), *процессуальные отрасли права* (*арбитражное процессуальное*

право, *гражданское процессуальное право*, *административное судопроизводство*, *уголовно-процессуальное право*) и *комплексные отрасли права* (*предпринимательское*, *хозяйственное право*). Принято также отдельно выделять *международное право*, так как оно по своей сути отличается от внутригосударственного права. Перечисленные классификации имеют непосредственное отношение к ЗД, поскольку он охватывает именно те нормативные правовые акты из каждой сферы, которые обладают высшим юридическим статусом.

Нормативные правовые акты классифицируются на *законы* и *подзаконные акты*: согласно иерархической структуре источников права, подзаконные акты не могут противоречить законам Российской Федерации (равно как и региональные нормативные правовые акты должны коррелировать с федеральными). Деление нормативных правовых актов на законы и подзаконные акты характерно для *федерального* и *регионального уровней законодательства Российской Федерации*.

Как уже отмечалось, юриспруденция не даёт исчерпывающей и однозначной классификации нормативных правовых актов. Рассматривая понятие юридической силы в качестве основного параметра моделирования ЗД, следует учесть то обстоятельство, что бывают ситуации, когда несколько нормативных правовых актов регулируют одно и то же правоотношение, но кардинально разным образом. В юриспруденции данный феномен носит название *юридическая коллизия*. Наше обращение к такому узко профессиональному вопросу, как юридическая коллизия, обусловлено необходимостью показать, что понятие юридической силы может получать неоднозначную интерпретацию. По этому основанию при установлении иерархических отношений между нормативными правовыми актами мы должны учитывать применяемые нормы (см. табл. 6) (актуально на апрель 2023 г.) [РИА Новости. Нормативные правовые акты: понятие, виды и иерархия в России URL]:

Таблица 6. Разрешение юридической коллизии в российском законодательстве

Коллизия между нормами (актами)	Применяемая норма (акт)
Между Конституцией РФ и Международным договором РФ	Конституция РФ
Между Законом РФ и Международным договором РФ	Международный договор РФ

Между Федеральным конституционным законом РФ и Федеральным законом РФ	Федеральный конституционный закон РФ
Между Конституцией РФ и Конституциями (Уставами) субъектов федерации	Конституция РФ
Между Общефедеральными актами РФ и Актами субъектов РФ	Общефедеральный акт РФ
Между Законами РФ и Иными нормативными правовыми актами РФ	Закон РФ
Между актами, принятыми одним и тем же органом	Акт, принятый позже всех
Между актами, принятыми разными органами	Акт, принятый вышестоящим органом
Между общим и специальным актами	а) Если приняты органами одного уровня, то применяется специальный акт (коллизия по горизонтали); б) если акты приняты органами разного уровня, то применяется акт вышестоящего органа (коллизия по вертикали)

Как уже отмечалось, юридическую классификацию нормативных правовых актов нельзя приравнивать к классификации РЖ законодательного дискурса (один жанр воплощается в нескольких видах документов).

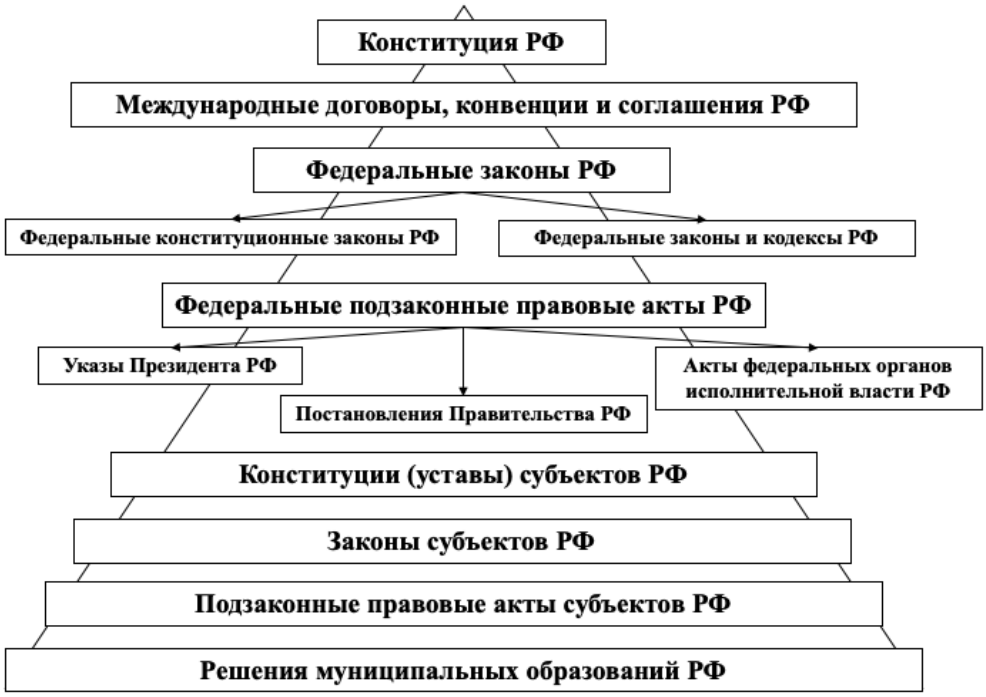

Рисунок 3. Иерархическая структура законодательства Российской Федерации (схема наша. – *А. Л.*)

Юридическая классификация законодательных актов представлена на рис. 3. В основу классификации положен параметр юридической силы. Идея пирамиды отражает иерархическое устройство законодательства. Акты федеральных органов государственной власти (законы и подзаконные акты министерств РФ или субъектов РФ) имеют меньшую юридическую силу по сравнению с указом Президента и постановлением Правительства РФ.

Опираясь на иерархические отношения документов, схематично представленные на рисунке, и выдвигая в качестве основного параметра моделирование критерий экстралингвистического порядка, можно предложить следующую схему модели ядерной речежанровой зоны ЗД.

Использование экстралингвистического параметра в качестве основания лингвистической модели не является оригинальным. В лингвистике такой ход не является исключительным: функциональная стилистика выделяет стили по сфере общения – параметру, лежащему за пределами собственно языковой системы (концепция В. В. Виноградова). Аналогично юридическая сила документа – параметр правовой, а не языковой – определяет иерархию речевых жанров ЗД и, как следствие, их прагмастилистические характеристики. Экстралингвистический фактор в настоящей работе не подменяет лингвистический анализ, а задаёт основание для классификации, внутри которой далее описываются собственно языковые особенности жанров.

Схема модели ядерной зоны речежанрового пространства российского законодательного дискурса представлена на рис. 4:

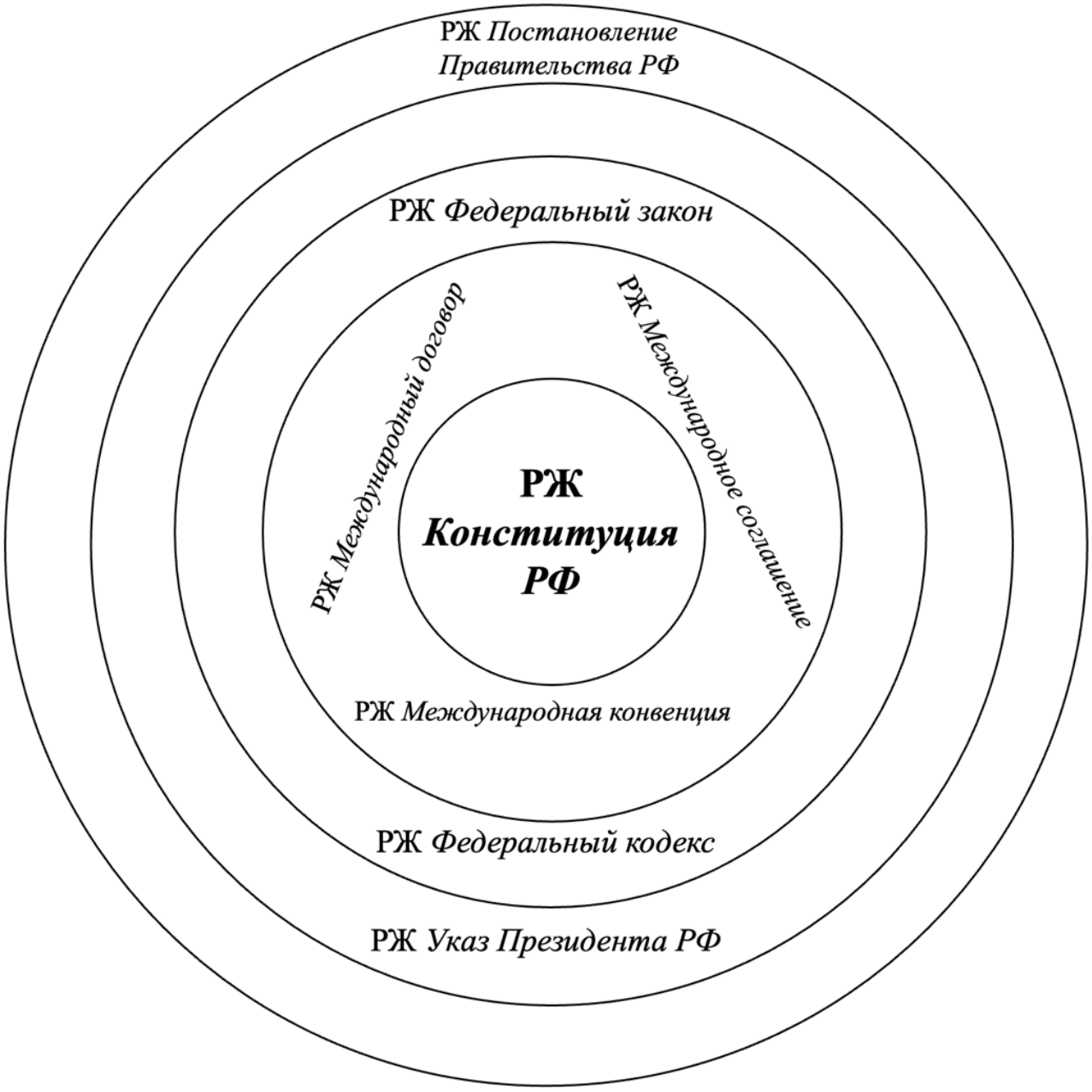

Рисунок 4. Ядерная зона ЗД РФ

Пирамидальная схема (рис. 3) отражает только иерархию по юридической силе; концентрическая схема (рис. 4) вводится дополнительно и решает две задачи. Во-первых, она показывает не только иерархию, но и степень близости жанра к ядерному: чем ближе к центру, тем полнее набор прагмастилистических признаков. Во-вторых, она позволяет отразить неоднородность самой ядерной зоны, выделив зону первого порядка (центр) и зону второго порядка (кольца вокруг центра). Таким образом, эвристическая ценность концентрической схемы состоит в том, что

она представляет ядерную зону не как перечень, а как структуру, в которой место жанра определяется совокупностью признаков, а не только юридической силой.

О. А. Крапивкина выделяет всего три жанра законодательного дискурса – *закон*, *конституция*, *указ* [Крапивкина 2014: 219–221]. Исследователь отмечает, что данная классификация не является исчерпывающей и приведена для обозначения исследовательского интереса «с точки зрения вербализации субъекта в составляющих их высказываниях» [Op. cit.].

Нельзя согласиться с идеей классификации О. А. Крапивкиной применительно к ЗД, поскольку наименование речевого жанра не может ограничиваться лексемами *указ, закон, конституция.* Такой подход привёл бы нас к путанице и невозможности полевого моделирования ЗД. Это обусловлено тем, что, как следует из рис. 3, законодательство России может быть представлено, с одной стороны, федеральными нормативными правовыми актами, с другой, нормативными правовыми актами субъектов РФ, т. е. законодательствами субъектов РФ, которые являются подзаконными федеральному законодательству. Эти типы законодательств имеют зеркальную структуру, но разную юридическую силу.

Например, определяя РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ в ядерную речежанровую зону, мы оставляем в периферийной зоне РЖ *Конституция субъекта РФ / Устав субъекта РФ* (например: *Устав Тверской области, Устав Московской области, Конституция Республики Татарстан* и т. д.).

РЖ *Федеральный закон*, наравне с РЖ *Федеральный кодекс*, входит в ядерную зону речежанрового пространства российского ЗД, а в периферийную зону можно отнести, соответственно, РЖ *Закон субъекта РФ* и РЖ *Кодекс субъекта РФ* (например: *Закон Тверской области, Закон Республики Саха (Якутия); Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях, Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях*).

РЖ *Указ Президента РФ* по принципу зонирования ЗД может быть противопоставлен РЖ *Указ Главы субъекта РФ*, а именно: *Указ Главы Республики Башкортостан, Указ Мэра Москвы, Указ Губернатора Свердловской области.*

РЖ *Постановление Правительства РФ* входит в ядерную речежанровую зону, в то время как иные РЖ с лексемой *постановление* могут как входить в периферийную зону (ср. РЖ *Постановление Правительства субъекта РФ*: *Постановление Правительства Тверской области, Постановление Правительства Ивановской области*), так и не являться РЖ ЗД вовсе (РЖ *Постановление суда* может быть отнесён не к законодательному, а к судебному дискурсу: *Постановление Конституционного суда РФ, Постановление Пленума ВАС РФ*).

Особое место в ЗД занимают документы, регулирующие международные отношения: РЖ *Международный договор*, РЖ *Международная конвенция* и РЖ *Международное соглашение*.

Очертив ядерную зону ЗД, мы можем её дифференцировать на зону первого порядка и зону второго порядка. В ядерную зону первого порядка входит РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ. В соответствии с частью 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации, «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL]. Помимо особого правового статуса РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ имеет целый ряд специфических речежанровых особенностей, о которых речь пойдёт в главе 3 настоящей работы.

Таким образом, в ядерную зону ЗД РФ попадают следующие РЖ: КОНСТИТУЦИЯ РФ*, Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон, Федеральный кодекс, Указ Президента РФ, Постановление Правительства РФ.* Объект настоящего исследования ограничен ядерной зоной ЗД федерального уровня. Жанры периферийной зоны в работе не рассматриваются; их описание может быть положено в основу другого исследования.

Перечисленные РЖ имеют текстовую реализацию в виде текстов определённых документов. Соотношение РЖ с примерами текстов документов представлено в табл. 7.

Таблица 7. Соотношение РЖ ядерной зоны ЗД с примерами текстов ЗД

РЖ ЗД	Наименование документа, в тексте которого реализован РЖ
Конституция РФ	Тексты разных редакций Конституции РФ: Конституция (Основной Закон) РСФСР 1918 г.; Конституция (Основной Закон) РСФСР 1925 г.; Конституция (Основной Закон) РСФСР 1937 г.; Конституция (Основной Закон) РСФСР 1978 г.; Конституция Российской Федерации 1993 г.; Конституция Российской Федерации 2020 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
Международный договор	Договор о партнерских отношениях между Российской Федерацией и Республикой Чили от 13 ноября 2010 года (ратифицирован Федеральным законом от 05.06.2012 № 59-ФЗ, вступил в силу 7 марта 2013 года); Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче от 1 декабря 2014 года (ратифицирован Федеральным законом от 07.03.2017 №24-ФЗ, вступил в силу 21 июля 2017 года); Договор между Российской Федерацией и Республикой Намибией о передаче лиц, осужденных к лишению свободы от 17 июня 2019 года (ратифицирован Федеральным законом от 27.12.2019 № 465-ФЗ, вступил в силу 17 апреля 2023 года); Договор между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 29 июня 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 14 апреля 2023 года № 115-ФЗ, вступил в силу 5 июня 2023 года)
Международная конвенция	Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 года (вступила в силу для Российской Федерации 1 августа 2014 года, Российская Федерация приняла Конвенцию с заявлениями на основании постановления Правительства Российской Федерации от 24.10.2013 № 940); Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года (ратифицирована Федеральным законом от 07.05.2013 № 76-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2013 года); Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и предотвращении избежания и уклонения от уплаты налогов и Протокол к ней (ратифицированы Федеральным законом от 03.08.2018 года № 287-ФЗ, вступили в силу 10 октября 2018 года); Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года (ратифицирована Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 196-ФЗ, Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 12 октября 2019 года)
Международное соглашение	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской

	Республики от 20 декабря 2010 года (ратифицировано Федеральным законом № 13-ФЗ от 28 февраля 2012 года, вступило в силу 6 июня 2013 года); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области авиационного поиска и спасания от 15 октября 2015 года (вступило в силу 5 июля 2017 года); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о расчетах и платежах от 5 июня 2019 года (вступило в силу 5 июня 2019 года); Соглашение о трансграничных перевозках радиоактивных материалов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 6 ноября 2020 г. (вступило в силу для Российской Федерации 28 января 2024 г.)
Федеральный закон	Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1; Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ; Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ; Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ
Федеральный кодекс	Гражданский кодекс Российской Федерации; Семейный кодекс Российской Федерации; Трудовой кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации
Указ Президента РФ	Указ Президента Российской Федерации от 26.11.2011 № 1545 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 17.09.2014 № 636 «О присвоении дипломатических рангов»; Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2020 № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»; Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2024 № 108 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»
Постановление Правительства РФ	Постановление Правительства Российской Федерации от 01.03.2013 № 174 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2019 № 893 «О введении временного порядка ввоза в Российскую Федерацию биомедицинских клеточных продуктов»; Постановление Правительства Российской Федерации от 26.03.2022 № 473 «О внесении изменений в Положение о Министерстве просвещения Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 20.01.2024 № 29 «О внесении на ратификацию протоколов о внесении изменений в российско-кубинские межправительственные кредитные соглашения»

Попутно в качестве справки отметим, что законодательный дискурс США по своей структуре существенно отличается от российского. В ядерную зону первого порядка по параметру правовой силы попадает тоже только КОНСТИТУЦИЯ США, однако она как по форме, так и по содержанию считается «живым» документом, поскольку в раздел «Поправки» вносятся ссылки на вновь

появляющиеся нормативные акты, текста которых в самой Конституции нет. Таким образом, те документы, которые упомянуты в «Поправках», можно отнести к ядерной зоне второго порядка. Это попутное сравнение убеждает в целесообразности дифференцирования ядерной зоны ЗД, которое имеет подтверждение в законодательной системе не только РФ.

2.3.2. Параметризация ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса

Приступая к лингвистическому описанию параметров моделирования речежанровой зоны ЗД, во-первых, обратимся к параметрам классифицирования ЮД в юрислингвистике, во-вторых, к существенным характеристикам дискурса, которые, с нашей точки зрения, могут быть положены в основу моделирования.

ЮД широко исследован в современной лингвистике, в рамках которой выделилось отдельное направление – *юрислингвистика*, однако ЗД как его составляющая остаётся малоизученным, как мы могли убедиться из обзора научной литературы, представленного в главе 1 настоящей работы. Можно назвать лишь единичные исследования, посвящённые этому вопросу.

Так, Е. З. Киреева приводит основания классификации жанров подзаконного дискурса (т. е. частично законодательного) по *функциональной структуре жанрового пространства*, *субъектно-адресатным отношениям*, *их событийной локализации*, по *действиям участников дискурса*, а также по *целям общения* [Киреева 2016: 79]. По функциональной структуре жанрового пространства для дискурса характерны ориентационные жанры, воплощаемые в текстах предписательного и информационного характера [Op. cit.]. По типу *институционального субъекта – автора документа* исследователь называет такие виды подзаконных актов, как *постановление*, *приказ*, *указ*, *распоряжение* и *решение*, которые соотносятся с тремя ветвями власти (законодательной, исполнительной ветвями и местным самоуправлением). Событийная локализация всегда зависит от фактических обстоятельств, следовательно, может быть отражена в целом комплексе жанров. Действия участников дискурса определяются стратегиями дискурса, к которым относятся: 1) определение путей развития

региона (*концепция*, *основные направления*, *стратегия*, *генеральный план*); 2) изучение проблем общественной жизни и предложение путей их решения, которые реализуются в программах; 3) регулирование общественно-социальных, экономических, гражданских, политических, правовых отношений путём издания правовых актов; 4) контроль за исполнением управленческих решений и деятельностью подотчётных и подчиняющихся органов (*акты*); 5) отчёты о проделанной работе, которые реализуются в жанре *отчёта* [Киреева 2016: 80]. И, наконец, в соответствии с целями общения и функциями выделяются *предписание*, *ходатайство* и *информирование* как виды частных деятельностей [Op. cit.].

Основываясь на юридической силе как основном прагматическом параметре моделирования изучаемого объекта, перейдём к обсуждению и корреляции дискурсивных и жанровых характеристик ЗД. К существенным категориям, характеризующим дискурс, В. И. Карасик относит следующие: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики); 2) условия общения (пресуппозиция, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); 3) организация общения (мотивы, цели, стратегии и др.); 4) способы общения (канал, режим, тональность, стиль, жанр) [Карасик 1998: 187].

Т. В. Шмелёва, разрабатывая анкету речевого жанра, называет семь параметров: 1) позиция Автора; 2) позиция Адресата; 3) диктумное содержание; 4) образ прошедшего; 5) образ будущего; 6) коммуникативные цели; 7) формальная организация и языковое воплощение [Шмелёва 1997].

Н. Б. Лебедева, опираясь на анкету Т. В. Шмелёвой, предлагает коммуникативно-семиотическую модель жанров естественной письменной речи, которая состоит из следующих фациентов (параметров) [Лебедева 2000]: 1) Автор (Кто?); 2) Адресат (Кому?); 3) Знак – Диктумно-модусное содержание (Что?); 4) Орудие и Средство (Чем?); 5) Субстрат – Материальный носитель знака (На чём?); 6) Место расположения Знака – Носитель субстрата (В чём?, На чём?). Несубстанциональные фациенты: 1) Цель – Коммуникативно-целевой фациент (Зачем?); 2) Графико-пространственный параметр Знака (Как?); 3) Среда коммуникации (Где?), в которую, включаются потенциальные соавторы, читатели

(реципиенты), опосредствующие передатчики и возможные «уничтожители» письменно-речевого произведения; 4) Коммуникативное время – временной интервал между созданием письменного знака и его восприятием (Когда?); 5) Фациент «Ход коммуникации»; 6) Фациент «Социальная оценка» (итого – 12 параметров).

Н. Б. Лебедева предлагает поэтапную методическую процедуру изучения жанров естественной письменной речи. Естественная письменная речь характеризуется тремя признаками: письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения.

Методическая процедура состоит из следующих этапов [Лебедева и др. 2011: 59–61]:

0. Первичная формулировка – дефинирование РЖ по данным словарей либо на основе исследовательской интуиции, показаниям информантов.

1. Определение выделенности и устойчивости данного типа текста в речевой действительности, отражённой в языковом (жанровом) сознании носителей языка. Выделенность и устойчивость РЖ в реальной действительности определяется его частотностью, встречаемостью в речевой практике. Выделенность РЖ в обыденном языковом сознании определяется по ряду оснований:

а) наличие у РЖ специального наименования в повседневной речи и обыденном метаязыковом сознании;

б) проявленность РЖ в метажанровой рефлексии при использовании метода лингвистического эксперимента (опроса, анкетирования), нередко применяемого при исследовании РЖ естественной письменной русской речи;

в) обнаружение некоторой информации о РЖ в интернет-ресурсах.

2. Анализ текста по коммуникативно-семиотической модели, разработанной для описания РЖ естественной письменной русской речи. В результате подобного описания выделяется набор признаков каждого конкретного текста.

3. Выстраивание жанровых признаков в доминантно-детерминантные цепочки для выявления причинно-следственных отношений между данными

признаками и выделения доминанты РЖ. Так, для РЖ электронно-опосредованной коммуникации доминантным признаком оказывается характер субстрата.

4. Выделение жанроворелевантных (жанрообразующих) и жанровонерелевантных свойств жанра, среди последних – частотные и малочастотные. Данный этап завершается моделированием признаковой структуры РЖ по полевому принципу: установлением ядерных, околоядерных и периферийных признаков.

5. Описание внутрижанровой структуры: определение вариантов и вариаций РЖ.

6. Установление места РЖ в жанровом пространстве, в кругу смежных явлений, близких по некоему признаку или ряду признаков РЖ. Разграничение РЖ осуществляется посредством ядерных и околоядерных признаков, сопряжение – посредством признаков периферийных, которые накладываются друг на друга, что ведёт к возникновению жанроидов.

7. Конструирование расширенной, многоаспектной дефиниции исследуемого РЖ, включающей все основные признаки, выделенные в результате поэтапной методики жанровой квалификации текстов.

С целью моделирования речежанрового пространства ЗД сопоставим перечисленные дискурсивные и жанровые параметры.

1. «Участники общения» как дискурсивный параметр может быть соотнесён с «позицией Адресата и Автора» в анкете речевого жанра Т. В. Шмелёвой [Шмелёва 1997].

Вопрос о концепции Адресата и Автора в законодательном дискурсе не может быть решён однозначно. Нормативные правовые акты представляют собой формализацию общественного договора между обществом и государством, «между основными социальными слоями и группами нашего общества» [Зорькин URL]. Между тем, в тексте Конституции РФ прямо сказано: *«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <…> принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»* [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL]. Одновременно с этим в различных нормативных правовых актах есть указание на государство и его

представителей как коллективного Адресата (*Президент РФ*, *Правительство РФ*, *Совет Федерации*, *Государственная Дума* и др. наименования органов власти), а к позиции Адресата тяготеет общество (*граждане*, *люди*, *народ*, *народы*, *население* и др. лексемы). При этом Автор одновременно может выступать в роли Адресата. Среди лексем, представляющих позицию Адресата в тексте Конституции РФ, частотными можно считать следующие: *гражданин* (зафиксировано 29 раз), *человек* (24 употребления), местоимение-прилагательное *каждый* (31 употребление). Иными словами, специфика «участников общения» как дискурсивного параметра заключается в *аутодиалогичности Адресата/Автора*.

Рассмотрим с этой точки зрения другие РЖ ядерной зоны (*Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон, Федеральный кодекс, Указ Президента РФ, Постановление Правительства РФ)*. И если из наименования РЖ *Постановление Правительства РФ* и РЖ *Указ Президента РФ* очевидно, кто Автор, то с иными РЖ ядерной зоны всё не так прозрачно.

Так, федеральные законы и федеральные кодексы, согласно статье 105 Конституции РФ, принимаются Государственной Думой [Конституция 2020 с Комментариями URL]. В соответствии с частью 2 статьи 105 Конституции РФ, «федеральные законы принимаются большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы, если иное не предусмотрено Конституцией Российской Федерации» [Op. cit.]. В соответствии с частью 3 статьи 105 Конституции РФ, «принятые Государственной Думой федеральные законы в течение пяти дней передаются на рассмотрение Совета Федерации» [Op. cit.]. Впоследствии все федеральные законы и кодексы подписываются Президентом РФ. Автором РЖ *Федеральный закон* и РЖ *Федеральный кодекс* является как население РФ, так и сам Адресат, а именно Федеральное Собрание и Президент РФ, а также остальные органы государственной власти.

Что касается РЖ *Международный договор*, РЖ *Международная конвенция* и РЖ *Международное соглашение*, Автор является коллегиальным и включает в себя как представителей всех государств, являющихся сторонами такого договора,

конвенции или соглашения. Помимо этого, Адресатом будет являться также население всех указанных стран-участниц договора, конвенции или соглашения.

2. «Условия общения» могут быть соотнесены с «диктумным содержанием» речевого жанра, с «образом прошлого» и с «образом будущего». Это диктумно-модусная рамка (по Н. Б. Лебедевой).

3. «Организация общения» включает в себя коммуникативную цель, мотивы, стратегии, ценности. Т. В. Шмелёва выделяет четыре типа коммуникативных целей: *информативные*, *императивные*, *этикетные* и *оценочные*. Коммуникативные цели могут быть соотнесены с функциями речи, которые в концепции В. В. Виноградова выступают в качестве лингвистического основания классификации функциональных стилей (*общение*, *сообщение*, *воздействие*). К этой же группе можно отнести Фациент «Социальная оценка» (по Н. Б. Лебедевой), т. е. аксиологический аспект, который имеет такие нормативные параметры, как этическая, интеллектуальная, эмоциональная, эстетическая, культурологическая оценка: хорошо – плохо, прилично – неприлично, принято – не принято, красиво – некрасиво, «по-русски – не по-русски» и пр. [Лебедева 2000].

4. «Способы общения» (по В. И. Карасику) могут быть охарактеризованы через «формальную организацию» и «языковое воплощение речевого жанра» (по Т. В. Шмелёвой). Особенностью ЗД является письменный модус его существования. Речевые жанры ЗД тяготеют к официально-деловому функциональному стилю. Вопрос о стилевой принадлежности требует особого рассмотрения.

Таблица 8. Сопоставление жанровых и дискурсивных параметров по Т. В. Шмелёвой, Н. Б. Лебедевой и В. И. Карасику

Жанровый параметр (по Т. В. Шмелёвой и Н. Б. Лебедевой)	Дискурсивный параметр (по В. И. Карасику)
1. «Позиция Адресата и Автора» / «Автор», «Адресат»	«Участники общения»
2. «Диктумное содержание» / «Диктумно-модусная рамка»	«Условия общения»
3. «Коммуникативные цели» / Фациент «Социальная оценка»	«Организация общения»
4. «Формальная организация», «Языковое воплощение речевого жанра» / «Орудие и Средство»	«Способы общения»

Таким образом, обобщим жанровые и дискурсивные параметры, используемые для уточнения характеристик РЖ ядерной зоны ЗД. К числу таких характеристик относятся следующие: юридическая сила документа, имя жанра, позиция Адресата/Автора, диктумно-модусная рамка, целеполагание и аксиологичность, языковое воплощение.

Разграничение ядерной и периферийной зон ЗД проводится по двум критериям.

Первый критерий – юридическая сила документа. К ядерной зоне относятся нормативные правовые акты федерального уровня, обладающие высшей юридической силой; акты субъектов РФ и муниципальных образований, а также подзаконные акты ниже уровня Правительства РФ образуют периферийную зону.

Второй критерий – лингвистический: отнесение жанра к ядерной зоне подтверждается наличием у него полного набора прагмастилистических параметров (юридическая сила документа, имя жанра, позиция Адресата/Автора, диктумно-модусная рамка, целеполагание и аксиологичность, языковое воплощение), тогда как у жанров периферии часть этих параметров редуцирована или совпадает с ядерными по своим языковым проявлениям. В соответствии с параметром юридической силы к ядерной зоне ЗД относятся такие речевые жанры: КОНСТИТУЦИЯ РФ (ядерная зона первого порядка), *Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон*, *Федеральный кодекс*, *Указ Президента РФ*, *Постановление Правительства РФ* (ядерная зона второго порядка).

В основу моделирования речежанрового пространства ЗД нами положен параметр юридической силы законодательного акта (который относится к третьей

группе дискурсивных категорий – «организация общения»). Использование фактора не собственно лингвистического порядка как основание лингвистической классификации (в том числе и моделирования) в лингвистике не является новым. В частности, разграничение функциональных стилей осуществляется в первую очередь в зависимости от сферы общения.

2.3.3. Прагмастилистические особенности речевых жанров ядерной зоны второго порядка законодательного дискурса

Т. В. Шмелёва отмечает, что в современной отечественной русистике существует лексический подход при работе с РЖ: он предполагает обращение к номинации жанров, толкованию их семантики. Однако на основе лексем, номинирующих РЖ, нельзя составить исчерпывающее представление о РЖ хотя бы потому, что одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований [Шмелёва 1997].

Проблеме номинации РЖ в русском языке посвящена отдельная глава в монографии «Русские речевые жанры» [Балашова, Дементьев 2022], где рассматриваются вопросы, связанные с этимологией лексем, именующих РЖ, их словообразовательной «активностью», семантической структурой, семантической продуктивностью и т.д.

Как было установлено, в ядерную зону ЗД входят следующие РЖ: КОНСТИТУЦИЯ РФ (ядерная зона первого порядка), *Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон*, *Федеральный кодекс*, *Указ Президента РФ*, *Постановление Правительства РФ* (ядерная зона второго порядка). Описание жанрообразующих характеристик РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ как ядерной зоны первого порядка содержится в третьей главе настоящей диссертации.

Основанием дифференциации служит не только юридическая сила, но и совокупность прагмастилистических признаков. В ядерную зону первого порядка входит РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ, который обладает набором признаков, отсутствующих у остальных ядерных жанров: наивысшая юридическая сила;

дефиниционная отчётливость номинации; эксплицированная аксиологичность; особенности языкового воплощения (наличие мелиоративной лексики); конвергентность образа Автора и образа Адресата. Ядерную зону второго порядка образуют остальные РЖ ядерной зоны.

Обратимся к лексемам, которые используются для наименования речевых жанров ядерной зоны ЗД, по данным словаря С. И. Ожегова: *конституция*, *договор, конвенция, соглашение*, *кодекс*, *закон*, *указ*, *постановление*.

КОНСТИТУЦИЯ. 1. Основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан [Толковый словарь Ожегова URL].

ДОГОВОР. Соглашение, обычно письменное, о взаимных обязательствах [Op. cit.].

КОНВЕНЦИЯ. Международный договор по какому-нибудь определённому вопросу [Op. cit.].

СОГЛАШЕНИЕ. 2. Договор, устанавливающий какие-нибудь условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон [Op. cit.].

КОДЕКС. 1. Свод законов [Op. cit.].

ЗАКОН. 2. Постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью; установленные государственной властью общеобязательные правила [Op. cit.].

УКАЗ. Постановление верховного органа власти, имеющее силу закона [Op. cit.].

ПОСТАНОВЛЕНИЕ. Коллективное решение, официальное распоряжение [Op. cit.].

Проведём компонентный анализ лексем, которые номинируют РЖ ядерной зоны второго порядка ЗД. Компонентный анализ представлен в табл. 9.

Таблица 9. Компонентный анализ лексем ядерной зоны РЖ российского законодательного дискурса

семы из словарных дефиниций	лексема							
	конституция	*договор*	*конвенция*	*соглашение*	*кодекс*	*закон*	*указ*	*постановление*
основной закон государства	+							
определяет основы общественного и государственного строя	+							
определяет систему государственных органов	+							
определяет права и обязанности граждан	+							
свод законов					+			

постановление государственной власти						+		+
нормативный акт	+	+	+	+	+	+	+	+
принят государственной властью	+	+	+	+	+	+	+	+
установленные государственной властью общеобязательные правила	+	+	+	+	+	+	+	+
постановление верховного органа власти	+	+	+	+	+	+		+
имеет силу закона	+	+	+	+	+	+	+	+
коллективное решение	+	+	+	+	+	+		+
официальное распоряжение						+	+	+
письменное соглашение о взаимных обязательствах		+	+	+				
международный договор		+	+	+				
по определённому вопросу			+					
договор		+	+	+				
устанавливает условия, взаимоотношения, права и обязанности сторон		+	+	+				

Как свидетельствует материал табл. 9, в которой обобщены результаты компонентного анализа лексем, называющих РЖ ядерной зоны ЗД, разграничение перечисленных лексем затруднено. Словарные дефиниции слабо скоррелированы друг с другом: используются толкования, трактуемые одно через другое (*закон – постановление*); не разграничиваются смежные понятия; отсутствует общая логика трактовки понятия. Безусловно, формулирование дефиниций подобного рода – это кропотливая работа, которая требует привлечения мнения специалистов в области юриспруденции.

Таким образом, данные из толковых словарей не дают достаточного материала для разграничения лексем, номинирующих речевые жанры ядерной зоны ЗД. Компонентный анализ словарных дефиниций фиксирует ядерные семы, но не позволяет установить, какие из них актуальны для носителей языка, а какие остаются достоянием лексикографической фиксации; он также не показывает, с

какими коннотативными и антропоморфными компонентами связано имя жанра в языковом сознании. Именно поэтому лексикографический этап дополняется экспериментальным: он даёт данные о том, как имя речевого жанра представлено в восприятии носителей языка. Словарные дефиниции уточняются с опорой на прагматические параметры, характеризующие ЗД. В этом смысле предпринимаемое исследование имеет перспективу не только для жанроведения и дискурс-анализа, но и может дать уточняющий материал для лексикографии, поскольку номинации речевых жанров ЗД и создание их типологии тесно связаны с системой прагматических параметров.

Характеризуя такие параметры РЖ ядерной зоны второго порядка, как позиция Адресата/Автора, диктумно-модусная рамка, целеполагание и аксиологичность, языковое воплощение, следует отметить их сугубую обусловленность специальной сферой – юриспруденцией. Вероятно, этот факт является причиной отсутствия лингвистических исследований, посвящённых этой теме. Мы бегло охарактеризуем перечисленные параметры, опираясь на информацию, извлечённую по большей части из источников права.

В таблице объединены диктумно-модусная рамка, целеполагание и аксиологичность в силу существенной формализованности нормативных правовых актов, которая не оставляет места для собственно лингвистической интерпретации. Т. В. Шмелёва, описывая анкету РЖ, пишет о разной степени релевантности её параметров, поскольку некоторые параметры не являются чувствительными для тех или иных РЖ. Н. Б. Лебедева тоже обращает внимание на эту особенность. «Набор этих параметров конституирует обобщенную модель естественной письменной речи, они все находятся во взаимосвязи, обусловливают друга, но при этом для разных жанров могут быть более значимы одни параметры и менее значимы другие. К тому же некоторые параметры могут „склеиваться“ друг с другом, расщепление их не обязательно может быть значимым» [Лебедева 2000].

Прагматическая характеристика РЖ отражена в табл. 10. Таблица составлена с опорой на экспертное мнение специалистов в области законодательного права. Аксиологичность является имплицитной.

Таблица 10. Прагматическая характеристика РЖ российского ЗД

РЖ	Автор	Адресат	Диктумно-модусная рамка, целеполагание
1. Международный договор	Субъекты международного права	Субъекты международного права, граждане участвующих государств	Соглашение между государствами или иными субъектами международного права, устанавливающее, изменяющее или прекращающее их взаимные права и обязанности в политической, экономической, научно-технической, культурной и иных сферах международных отношений. Означает международное соглашение, заключённое Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Международные договоры образуют правовую основу межгосударственных отношений, являясь средством поддержания всеобщего мира и безопасности, развития международного сотрудничества. В отличие от конвенций являются юридически обязательными.
2. Международная конвенция	Субъекты международного права	Субъекты международного права, граждане участвующих государств	Частный договор о чём-либо между двумя государствами, простой по форме и однопредметный по своему содержанию. Конвенции могут не являться юридически обязательными, и ими могут оформляться определённые рамки или концепции, не предусматривающие конкретных мер.
3. Международное соглашение	Субъекты международного права	Субъекты международного права, граждане участвующих государств	Соглашение между государствами или иными субъектами международного права, чаще всего определяющие общие принципы регулирования каких-либо отношений.
4. Федеральный закон	Государственная Дума + Совет Федерации = Федеральное Собрание /	Граждане РФ вместе с государственными и общественными организациями, предпринимательс	Обладает высшей юридической силой по отношению к иным актам, является основой для Указов Президента РФ, Постановлений Правительства РФ, актов субъектов РФ и иных актов; регулирует

	Всенародное голосование	ками структурами и должностными лицами, Президент РФ, Правительство РФ	наиболее значимые экономические, политические, организационные, а также иные отношения.
5. Федеральный кодекс	Государственная Дума + Совет Федерации = Федеральное Собрание	Граждане РФ вместе с государственными и общественными организациями, предпринимательскими структурами и должностными лицами, Президент РФ, Правительство РФ	Тип федерального закона, регулирует и кодифицирует крупную сферу, область, группу общественных отношений.
6. Указ Президента РФ	Президент РФ	Граждане РФ вместе с государственными и общественными организациями, предпринимательскими структурами и должностными лицами, Правительство РФ	Обладает высшей юридической силой после Конституции РФ и федеральных законов; вступает в силу одновременно на всей территории государства по истечении семи дней после официального опубликования. Общая цель реализации Указов – обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации прежде всего за счёт кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора.
7. Постановление Правительства РФ	Правительство РФ	Граждане РФ вместе с государственными и общественными организациями, предпринимательскими структурами и должностными лицами, Президент РФ	Обязательно для исполнения на всей территории России; могут быть отменены Президентом РФ в случае их противоречия Конституции РФ, ФЗ и Указам Президента РФ. Акт управления общенормативного содержания, издаваемый Правительством РФ в пределах его компетенции, на основе и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов и указов президента РФ.

С точки зрения языкового воплощения, анализируемые РЖ ядерной зоны второго порядка ЗД РФ имеют определённую стилистическую принадлежность. Если исходить из концепции функциональных стилей В. В. Виноградова, то тексты, репрезентирующие РЖ ЗД, имеют определённую относятся к официально-деловому стилю с элементами научного юридического подстиля (прежде всего за счёт юридической терминологии).

Перечислим наиболее яркие стилистические особенности языкового воплощения РЖ ЗД, не останавливаясь на детальном анализе, поскольку вопрос о специфике официально-делового стиля речи всесторонне разработан в рамках функциональной стилистики (см. табл. 11).

Таблица 11. Особенности языкового воплощения РЖ российского ЗД

Лексическая особенность	Пример
Официально окрашенная лексика	*вышеперечисленный, надлежащий, воспрещается, содеянное, удостоверяю, нижеследующий*
Устойчивые клишированные обороты	*в целях защиты, для обеспечения безопасности, права и свободы, в соответствии с федеральным законом, подлежать официальному опубликованию*
Субстантивация прилагательных	*исполняющий обязанности, уполномоченный по правам человека, обвиняемый, задержанный, заключенный под стражу, потерпевший*
Слова со значением долженствования, запрета, возможности, невозможности	*должен, обязан, запрещается, имеет право, допускается, не может, не вправе, имеющий право*
Отымённые предлоги	*в целях, в течение, на основании, в связи с, в силу, в порядке, в соответствии*
Расщеплённые сказуемые	*оказать влияние, внести предложение, поддержать предложение, оказать помощь, обеспечивать участие, иметь верховенство*
Страдательные конструкции	*гражданин не может быть лишен, государством гарантируется, положения не могут быть пересмотрены, лицо не может быть подвергнуто*
Сложные синтаксические конструкции (осложнённые оборотами, с несколькими предикативными единицами)	*Убийство: а) двух или более лиц; б) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга; в) малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека; г) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; д) совершенное с особой жестокостью; е) совершенное общеопасным способом <…>*

К элементам научного юридического подстиля относится юридическая терминология: *правопреемство, унитарное юридическое лицо, хозяйственное товарищество, уставный капитал, дочернее хозяйственное общество, муниципальное унитарное предприятие* и т. д.

С точки зрения композиции, все РЖ ЗД имеют чёткую структуру. Структура нормативного правового акта может состоять из следующих основных элементов: преамбула, часть / раздел, глава, параграф, статья, часть / пункт, пункт статьи, подпункт, абзац. Преамбула нормативного правового акта содержит разъяснение его целей, мотивов, оснований его принятия и может состоять из абзацев.

В нормативных правовых актах зачастую присутствует раздел «Основные понятия»: 1) Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1: *банк, банк с универсальной лицензией, банк с базовой лицензией, небанковская кредитная организация, иностранный банк*; 2) Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ: *персональные данные, обработка персональных данных, автоматизированная обработка персональных данных, распространение персональных данных и др.*; 3) Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О гражданстве Российской Федерации»: *гражданин СССР, гражданин Российской Федерации, гражданство Российской Федерации, двойное гражданство, единственный родитель (усыновитель), ребёнок, родители и др.*

Часть может быть приравнена как к пункту, так и к разделу. Так, в Конституции РФ и Уголовном кодексе РФ часть статьи, обозначенная арабской цифрой, именуется частью (напр. ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). В Гражданском кодексе РФ это же называется пунктом (напр. п. 1 ст. 365 ГК РФ). Уголовный кодекс РФ также разделён на *Общую часть* и *Особенную часть*.

Часть 1 статьи 105 УК РФ [Уголовный кодекс Российской Федерации URL] состоит из несколько абзацев:

1. Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, –

наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Таким образом, РЖ ядерной зоны российского ЗД воплощают в себе все те особенности, свойственные текстам официально-делового стиля, которые подчинены таким принципам организации их «речевой системности» (термин М. Н. Кожиной), как стабильность, стандартизированность, беспристрастность, краткость.

Выводы по главе 2

В главе 2 разработана модель ядерной речежанровой зоны законодательного дискурса Российской Федерации и обоснован её полевой характер.

Обоснован выбор метода моделирования: редуцирование материала необходимо в силу «безбрежности» дискурса; модель позволяет выявить структурные свойства объекта и сгенерировать новое знание о нём. Модель законодательного дискурса является полевой (имеет ядерную и периферийную зоны) и статичной.

Установлено соотношение понятий *текст*, *документ*, *нормативный правовой акт*, *речевой жанр*: текст – конкретный вербальный продукт; документ – текст, наделённый официальным статусом; НПА – документ, содержащий правовые нормы; РЖ – модель типичного текста. Соотношение по объёму: текст шире документа, документ шире НПА; РЖ находится на уровне модели, а не реализации. Это разграничение позволило отделить уровни анализа и избежать смешения юридического и лингвистического понятий.

В основу классификации РЖ положен экстралингвистический параметр – юридическая сила документа. Его использование обосновано преемственностью с функциональной стилистикой, где стили выделяются по сфере общения. Показано, что экстралингвистический фактор не подменяет лингвистический анализ, а задаёт основание классификации, внутри которой далее описываются собственно языковые особенности жанров.

Разграничение ядерной и периферийной зон проводится по двум критериям: юридическая сила и наличие полного набора прагмастилистических параметров. Введение второго, лингвистического критерия позволило подтвердить отнесение жанра к ядерной зоне не только по формально-правовому, но и по собственно языковому основанию.

В ядерную зону ЗД входят РЖ: КОНСТИТУЦИЯ РФ (первый порядок), *Международный договор*, *Международная конвенция*, *Международное соглашение*, *Федеральный закон*, *Федеральный кодекс*, *Указ Президента РФ*, *Постановление Правительства РФ* (второй порядок). Основание дифференциации зон – совокупность признаков: наивысшая юридическая сила, дефиниционная отчётливость номинации, эксплицированная аксиологичность, мелиоративная лексика, конвергентность образа Автора/Адресата.

Установлено, что ядерный РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ обладает набором речежанровых характеристик, которые «угасают» к периферии:

1) хронологическая стабильность текстового выражения (федеральные законы принимаются чаще, указы Президента – ещё чаще);

2) уменьшается коллегиальность принятия документов (Конституция принимается референдумом, федеральные законы обсуждаются Государственной Думой, принимаются Советом Федерации и подписываются Президентом, указы Президента подписываются только Президентом);

3) угасает не только законодательная сила документов, но и их способность выступать источником права (юридическое понятие, не требующее лингвистического комментария);

4) уменьшается степень субъектности Автора (народ – правительство – президент);

5) редуцируется вербально выраженная аксиологичность;

6) становится более размытой (по данным компонентного анализа) дефиниция номинации РЖ. Совокупность этих аргументов подтверждает правомерность модели полевого типа ядерной зоны ЗД.

Показано, что словарные дефиниции не позволяют разграничить смежные явления: используются толкования, трактуемые одно через другое; не разграничиваются смежные понятия; отсутствует общая логика трактовки. Это обосновало необходимость экспериментального этапа, который даёт материал, недоступный компонентному анализу.

Глава 3. КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЯДЕРНОЙ ЗОНЫ ПЕРВОГО ПОРЯДКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Конституция – это основной закон Российской Федерации. Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции.

КОНСТИТУЦИЯ РФ является ядерным речевым жанром российского законодательного дискурса и составляет ядерную зону первого порядка ЗД РФ.

3.1. Номинация речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследование речежанрового имени, которое является одним из способов идентификации речевого жанра, признаётся продуктивным направлением современного жанроведения. Л. В. Балашова отмечает, что анализ номинаций жанров и их компонентов через призму языковой системности отражает их место в соответствующей языковой картине мира [Балашова, Дементьев 2022: 162]. Номинация РЖ, с одной стороны, выполняет функцию стабилизации РЖ как единицы структурирования дискурса, с другой стороны, сама по себе является единицей языка, которая может быть подвергнута изучению с привлечением различных методов как традиционных лингвистических, так и антропометрических. Такое направление исследования открывает широкие перспективы в плоскости жанроведческой проблематики, поскольку даёт ответ на вопрос, что стоит за речежанровым именем в сознании носителей языка.

3.1.1. Лексема «конституция» в лексикографических источниках

На первом этапе обратимся к лексикографическим источникам, а на втором – к экспериментальным данным, которые проливают свет на «значение слова как достояние пользующегося им человека» [Залевская 2007: 161].

Согласно Большому энциклопедическому словарю, *конституция* (от лат. constitutio – устройство) – «основной закон государства, определяющий его общественное и государственное устройство, порядок и принципы образования

представительных органов власти, избирательную систему, основные права и обязанности граждан. Конституция – основа всего текущего законодательства» [Большой энциклопедический словарь URL].

В Толковом словаре С. И. Ожегова *конституция* определяется как:

«1. Основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан. Конституция России.

2. Строение, структура (спец.). Конституция организма» [Толковый словарь Ожегова URL].

В Юридической энциклопедии *конституция* (лат. constitutio – установление, устройство) трактуется как термин: «основной закон государства, выражающий в сжато-концентрированной форме волю господствующего класса или (теоретически) всего общества и закрепляющий основы общественного и государственного строя, права и свободы человека и гражданина <…>» [Юридическая энциклопедия URL].

Проведя на первом этапе исследования компонентный анализ дефиниций, можем выявить следующие архисемы: ‘основной закон’, ‘закрепляет основы общественного строя’, ‘закрепляет основы государственного строя’, ‘закрепляет права и обязанности’, ‘выражает волю государства’, ‘выражает волю народа’.

3.1.2. Актуальное значение слова *КОНСТИТУЦИЯ* (по результатам экспериментального исследования)

На втором этапе изучалось *актуальное значение* слова, которое может быть сближено с *психолингвистическим значением*, но не тождественно ему. Концепция психолингвистического значения слова разрабатывается в Воронежской научной школе под руководством И. А. Стернина: «Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объём семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин 2022].

Концепция психолингвистического значения опирается на теорию живого слова А. А. Залевской, основная идея которой заключается в том, что слово находится в полной зависимости от специфики его функционирования в языковом сознании человека, где хранятся многообразные продукты перцептивной, когнитивной, аффективной переработки опыта деятельности человека. По этой причине психолингвистическое и актуальное значения отличаются от лексикографического как набором компонентов значения, так и их объёмом, что обусловлено постоянным развитием языка.

Актуальное значение слова отличается от *психолингвистического*. В психолингвистическом значении зафиксированы *все* компоненты значения слова, которые выявлены экспериментальным путём у носителей языка. Они упорядочены по полевому принципу с учётом индекса яркости. Актуальное значение фиксирует лишь наиболее яркие ядерные компоненты, не учитывая периферийные, в ответах испытуемых определённого *узуса*.

Под *узусом* вслед за [ЛЭС URL] понимается принятое в данном языковом коллективе употребление языковых единиц, противопоставленное индивидуальному использованию и языковой норме. Узус имеет территориальные, социальные и временные границы; в настоящем исследовании он ограничен регионально (Тверская область) и хронологически (2021–2022 гг.).

Актуальное значение ближе к лексикографическому, моделируется с учётом проверки той исследовательской гипотезы, которую призван подтвердить/опровергнуть эксперимент, являясь вспомогательным методом исследования иной сущности, нежели значение слова. В данном случае такой сущностью является речевой жанр. По этой причине в работе приводятся не все ассоциаты, а только те, которые формируют устойчивый тренд. Актуальное значение описывается в определённом ракурсе, который задан целью исследования.

С целью выявления актуального значения слова *КОНСТИТУЦИЯ* были использованы следующие антропометрические методы исследования, проводившегося в конце 2022 г.: 1) свободный ассоциативный эксперимент, где

испытуемым (далее – Ии.) предлагалось написать первую ассоциацию к стимулу *КОНСТИТУЦИЯ*; 2) направленный ассоциативный эксперимент, где Ии. должны были написать 2–3 существительных и 2–3 прилагательных к указанному стимулу; 3) метод субъективных дефиниций, где от Ии. требовалось сформулировать, что такое Конституция. В качестве Ии. было привлечено 57 человек, каждый из которых прошёл все три этапа исследования. Ии. составляли несколько возрастных групп: 1) 12–17 лет; 2) 18–24 года; 3) 25–29 лет; 4) 30–39 лет; 5) 40–49 лет; 6) 50–59 лет; 7) 60 лет и более.

В эксперименте принимали участие Ии. с различными уровнями образования: 1) среднее / среднее профессиональное (неоконченное) образование; 2) среднее / среднее профессиональное (оконченное) образование; 3) специалитет (неоконченное); 4) специалитет (оконченное); 5) бакалавриат (неоконченное); 6) бакалавриат (оконченное); 7) магистратура (неоконченное); 8) магистратура (оконченное); 9) аспирантура (неоконченное); 10) учёная степень (кандидат наук, доктор наук).

По нашему мнению, представленные группы Ии. позволяют свидетельствовать о валидности проведённых психолингвистических экспериментов: состав и количество Ии. соответствовали требованиям к организации экспериментов подобного рода.

Перед проведением исследования мы сформулировали общую рабочую гипотезу, включающую в себя рабочие гипотезы для отдельных этапов психолингвистических экспериментов:

1) актуальное значение слова *КОНСТИТУЦИЯ* включает в себя представления как о *ГОСУДАРСТВЕ*, так и о *ГРАЖДАНИНЕ*;

2) представленные ассоциаты будут обладать различной коннотацией (негативной, нейтральной и позитивной) и антропоморфностью;

3) полученные ассоциаты будут соотноситься с архисемами, представленными по итогам выборки дефиниций из лексикографических источников;

4) субъективные дефиниции, полученные от Ии., в основном будут представлять собой логические определения, которые также предположительно будут связаны с архисемами из перечисленных выше дефиниций.

Этап 1. Свободный ассоциативный эксперимент.

Задание для Ии.: *«Напишите свою первую вербальную реакцию на слово-стимул КОНСТИТУЦИЯ».*

Гипотеза: Слово-стимул *КОНСТИТУЦИЯ* в сознании носителей языка объединяет представления как о *ГРАЖДАНИНЕ*, так и о *ГОСУДАРСТВЕ*.

Полученные ассоциаты (56 ед.) можно разделить на две группы:

1. нейтральные (преимущественно входят в тематическое поле «документ, закон»);

2. эмоционально-экспрессивно-коннотативные ассоциаты (далее будем называть их *коннотативными*) (см. табл. 12).

Индексы по всем показателям рассчитываются как отношение маркированного количества ответов к общему количеству ответов.

Таблица 12. Классификация ассоциатов на слово-стимул *КОНСТИТУЦИЯ* по наличию коннотации

	нейтральные ассоциаты	окрашенные ассоциаты	
		положительные ассоциаты	отрицательные ассоциаты
количество индекс	46 0,82	2 0,04	8 0,14
примеры	*главный закон в стране (1);* *закон (законы) (21);* *основной закон РФ (1);* *правила (2)*	*Родина (1);* *свобода и справедливость (1)*	*ложь (1);* *не работает (3)*
Всего: 56 (1)			

Из количественного подсчёта следует, что коннотативных ассоциатов приведено значительно меньше, чем нейтральных. Что же касается типа коннотации, следует отметить, что негативная коннотация в данном случае превалирует.

Этап 2. Направленный ассоциативный эксперимент.

Задание 1 для Ии.: *«Напишите 2–3 существительных, ассоциирующихся у Вас со словом-стимулом КОНСТИТУЦИЯ».*

Гипотеза: Слово-стимул *КОНСТИТУЦИЯ* связывается с тематической группой «народ», «власть», «закон».

Полученные ассоциаты (138 ед.) можно условно разделить на несколько групп:

1. антропоморфные (или «очеловеченные», связанные по значению с живым, человеческим) ассоциаты (КТО?);

2. неантропоморфные (ЧТО?).

Таблица 13. Классификация ассоциатов на слово-стимул *КОНСТИТУЦИЯ* по индексу антропоморфности

	антропоморфные ассоциаты	неантропоморфные ассоциаты
количество индекс	34 0,25	104 0,75
примеры	*гражданин (граждане) (2);* *политик (1);* *президент (9);* *человек (5)*	*власть (6);* *государство (7);* *закон (законы) (15);* *обязанность (обязанности) (4);* *порядок (6);* *сила (3)*
Всего: 138 (1)		

Задание 2 для Ии.: *«Напишите 2–3 прилагательных, ассоциирующихся у Вас со словом-стимулом КОНСТИТУЦИЯ».*

Гипотеза: Ассоциаты на стимул *КОНСТИТУЦИЯ* можно классифицировать с учётом коннотации – так, предполагается наличие ассоциатов как с положительной и нейтральной, так и с отрицательной оценкой. Количественные данные приводятся в виде индексов (*индекс позитивности*, *индекс нейтральности*, *индекс негативности*), который исчисляется как отношение ассоциатов, соответствующих требуемому показателю (позитивная / негативная / нейтральная коннотация), к общему количеству ассоциатов (см. табл. 14).

Таблица 14. Коннотация ассоциатов-прилагательных на стимул *КОНСТИТУЦИЯ*

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
благоприятная (1); защищающая (1); правильный (правильная, правильное, правильные) (6); хорошая (1); честная (3)	*базовая (1); государственный (государственная) (5); демократическая (2); законный (законная) (3)*	*бесполезная (1); мнимая (1); ненужная (1); пустая (2); фиктивная (1)*
Общее количество ассоциатов: 49	Общее количество ассоциатов: 45	Общее количество ассоциатов: 29
Индекс позитивности – 0,40	Индекс нейтральности – 0,36	Индекс негативности – 0,24
Всего: 123 (1)		

Этап 3. Эксперимент, проведённый методом субъективных дефиниций.

Задание для Ии.: «*Дайте определение: „Конституция – это...“».*

Гипотеза: Можно предположить, что Ии. предложат дефиниции логического характера, связанные с взаимодействием гражданина с государством, с защитой прав граждан, с социальной защитой человека, с надёжностью государства и уверенностью в будущем, с отношением гражданина к Родине и Отечеству, которые, скорее всего, будут лишены образности. Мы разделили полученные ассоциаты-дефиниции (57 ед. – в табл. 15 указана лишь часть ассоциатов) на *логические* (представляющие собой нейтральные дефиниции, схожие с дефинициями из лексикографических источников, генерализованные или, наоборот, детализирующие семы лексикографического значения) и *нелогические* (дефиниции, как правило, обладающие либо яркой положительно-коннотативной или негативно-коннотативной окраской, а также дефиниции, не соотносимые с лексикографическим значением). Так, количество логических и нелогических дефиниций соотносится как 51 : 6 (в абсолютных показателях).

Таблица 15. Примеры субъективных дефиниций слова *КОНСТИТУЦИЯ*

Дефиниции	Логическая / нелогическая дефиниция (Л / НЛ)	+ / 0 / –
1. Главный закон страны. (4)	Л	0
2. Закон. (2)	Л	0
3. Основной закон государства. (8)	Л	0
4. Основной закон государства, которому не могут противоречить другие.	Л	0
5. Средство продвижения властострастных идей.	НЛ	–

Подавляющее большинство дефиниций не имеет выраженной коннотации: 1) нейтральные: 50 ед.; 2) отрицательная коннотация: 6 ед.; 3) положительная коннотация: 1 ед.

Индекс логичности дефиниции – 0,88

Индекс нелогичности дефиниции – 0,12

Индекс отрицательной коннотации для субъективных дефиниций – 0,10

Индекс положительной коннотации для субъективных дефиниций – 0,02

Сводные результаты исследования лексемы *КОНСТИТУЦИЯ* антропоморфными методами представлены в табл. 16 (где индекс «+» – индекс положительной коннотации / позитивности; индекс «-» – индекс отрицательной коннотации / негативности; индекс «0» – индекс нейтральной коннотации / нейтральности; индекс НЛ – индекс нелогичности дефиниции; индекс Л – индекс логичности дефиниции; индекс А – индекс антропоморфности; индекс НА – индекс неантропоморфности).

В таблице представлены все релевантные результатам каждого этапа исследования индексы, характеризующие ответы Ии.

Таблица 16. Сводная таблица по результатам антропометрического исследования слова *КОНСТИТУЦИЯ*

Тип эксперимента	индекс «+»	индекс «-»	индекс «0»	индекс НЛ	индекс Л	индекс А	индекс НА
Свободный ассоциативный эксперимент	0,04	0,14	0,82				
Направленный ассоциативный эксперимент (существительные)	0,07	0,05	0,88			0,25	0,75
Направленный ассоциативный эксперимент (прилагательные)	0,40	0,24	0,36				
Субъективные дефиниции	0,02	0,10	0,88	0,12	0,88		

По результатам свободного ассоциативного эксперимента выявлено, что нейтральную коннотацию имеют 46 ассоциатов (индекс нейтральности – 0,82), т. е. абсолютное большинство; положительную коннотацию – 2 ассоциата (индекс позитивности – 0,04); отрицательную – 8 ассоциатов (индекс негативности – 0,14).

Следовательно, доминирует либо отсутствие коннотации, либо отрицательная коннотация.

По результатам направленного ассоциативного эксперимента выявлено, что 34 ассоциата представляют собой антропоморфные ассоциаты (индекс антропоморфности – 0,25), а 104 ассоциата – неантропоморфмные ассоциаты (индекс неантропоморфности – 0,75).

В результате антропометрического исследования была выявлена связанность речежанрового имени КОНСТИТУЦИЯ РФ с понятиями *ГОСУДАРСТВО* и *ГРАЖДАНИН*, установлено преобладание нейтральной коннотации ассоциатов, превалирование неантропоморфности и логических дефиниций.

Приведённые индексы нуждаются в качественной интерпретации. Индекс нейтральности (0,82) свидетельствует о том, что лексема *конституция* воспринимается прежде всего как правовое понятие, а не как объект эмоционального отношения. Превышение негативной коннотации (0,14) над позитивной (0,04) указывает на то, что эмоциональное отношение, если оно возникает, имеет преимущественно отрицательный характер. Индекс логичности субъективных дефиниций (0,88) показывает, что носители языка определяют Конституцию через понятийно-логические признаки, воспроизводя ядерные семы лексикографического значения.

Актуальное значение слова *КОНСТИТУЦИЯ* включает в себя следующие основные ассоциируемые (полученные на основе ассоциатов) семантические компоненты:

закон (законы) (21); президент (9); права (8); основной закон государства (7); правильный (правильная, правильное, правильные) (6); государственный (государственная) (5); народ (5); основной (основная) (5); главный закон страны (3).

Экспериментальный материал расширяет аналитическую описательную базу жанроведения и позволяет выявить те речежанровые особенности, которые связаны с представлением носителей языка о речевом жанре, тем самым

существенно обогащая описание речевого жанра, представленное в традиционных жанроведческих подходах (например, в «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелёвой).

3.2. Жанрообразующий признак «образ Автора / образ Адресата»

Т. В. Шмелёва обращает внимание на то, что информация об Авторе как об участнике общения «„заложена“ в типовой проект речевого жанра, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелёва 1997]. Вероятно, в основу концепции Автора положена идея В. В. Виноградова об образе Автора как организующем моменте художественного текста [Виноградов 1959], несмотря на то, что тексты, подвергаемые «анкетированию» Шмелёвой, не являются художественными. Т. В. Шмелёва подчёркивает, что «для образа Автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с Адресатом, это, так сказать, „портрет на фоне“» [Шмелёва 1997].

Как следует из самого текста Конституции, её Автором является народ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, <…> принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ») [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

Техническое исполнение воли народа осуществляется путём применения *юридической техники*, в частности, *законодательной техники*.

> Юридическая техника – это совокупность средств, приёмов и правил, применяемых для разработки, принятия и оформления нормативных правовых, индивидуально-правовых (правоприменительных), интерпретационных и иных правовых актов. Главной и наиболее разработанной составляющей юридической техники является законодательная техника. В указанном значении юридическая техника предстает одновременно и как учение, и как искусство (ремесло) работы с юридическими документами [Элементарные начала общей теории права URL];
>
> «Одним из важнейших условий эффективного совершенствования законодательства является овладение участниками законотворческой деятельности системой определённых требований к процессу формирования и совершенствования системы нормативно-правовых актов. Эти требования как единый комплекс принципов, приёмов и методов воплощается в отрасли знаний, именуемой законодательной техникой» [Чухвичёв 2006].

Вопросами законодательной (или юридической) техники занимаются юристы (Д. А. Керимов, Ю. А. Тихомиров, А. А. Ушаков, Н. И. Хабибулина, Д. В. Чухвичёв и др.), которые являются Разработчиками текста Конституции. У

Конституции РФ было более 1000 авторов. С 1990 по 1993 гг. предлагалось около 20 различных её проектов. Всего было рассмотрено более 3000 предложений и замечаний. В окончательную редакцию вошли 37 статей из проекта Конституционной комиссии. Схематично процесс соотношения субъектом в процессе законотворчества представлен на рис. 5.

Рисунок 5. Скоординированность субъектов в процессе законотворчества

Л. А. Борисова, исследуя специфику ЗД Великобритании, отмечает, что в обобщённом виде Автором выступает государство, тогда как в реальности непосредственным Автором текста является, как правило, юрист, в задачи которого входит изложение воли законодателя. Адресат законодательного текста – это, в первую очередь, рядовой гражданин, но в то же время и судья, и толкователи правовой нормы, и члены парламента как первые участники процесса коммуникации [Борисова 2010: 8]. Об обезличенности и коллегиальности образа Автора пишет М. В. Батюшкина: «Процесс подготовки законодательного текста разделяется на предварительный, экспертный и итоговый этапы, что лишь подтверждает комплексную природу абстрактного Автора-законодателя» [Батюшкина 2017: 72].

Иное мнение высказывает О. А. Крапивкина: «Обезличенность юридического дискурса редко ставилась под сомнение, Субъект в многообразии его ипостасей не входил в сферу внимания исследователей. Однако, исходя из

антропоцентрического характера современной лингвистической парадигмы, за юридическим дискурсом можно усмотреть личностные смыслы» [Крапивкина 2011: 3].

Действительно, вопрос, касающийся статусов Автора и Адресата, является существенным и, как пишет Т. В. Шмелёва, «обеспечивает успешное осуществление» РЖ.

Для прояснения этого вопроса следует обратиться, во-первых, к тексту Конституции, чтобы проанализировать, какими лексемами «воплощается» образ Автора и образ Адресата, во-вторых, полагаем, материал, связанный с «осуществлением» РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ, может дать эксперимент, интерпретация результатов которого позволит приблизиться к пониманию того, как эти параметры отражаются на восприятии этого РЖ носителями языка.

3.2.1. Лексический состав единиц, именующих Автора/Адресата в тексте Конституции Российской Федерации

Конституция Российской Федерации может быть принята в соответствии с процедурой, установленной статьёй 5 Конституции (Основного Закона) Российской Федерации (России), всенародным голосованием (референдумом). В соответствии с этой статьёй, её Автором является народ, а её Адресатом тоже выступает народ. Народ объединяет в себе обе речежанровые концепции – Автора и Адресата. Народ – категория политико-правовая и означает совокупность всего населения страны, состоящего преимущественного из граждан данного государства (см. ст. 3 Конституции РФ) [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

Проанализируем лексические группы, именующие Автора/Адресата в тексте Конституции РФ. Состав Адресатов и Авторов Конституции РФ включает представителей различных социальных групп, о чём свидетельствуют тематические группы лексем, используемых для их номинации. Лексемы были выбраны из текста Конституции РФ последней редакции методом сплошной выборки и систематизированы с опорой на тематический принцип (см. табл. 17).

Таблица 17. Лексическо-тематические группы, именующие Адресата и Автора в тексте Конституции РФ

1. Общие наименования Адресатов/Авторов	
Лексемы тематического поля «Гражданин»	Число упоминаний
гражданин (гражданин Российской Федерации), граждане (граждане Российской Федерации), в том числе граждане и их объединения, иностранные граждане	45
лицо; иные лица; другие лица; должностные лица; лица без гражданства; лица, преследуемые за политические убеждения; лица, обвиняемые в совершении преступления; лица, подозреваемые в совершении преступления	29
человек, личность	25
человек и гражданин	17
народы, коренные малочисленные народы, национальные меньшинства	6
народ, многонациональный народ	5
люди	4
население	4
2. Наименования Адресатов/Авторов посредством субстантивированных прилагательных и отрицательных местоимений	
Лексема	Число упоминаний
каждый (или: «каждый» + главное слово в словосочетании)	31
никто	13
3. Наименования представителей социальных (гендерных, возрастных и др.) групп	
мужчина; женщина; семья; дети; родители; трудоспособные дети; нетрудоспособные родители; кормилец; супруг; близкие родственники; инвалиды; пожилые граждане; малоимущие; граждане, нуждающиеся в жилище; работающий; налогоплательщики; собственники; представители	
4. Наименования представителей органов власти	
Президент Российской Федерации, исполняющий обязанности Президента Российской Федерации, полномочные представители Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Председатель Правительства Российской Федерации и его заместители, федеральные министры, Совет Федерации, Председатель Совета Федерации и его заместители, члены Совета Федерации, Государственная Дума, Председатель Государственной Думы и его заместители, депутаты Государственной Думы, старейший по возрасту депутат, Председатель Центрального банка Российской Федерации, судьи Верховного Суда Российской Федерации, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи других федеральных судов, Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители, прокуроры субъектов Российской Федерации, иные прокуроры, прокуроры городов, прокуроры районов, приравненные к ним прокуроры, высшее командование Вооруженных Сил Российской Федерации, заместитель Председателя Счетной палаты и ее аудиторы, Уполномоченный по правам человека, федеральные органы государственной власти, высшие государственные органы субъектов Российской Федерации, органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, представители от каждого субъекта Российской Федерации, кадры судебных и правоохранительных органов, депутаты иных представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления	
5. Стороны судебного процесса	
обвиняемый, задержанный, заключенный под стражу, потерпевший, обвиняемый в совершении преступления, адвокат (защитник), судьи, присяжные заседатели	

На основе перечисленных в табл. 17 наименований Адресата/Автора можно сделать вывод, что наиболее частотной группой является тематическое поле со значением «гражданин» (а лексема «гражданин» и субстантивированное прилагательное «каждый» наиболее частотны), вторая по степени частотности

группа «Органы власти и их представители», которые можно отнести к считать тематическим полем «государство».

Выбор различных лексем зависит от прагматического параметра, связанного с местом, правами (обязанностями) субъектов ЗД в правовой парадигме. Так, лексема «человек» употребляется, когда речь идёт об основных, неотчуждаемых правах и свободах личности, присущих ей с рождения:

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL] (здесь и далее подчёркивание наше. – *А. Л.*).

«Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [Op. cit.].

«Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [Op. cit.].

Лексема «гражданин» используется, когда индивид рассматривается как часть государственной системы, как субъект, существующий в рамках определённой правовой парадигмы:

«Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 25 лет, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» [Op. cit.].

«Сенатором Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» [Op. cit.].

«Прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» [Op. cit.].

Так, в Конституции РФ встречается и словосочетание «человек и гражданин», свидетельствующее о целостном представлении личности, обо всех характеристиках индивида вкупе.

«Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [Op. cit.].

«Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы

ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [Op. cit.].

«Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» [Op. cit.].

«Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» [Op. cit.].

«В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» [Op. cit.].

«Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» [Op. cit.].

Лексема «люди» фигурирует в контексте охраны здоровья, жизни, труда и обеспечения безопасности индивидов.

«В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [Op. cit.].

«Ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей» [Op. cit.].

«Народ» осуществляет свою власть и выражает своё мнение как коллектив отдельных граждан.

«Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [Op. cit.].

«Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [Op. cit.].

«Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» [Op. cit.].

Таким образом, как свидетельствует текст Конституции, основными вербальными репрезентациями образа Автора/Адресата, являются лексемы тематических групп «гражданин» и «государство».

3.2.2. Жанрообразующий потенциал оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*

Используя анкету РЖ Т. В. Шмелёвой и дискурсивные параметры В. И. Карасика, мы исходим из того, что понимание РЖ тесным образом связано с концепцией Адресата/Автора, которая может быть выстроена на прагматической основе, т. е. с привлечением того смыслового потенциала, который связан как со

словарным значением лексем «гражданин» и «государство», так и тем, какие общие представления лежат за этими словами в сознании носителей языка конкретного узуса.

На первом этапе мы обратимся к лексикографическим источникам, а на втором – к антропометрическому исследованию.

3.2.2.1. Исследование на материале лексикографических источников

Попытки дать определение понятия *государство* предпринимались неоднократно, начиная ещё со времён Античности.

Т. Гоббс в своём сочинении «О гражданине» сравнивает общество с часами: для того, чтобы разобраться в тонкостях часового механизма, необходимо разобрать его на части и рассмотреть детали. Таким образом, мысленно «разобрав» общество на составляющие, философ пришёл к выводу, что в обществе без государства – в «естественном состоянии» – люди не чувствовали бы себя в безопасности: люди боролись бы за выживание, следуя инстинкту самосохранения, живя по «закону джунглей».

Термин «государство» в его современном понимании вошёл в обиход лишь в XVI в., до этого говорили о *полисе*, *стране*, *республике*, *империи*, но не о государстве. Известный итальянский политик, философ Никколо Макиавелли (1527–1569 гг.) первый применил термин stato для обозначения политически организованного общества [Теория государства и права в вопросах и ответах 2013: 22]. Государство определяется как: 1) «система политических институтов, занимающихся организацией общественной жизни на определённой территории» [Политология. Словарь. URL]; 2) «политическая целостность, созданная национальной или многонациональной общностью на определённой территории, где с помощью политической элиты, монополизирующей власть, поддерживается юридический порядок, включая законное право применения насилия» [Философская энциклопедия URL]; 3) «в теории права способ организации классового общества как суверенного, исторически сформировавшегося, основанного на определённой преобладающей системе производственных

отношений; основной институт политической системы, форма организации публичной политической власти» [Энциклопедия права URL]; 4) «основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры», «страна, находящаяся под управлением политической организации, осуществляющей охрану её экономической и социальной структуры» [Толковый словарь Ожегова URL]; 5) «основной институт политической системы, наделённый высшей законодательной властью, т. е. правом устанавливать и регламентировать социальные нормы и правила общественной жизни в пределах определённой территориальной целостности и использовать легитимные методы принуждения для их соблюдения по отношению ко всем членам общества» [Новейший философский словарь URL]. В Толковом словаре Д. В. Дмитриева *государство* определяется как: 1) «страна со своими правительством и законами»; 2) «система органов власти, правительство какой-либо страны» [Толковый словарь Дмитриева URL].

В словаре синонимов *государство* определяется через такие лексемы, как «империя, княжество, королевство, царство, страна, держава, земля, эмират, ханство, рейх, метрополия, султанат, лимитроф, хорезм, стейт, халифат, республика; Урарту, Сиракузы, Византия, Ватикан, Пруссия, Алания, Тобаго, Спарта» [Словарь синонимов URL]. Существительное *государство* отсутствует в словаре антонимов, однако зафиксировано однокоренное прилагательное – «государственный», антонимом которого является лексема «персональный» [Словарь антонимов URL]. В целом в значении лексемы «государство» одной из ядерных выступает сема «наличие власти».

Гражданин – это 1) «подданный какого-нибудь государства», «сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным» [Толковый словарь Ушакова URL]; 2) «член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек из составляющих народ, землю, государство» [Толковый словарь Даля URL]; 3) «лицо, принадлежащее на правовой основе к определённому государству. Гражданин имеет определённую правоспособность, наделён правами, свободами и обременён обязанностями»

[Юридический словарь URL]; 4) «как субъект гражданского права, участник регулируемых им имущественных и личных неимущественных отношений, лицо, обладающее способностью иметь гражданские права и нести обязанности, своими действиями (самостоятельно) приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» [Энциклопедия права URL].

В Толковом словаре Д. В. Дмитриева понятию *гражданин* даются следующие определения: 1) «гражданином какой-либо страны является человек, родившийся, выросший и постоянно проживающий в данной стране, а также человек, приехавший в эту страну и официально получивший право на постоянное проживание в ней»; 2) «в России *гражданин* является формой официального обращения к мужчине (обычно употребляется перед фамилией)» [Толковый словарь Дмитриева URL] (курсив наш. – *А. Л.*).

Таблица 18. Компонентный анализ лексем *государство* и *гражданин*

семы из словарных дефиниций	лексема	
	государство	*гражданин*
система политических институтов	+	
занимается организацией общественной жизни	+	+
действует на определённой территории	+	+
политическая целостность	+	
национальная или многонациональная общность	+	
политическая элита, монополизирующая власть	+	
поддержание юридического порядка	+	+
законное право применения насилия	+	
способ организации классового общества	+	
суверенность	+	
сформировавшееся исторически	+	
система производственных отношений	+	
основной институт политической системы	+	
форма организации публичной политической власти	+	
управление обществом	+	+
охрана экономической и социальной структуры общества	+	+
находится под управлением политической организации	+	+
страна со своими правительством и законами	+	
система органов власти, правительство какой-либо страны	+	
подданный какого-нибудь государства		+
сознательный член общества		+
человек, подчиняющий свои личные интересы общественным		+

член общины или народа, состоящего под одним общим управлением		+
каждое лицо или человек из составляющих народ, землю, государство		+
лицо, принадлежащее на правовой основе к определённому государству		+
имеет определённую правоспособность, наделён правами, свободами и обременён обязанностями		+
субъект гражданского права	+	+
участник регулируемых гражданским правом имущественных и личных неимущественных отношений	+	+
человек, родившийся, выросший и постоянно проживающий в данной стране		+
человек, приехавший в страну и официально получивший право на постоянное проживание в ней		+
форма официального обращения к мужчине		+

Таким образом, материал, извлечённый из лексикографических источников, даёт возможность сделать следующие выводы:

1. Слово *государство* толкуется посредством таких понятий, как «система», «целостность», «общность», «организация», «страна», «власть», что может свидетельствовать о коллективной направленности понятия.

2. Понятие *гражданин* определяется через такие лексемы, как «подданный», «член», «человек», «лицо», «субъект», «участник», что подтверждает индивидуальный характер лексического воплощения. Тем не менее, *граждане* существуют не отдельно от *государства*, а только в контексте его существования («подданный какого-нибудь государства», «сознательный член общества», «человек, подчиняющий свои личные интересы общественным», «член общины или народа», «каждое лицо или человек из составляющих народ, землю, государство», «лицо, принадлежащее на правовой основе к определённому государству» (здесь и далее подчёркивание наше. – *А. Л.*)).

3. Исходя из дефиниций, представленных в специализированных словарях, *гражданин* ориентирован на обладание правами и обязанностями: «имеет определённую правоспособность», «наделён правами, свободами и обременён обязанностями», «обладающее способностью иметь гражданские права и нести обязанности», «приобретать и осуществлять гражданские права», «создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их». В толковых словарях присутствует

сема ‘быть в отношениях с властью, государством’. Семы ‘обращение к мужчине’, ‘житель определённой территории’ являются периферийными.

3.2.2.2. Исследование с применением антропометрических методов

С целью изучения актуального узуального значения лексем *ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО* мы использовали антропометрические методы исследования: 1) свободный ассоциативный эксперимент, где Ии. предлагалось привести первую ассоциацию к стимулам *ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО* (раздел I); 2) направленный ассоциативный эксперимент, где Ии. должны были назвать 2–3 существительных, прилагательных и глагола к указанным стимулам (раздел II); 3) а также метод субъективных дефиниций, где от Ии. требовалось сформулировать дефиниции лексем (раздел III).

Следует оговориться, что настоящее исследование не является психолингвистическим. Экспериментальные методики используются как вспомогательное средство описания речежанровых параметров; их применение не предполагает обращения к теоретическим основам психолингвистики и не подчиняется её понятийному аппарату. Полученные реакции испытуемых рассматриваются как языковой материал, характеризующий представление носителей языка об имени речевого жанра и об оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО.*

В качестве Ии. были привлечены 50 человек, проживающих в Тверской области, каждый из которых прошёл все три этапа исследования (данные были собраны в конце 2021 г.).

Ниже представлены графики, представляющие возрастной, академический и гендерный состав Ии. (см. рис. 6, 7 и 8).

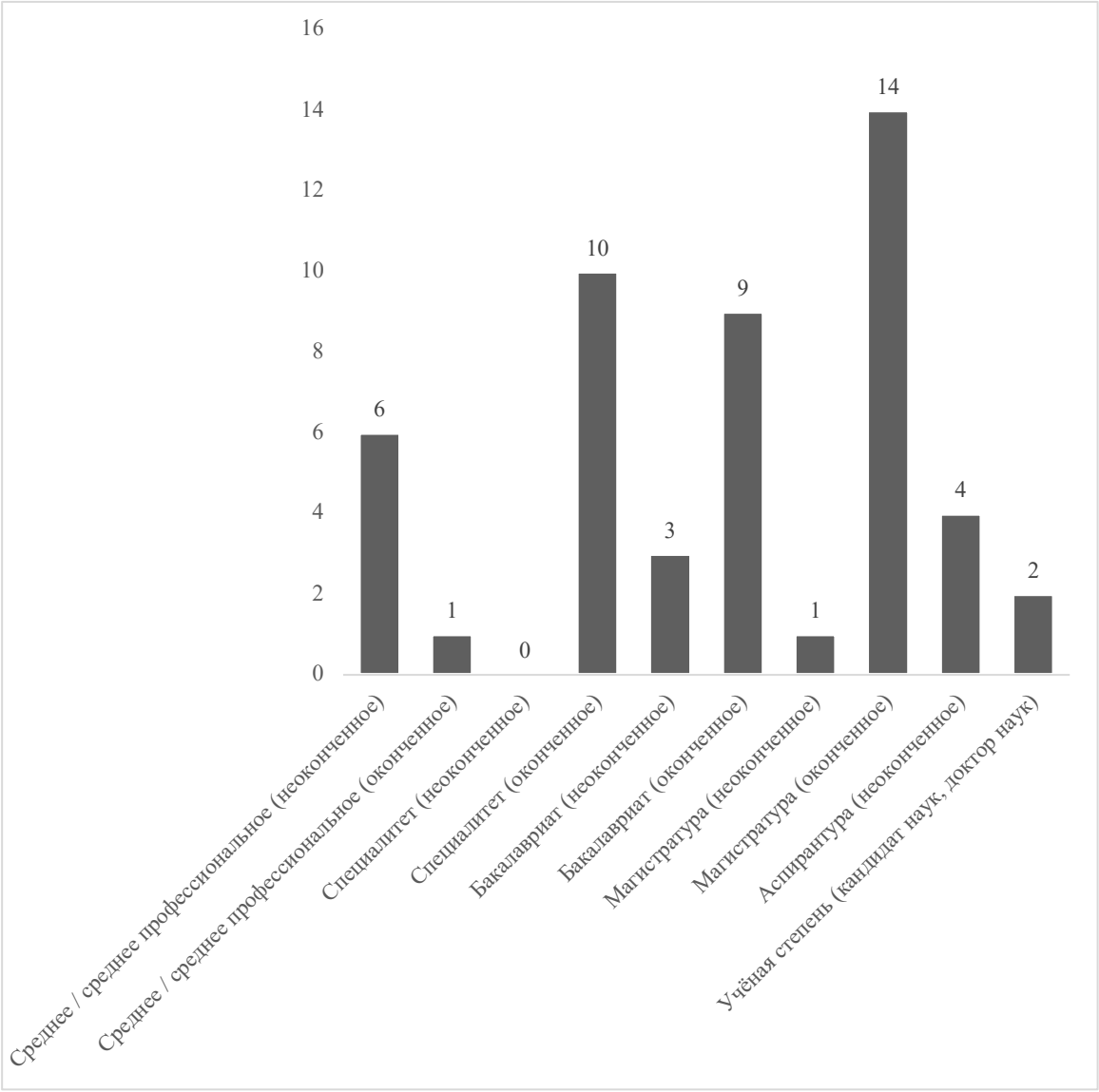

Рисунок 6. Уровень образования Ии., участвующих в эксперименте

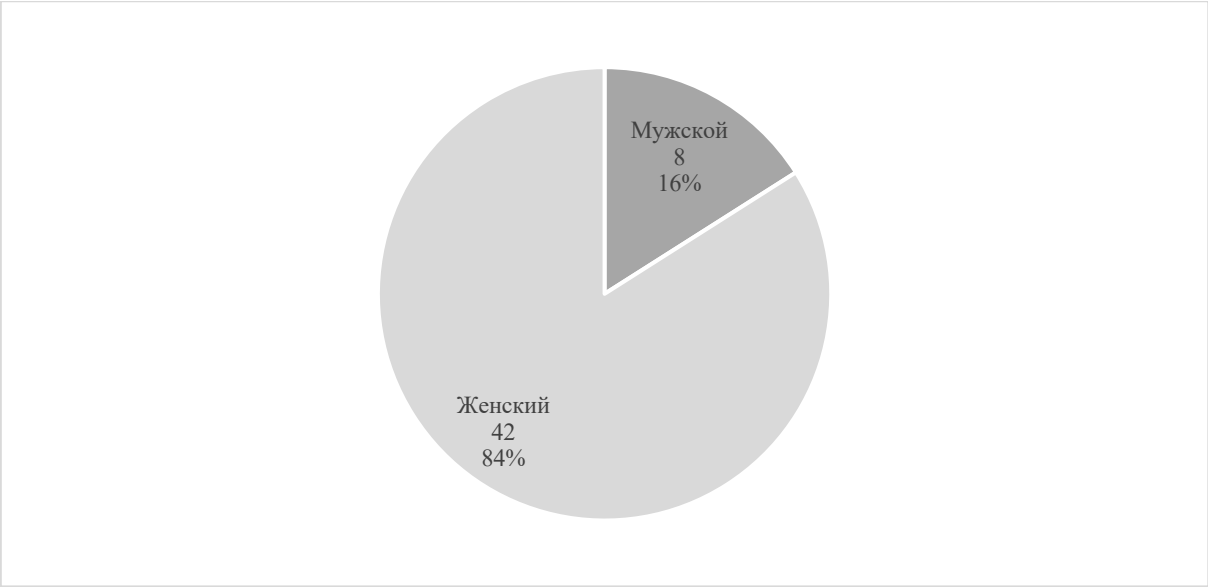

Рисунок 7. Пол Ии., участвующих в эксперименте

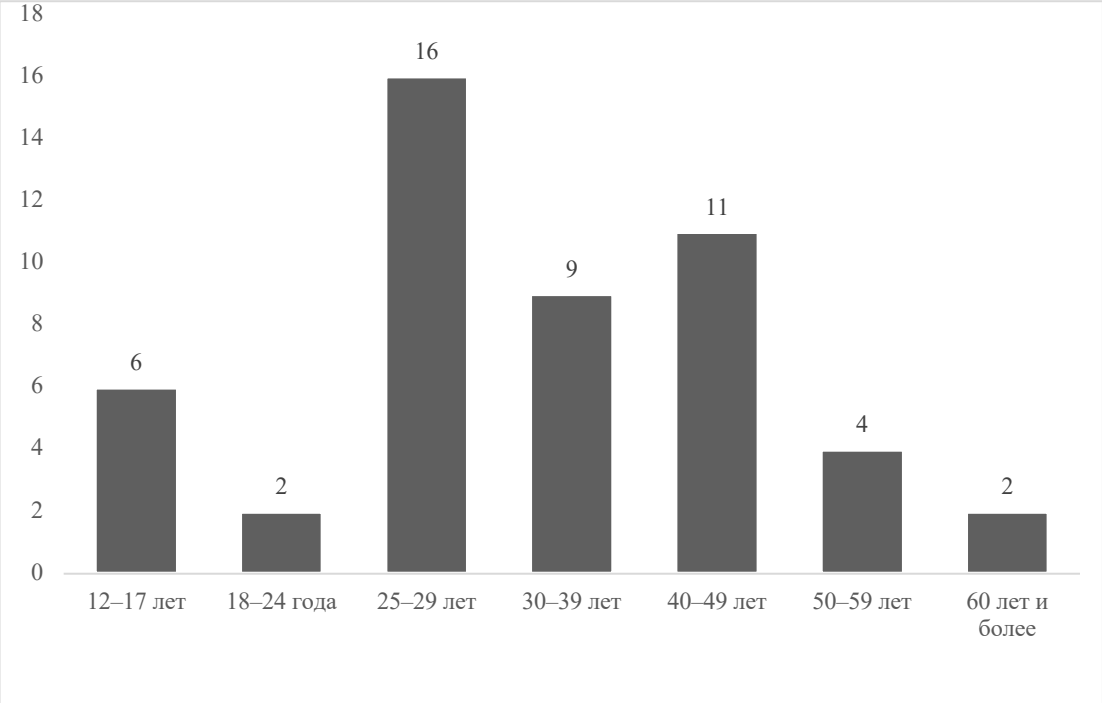

Рисунок 8. Возрастные категории Ии., участвующих в эксперименте

Перед проведением экспериментального исследования к каждому этапу мы сформулировали рабочую гипотезу.

3.2.2.2.1. *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*: обсуждение результатов свободного ассоциативного эксперимента

Задание для Ии.: Напишите первую ассоциацию к словам «ГРАЖДАНИН» и «ГОСУДАРСТВО».

Гипотеза: Слова-стимулы *ГОСУДАРСТВО и ГРАЖДАНИН* находятся в неразрывной связи, ассоциаты можно классифицировать с учётом коннотации и антропоморфности.

В таблицах 19 и 23 перечислены ассоциаты, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, по 50 ассоциатов для каждого из стимулов.

Таблица 19. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* (в скобках указано общее количество зафиксированных ассоциатов)

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
50	*человек (13); ответственность (5); житель государства (2); патриот (2); права (2); страна (2)*

Полученные ассоциаты можно условно разделить на несколько тематических групп:

1. Ассоциаты-существительные, называющие живое, так называемые *антропоморфные*, а также ассоциаты-существительные, называющие неживое, то есть *неантропоморфные* лексемы.

Антропоморфные: 33/50

Индекс А – 0,66

Неантропоморфные: 17/50

Индекс НА – 0,34

Таблица 20. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – антропоморфные/неантропоморфные

Индекс А	Примеры	Индекс НА	Примеры
0,66	*житель (1); личность (1); свободный человек (1)*	0,34	*права и обязанности (1); Родина (1); самодисциплина (1)*

2. Ассоциаты, связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*: 5/50;

Ассоциаты, не связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО* (следовательно, связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*): 29/50;

Амбивалентные ассоциаты, связанные как с понятием *ГОСУДАРСТВО*, так и с понятием *ГРАЖДАНИН*: 16/50

Таблица 21. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – (не)связанность с понятием *ГОСУДАРСТВО*

Ассоциаты, связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*	Ассоциаты, не связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*	Амбивалентные ассоциаты
закон (1); Родина (1); страна (2)	*житель (1); личность (1); патриот (2)*	*выборы (1); обязанности (1); ответственность (5)*
Общее количество ассоциатов: 5/50	Общее количество ассоциатов: 29/50	Общее количество ассоциатов: 16/50

3. Коннотация – положительная, нейтральная, отрицательная:

Индекс «+»: 6/50 = 0,12

Индекс «-»: 1/50 = 0,02

Индекс «0»: 43/50 = 0,86

Таблица 22. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: классификация ассоциатов-существительных на стимул *ГРАЖДАНИН* по коннотации

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
законопослушный житель государства (1); патриот (2); свобода (1)	*житель (1); личность (1); человек (13)*	*мужик в фуражке (1)*
Общее количество ассоциатов: 6	Общее количество ассоциатов: 43	Общее количество ассоциатов: 1
Индекс позитивности – 0,12	Индекс нейтральности – 0,86	Индекс негативности – 0,02
Всего: 50 (1)		

Ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* представлены в табл. 23.

Таблица 23. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО*

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
50	*страна (11); власть (4); защита (3); общество (2); правительство (2); Россия (2); территория (2)*

Полученные ассоциаты можно условно разделить на несколько тематических групп:

1. Антропоморфные: 9/50

Индекс А – 0,18

Неантропоморфные: 41/50

Индекс НА – 0,82

Таблица 24. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – антропоморфные/неантропоморфные

Индекс А	Примеры	Индекс НА	Примеры
0,18	*государь (1); лидер (1); люди (1)*	0,82	*сообщество (1); страна (11); территория (2)*

2. Ассоциаты, связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*: 3/50;

Ассоциаты, не связанные с понятием *ГРАЖДАНИН* (следовательно, связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*): 42/50;

Амбивалентные ассоциаты, связанные как с понятием ГРАЖДАНИН, так и с понятием *ГОСУДАРСТВО*: 5/50

Таблица 25. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – (не)связанность с понятием *ГРАЖДАНИН*

Ассоциаты, связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*	Ассоциаты, не связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*	Амбивалентные ассоциаты
люди (1); общество (2)	*государь (1); границы (1); право (1)*	*выборы (1); ответственность (1); сообщество (1)*
Общее количество ассоциатов: 3/50	Общее количество ассоциатов: 42/50	Общее количество ассоциатов: 5/50

3. Индекс «+» – 0,10

Индекс «-» – 0,10

Индекс «0» – 0,80

Таблица 26. Результаты свободного ассоциативного эксперимента: классификация ассоциатов-существительных на стимул *ГОСУДАРСТВО* по коннотации

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
сила (1); сильное (1); целостное общество, заботящееся о входящих в него единицах (1)	*выборы (1); закон (1); правительство (2)*	*источник неприятностей (1); угнетение (1)*
Общее количество ассоциатов: 5	Общее количество ассоциатов: 50	Общее количество ассоциатов: 5
Индекс позитивности – 0,10	Индекс нейтральности – 0,80	Индекс негативности – 0,10
Всего: 50 (1)		

3.2.2.2.2. *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*: обсуждение результатов направленных ассоциативных экспериментов

Этап 2. Направленный ассоциативный эксперимент.

Задание для Ии. № 1: Назовите 2–3 существительных (что? кто?), ассоциирующихся у Вас со словом «гражданин», со словом «государство».

Гипотеза: Стимул *ГРАЖДАНИН* связывается с тематической группой существительных «представитель социальной группы», а стимул *ГОСУДАРСТВО* – с тематическим группами «власть», «закон».

Полученные ассоциаты представлены в табл. 27, 31.

Таблица 27. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – существительные

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
123	*человек (16); обязанность (обязанности) (7); право (права) (7); житель (6); ответственность (4); паспорт (4); патриот (4); свобода (4); мужчина (3); налогоплательщик (3); работник (3); страна (3); государство (2); действие (2); закон (законы) (2); личность (2); общество (2); позиция (2); честность (2)*

Наибольшее количество ассоциатов связано с социальными, гендерными группами: *человек, житель, патриот, мужчина, налогоплательщик, работник, личность, гражданин мира, землянин, избиратель, наблюдатель* и др.). Зафиксированы ассоциаты, указывающие на *ГРАЖДАНИНА* как субъекта права (*обязанность (обязанности), право (права), ответственность, паспорт, свобода, страна, государство, действие, закон (законы), общество, позиция, честность, дееспособность, долг, законопослушность, Конституция, участие, ячейка общества* и др.).

1. Антропоморфные: 59

Индекс А – 0,48

Неантропоморфные: 64

Индекс НА – 0,52

Таблица 28. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – антропоморфные/неантропоморфные

Индекс А	Примеры	Индекс НА	Примеры
0,48	*защитник (1); землянин (1); идеалист (1); избиратель (1); интеллигент (1)*	0,52	*заинтересованность (1); закон (законы) (2); осознанность (1); ответственность (4); правление (1)*

2. Ассоциаты, связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*: 20/123;

Ассоциаты, не связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО* (следовательно, связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*): 100/123;

Амбивалентные ассоциаты, связанные как с понятием *ГОСУДАРСТВО*, так и с понятием *ГРАЖДАНИН*: 3/123

Таблица 29. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – (не)связанность с понятием *ГОСУДАРСТВО*

Ассоциаты, связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*	Ассоциаты, не связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*	Амбивалентные ассоциаты
долг (1); Конституция (1); страна (3)	*гражданин мира (1); землянин (1); любовь (1)*	*ячейка общества (1)*
Общее количество ассоциатов: 20/123	Общее количество ассоциатов: 100/123	Общее количество ассоциатов: 3/123

3. Индекс «+» – 0,20

Индекс «-» – 0,03

Индекс «0» – 0,77

Таблица 30. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: классификация ассоциатов-существительных на стимул *ГРАЖДАНИН* по коннотации

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
заинтересованность (1); любовь (1); честность (2)	*социум (1); страна (3); человек (16)*	*простолюдин (1); чернь (1)*
Общее количество ассоциатов: 24	Общее количество ассоциатов: 95	Общее количество ассоциатов: 4
Индекс позитивности – 0,20	Индекс нейтральности – 0,77	Индекс негативности – 0,03
Всего: 123 (1)		

Ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* представлены в табл. 31.

Таблица 31. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – существительные

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
132	*страна (10); власть (6); закон (законы) (6); Конституция (5); президент (5); правительство (4); право (права) (4); защита (3); налог (налоги) (3); содружество (3); территория (3); армия (2); граница (границы) (2); держава (2); контроль (2); народ (2); население (2); общество (2); поборы (2); подавление (2); полиция (2); помощь (2); пропаганда (2); процветание (2); репрессии (2); Россия (2); справедливость (2); человек (2)*

1. Антропоморфные: 20/132

Индекс А – 0,15

Неантропоморфные: 112/132

Индекс НА – 0,85

Таблица 32. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – антропоморфные/неантропоморфные

Индекс А	Примеры	Индекс НА	Примеры
0,15	*личность (1); народ (2); президент (5)*	0,85	*единение (1); свобода (1); содружество (3)*

2. Ассоциаты, связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*: 8/132;

Ассоциаты, не связанные с понятием *ГРАЖДАНИН* (следовательно, связанные с понятием *ГОСУДАРСТВО*): 87/132;

Амбивалентные ассоциаты, связанные как с понятием *ГРАЖДАНИН*, так и с понятием *ГОСУДАРСТВО*: 37/132

Таблица 33. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – (не)связанность с понятием *ГРАЖДАНИН*

Ассоциаты, связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*	Ассоциаты, не связанные с понятием *ГРАЖДАНИН*	Амбивалентные ассоциаты
личность (1); народ (2)	*закон (законы) (6); режим (1); стабильность (1)*	*защита интересов граждан (1); многонациональность (1)*
Общее количество ассоциатов: 8/132	Общее количество ассоциатов: 87/132	Общее количество ассоциатов: 37/132

3. Индекс «+» – 0,11

Индекс «-» – 0,10

Индекс «0» – 0,79

Таблица 34. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: классификация ассоциатов-существительных на стимул *ГОСУДАРСТВО* по коннотации

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
великолепие (1); единение (1); защита (3)	*поселение (1); режим (1); система (1)*	*подавление (2); пропаганда (2); секреты (1)*
Общее количество ассоциатов: 15	Общее количество ассоциатов: 104	Общее количество ассоциатов: 13
Индекс позитивности – 0,11	Индекс нейтральности – 0,79	Индекс негативности – 0,10
Всего: 132 (1)		

Ии. называют ассоциаты, связанные с основными атрибутами и инструментами осуществления политической власти государства (*закон (законы); Конституция; право (права); защита; налог (налоги); армия; граница (границы); держава; контроль; поборы; подавление; полиция; помощь; пропаганда; процветание; репрессии; справедливость*).

Таблица 35. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: общие ассоциаты на стимулы *ГОСУДАРСТВО* и *ГРАЖДАНИН*

Стимул *ГОСУДАРСТВО*	Стимул *ГРАЖДАНИН*
защита (3); *защита интересов граждан (1);*	*защитник (1);*
Конституция (5);	*Конституция (1);*
закон (законы) (6);	*закон (законы) (2);*
личность (1);	*личность (2);*
налог (налоги) (3);	*налоги (1);* *налогоплательщик (3);*
население (2);	*население (1);*
общество (2);	*общественность (1);* *общество (2);*
обязанности (1);	*обязанность (обязанности) (7);*
право (права) (4);	*право (права) (7);*
раб системы (1);	*раб системы (1);*
свобода (1);	*свобода (4);*
страна (10);	*страна (3);*
человек (2)	*человек (16);* *человек сильного государства (1)*

Задание для Ии. № 2: Ответьте на вопрос: ГРАЖДАНИН – какой? ГОСУДАРСТВО – какое? Назовите 2–3 прилагательных.

Гипотеза: Ассоциаты на стимул «гражданин» имеют положительную окраску и отражают связь с государством; ассоциаты на стимул «государство» имеют нейтральную окраску, отражают связь с властью.

Таблица 36. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – прилагательные

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
114	*ответственный (18); законопослушный (12); свободный (10); активный (5); добропорядочный (4); уверенный (4); порядочный (3); честный (3)*; *независимый (2); образованный (2); патриотичный (2); равноправный (2); смелый (2); уважаемый (2)*

Ассоциаты распределены на три группы в зависимости от коннотации. Для классификации неоднозначно интерпретируемых ответов была привлечена группа экспертов (магистрантов I года обучения факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета (всего 15 человек)).

Прилагательные на стимул *ГРАЖДАНИН* обладают выраженной коннотацией, несут либо в подавляющем большинстве положительную (индекс «+» – 0,81), либо нейтральную коннотацию.

Таблица 37. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: классификация ассоциатов-прилагательных на стимул *ГРАЖДАНИН* по коннотации

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
активный (5); добропорядочный (4); законопослушный (12); ответственный (18); свободный (10); смелый (2); справедливый (1); уважаемый (2); уверенный (4); честный (3)	*работающий (1); российский (1); совершеннолетний (1)*	*бедный (1); запуганный (1)*
Общее количество ассоциатов: 93	Общее количество ассоциатов: 18	Общее количество ассоциатов: 3
Индекс позитивности – 0,81	Индекс нейтральности – 0,16	Индекс негативности – 0,03
Всего: 114 (1)		

В табл. 38 приведены ассоциаты-прилагательные на стимул *ГОСУДАРСТВО*.

Таблица 38. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – прилагательные

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
114	*правовой (правовое) (8); сильный (сильная, сильное) (7); великое (5); независимый (независимая, независимое) (5); справедливый (справедливое) (4); честное (4); социальный (социальное) (3); большое (2) демократическое (2); дружественное (2); единый (единое) (2); конституционный (конституционное) (2); мощное (2); надёжное (2); родное (2); светское (2); свободный (свободная) (2); сложный (сложное) (2); современное (2)*

Классификация ассоциатов по результатам направленного ассоциативного эксперимента с учётом коннотации. Индексы даны в нижней строке. См. табл. 39.

Таблица 39. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: классификация ассоциатов-прилагательных на стимул *ГОСУДАРСТВО*

Ассоциаты		
позитивно	нейтрально	негативно
великое (5); независимый (независимая, независимое) (5); непобедимое (1); свободный (свободная) (2); сильный (сильная, сильное) (7); честное (4)	*государственный (1); демократическое (2); национальный (1); социальный (социальное) (3); суверенное (1)*	*агрессивный (1); жестокий (1); закрытое (1); коррумпированное (1); чужое (1)*
Общее количество ассоциатов: 70	Общее количество ассоциатов: 30	Общее количество ассоциатов: 14
Индекс позитивности – 0,62	Индекс нейтральности – 0,26	Индекс негативности – 0,12
Всего: 114 (1)		

По результатам анализа ассоциатов-прилагательных можем заключить, что индекс позитивности на стимул *ГОСУДАРСТВО* сравнительно ниже, чем на

стимул *ГРАЖДАНИН*: индекс негативности достаточно низок, тем не менее, он выше индекса негативности на стимул *ГРАЖДАНИН* в четыре раза.

Задание для Ии. № 3: Назовите 2–3 глагола – что делает ГРАЖДАНИН? Что делает ГОСУДАРСТВО?

Гипотеза: Ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* будут представлены как связанными отношениями с *ГОСУДАРСТВОМ* (властью), так и несвязанными. Ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* будут в большинстве своём связаны с обеспечительной, защитной и принудительной функциями государства.

Таблица 40. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГРАЖДАНИН* – глаголы

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
121	*защитить (защищать) (10); работать (работает) (8); голосовать (7); соблюдать (соблюдает) (6); жить (5); отстаивать (4); выбирать (3); платить налог (платить налоги) (3); проживать (3); трудиться (3); выживать (выживает) (2); делать (2); добиваться (2); исполнять (2); любить (2); нести ответственность (2); отвечать (2); помогать (2); соблюдать закон (соблюдать законы) (2); уважать (2); читать (2)*

1. Связанные отношениями с государством (властью): 21/121 – *выполнять обязанности (1); голосовать (7); платить налог (платить налоги) (3); подчиняться законам (1);*

2. Несвязанные ассоциаты: 33/121 – *гулять (1); иметь своё место (1); не бояться (1); покупать (1);*

3. Группа, которая интерпретируется неоднозначно: 67/121 – *исполнять (2); любить (2); требовать (1); уважать (2).*

Полученные ассоциаты коррелируют с текстом Конституции (см. табл. 41).

Таблица 41. Корреляция ассоциатов к стимулу *ГРАЖДАНИН* с текстом Конституции РФ

Ассоциаты	Текстовые фрагменты Конституции РФ
выбирать	*«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».*
выполнять	*«Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации».*

должен	*«Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».*
заботиться	*«Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях».*
заниматься	*«Депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности».*
иметь	*«Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации».*
искать	*«Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».*
исполнять	*«В случае освобождения от должности Президентом Российской Федерации или отставки Председателя Правительства Российской Федерации, Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, федерального министра Президент Российской Федерации вправе поручить этому лицу продолжать исполнять обязанности по должности или возложить их исполнение на другое лицо до соответствующего назначения».*
нести ответственность	*«Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением».*
платить, платить налог (налоги)	*«Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы».*
соблюдать	*«Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».*
создавать	*«Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов».*
уважать	*«При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу следующую присягу: „Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу“».*

Ассоциаты к стимулу *ГОСУДАРСТВО*, полученные в результате направленного ассоциативного эксперимента («что делает?»), обобщены в табл. 42.

Таблица 42. Результаты направленного ассоциативного эксперимента: ассоциаты на стимул *ГОСУДАРСТВО* – глаголы

Общее количество ассоциатов	Наиболее частотные ассоциаты
126	*защищать (защищает) (14); управлять (7); развивать (4); строить (4); запрещать (3); помогать (3); заботиться (2); защищаться (2); контролировать (2); отвечать (2); охранять (2); развиваться (2); распределять (2); регулировать (2); руководить (2); сохранять (сохранить) (2); указывать (2); укреплять (2)*

Полученные ассоциаты-глаголы тематически связаны с обеспечительной и контролирующей функциями государства, ориентированными на граждан: (*управлять; развивать; строить; помогать; заботиться; контролировать; отвечать; развиваться; распределять; регулировать; руководить; сохранять (сохранить); укреплять*), превентивности (*защищать (защищает); защищаться; охранять; указывать*) и запрета (*запрещать*).

Можно разделить на две группы, связанные с функциями государственной власти:

1. ассоциаты, выражающую идею принуждения: 62/126 – *запрещать (3); подчинять (1); приказывать (1); провозглашать (1);*

2. прочие ассоциаты, отражающие созидательную и защитную функции государства: 64/126 – *выплачивать (1); гарантировать (1); заботиться (2); обеспечивать (1).*

Многие ассоциаты, полученные в ходе эксперимента, которые отражают функции государства, коррелируют с текстом Конституции РФ.

Таблица 43. Корреляция ассоциатов к стимулу *ГОСУДАРСТВО* с текстом Конституции РФ

Ассоциаты	Текстовые фрагменты Конституции РФ
беречь	*«Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».*
быть	*«Столицей Российской Федерации является город Москва. Статус столицы устанавливается федеральным законом. Местом постоянного пребывания отдельных федеральных органов государственной власти может быть другой город, определенный федеральным конституционным законом»*
гарантировать	*«Российская Федерация уважает труд граждан и обеспечивает защиту их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации».*
доказывать	*«Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».*
заботиться	*«Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».*

запрещать	*«Депутатам Государственной Думы в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации».*
защищать	*«При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу следующую присягу:* *„Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу“».*
избираться	*«Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании».*
издавать	*«В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».*
исполнять	*«В случае освобождения от должности Президентом Российской Федерации или отставки Председателя Правительства Российской Федерации, Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, федерального министра Президент Российской Федерации вправе поручить этому лицу продолжать исполнять обязанности по должности или возложить их исполнение на другое лицо до соответствующего назначения».*
обеспечивать	*«Финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом».*
охранять	*«При вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу следующую присягу:* *„Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу“».*
платить	*«Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы».*
получать	*«Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».*
принуждать	*«Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем».*
регулировать	*«Отношения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области».*
соблюдать	*«Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».*
создавать	*«Федеральные органы исполнительной власти для осуществления своих полномочий могут создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц».*
сохранять	*«Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам».*
указывать	*«Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».*

3.2.2.2.3. *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*: обсуждение результатов эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций

Этап 3. Метод субъективных дефиниций.

Задание для Ии. Дайте определение: «Гражданин – это ...», «Государство – это ...».

Гипотеза: Формулировка дефиниций связанных с взаимодействием гражданина с государством.

Ассоциаты, представленные в разделе III, были собраны в рамках направленного ассоциативного эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций). Полученные дефиниции были классифицированы на *логические* и *нелогические*.

Таблица 44. Результаты эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций «*ГРАЖДАНИН* – это…»

Дефиниции	Логическая / нелогическая дефиниция (Л / НЛ)	+ / 0 / –
1. Человек, имеющий гражданство в государстве, подчиняющийся его законам.	Л	0
2. Человек, родившийся или постоянно проживающий на территории государства, пользующийся всеми правами согласно Конституции, а также выполняющий обязанности, наложенными ею.	Л	0
3. Звучит гордо, достойно, почётно.	НЛ	+
4. Человек, принадлежащий к населению данного государства.	Л	0
5. Житель страны.	Л	0

Индекс логичности – 0,72

Индекс нелогичности – 0,28

В основном, представленные дефиниции с коннотативной точки зрения являются нейтральными или положительными.

Индекс позитивности – 0,18

Индекс нейтральности – 0,80

Индекс негативности – 0,02

Таблица 45. Результаты эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций «*ГОСУДАРСТВО* – это…»

Дефиниции	Логическая / нелогическая дефиниция (Л / НЛ)	+ / 0 / −
1. Политическая форма организации общества, обладающая правом издавать нормативные акты и принуждать к их соблюдению на проживающих на её территории.	Л	0
2. Форма правления, при которой страной правит один лидер.	Л	0
3. Машина пропаганды. Правовое государство – недостижимая мечта.	НЛ	−
4. Великие просторы моей родины.	НЛ	+
5. Там, где нет беззакония и насилия, а царит справедливость и право.	НЛ	+

Индекс логичности – 0,54

Индекс нелогичности – 0,46

В основном, представленные дефиниции с коннотативной точки зрения являются нейтральными или положительными.

Индекс позитивности – 0,18

Индекс нейтральности – 0,68

Индекс негативности – 0,14

Присутствуют как нейтральные (*Политическая форма организации общества, обладающая правом издавать нормативные акты и принуждать к их соблюдению на проживающих на её территории*), положительные (*Счастливые граждане*), так и негативные дефиниции (*Машина пропаганды. Правовое государство – недостижимая мечта*). Эти данные могут свидетельствовать о некоторой поляризации политических взглядов Ии., а также о разных представлениях о *ГОСУДАРСТВЕ*.

Таблица 46. Сводная таблица по результатам антропометрического исследования стимулов *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*

Тип эксперимента	индекс «+»	индекс «-»	индекс «0»	индекс НЛ	индекс Л	индекс А	индекс НА
Свободный ассоциативный эксперимент (*ГРАЖДАНИН*)	0,12	0,02	0,86			0,66	0,34
Свободный ассоциативный эксперимент (*ГОСУДАРСТВО*)	0,10	0,10	0,80			0,18	0,82

Направленный ассоциативный эксперимент (существительные) (*ГРАЖДАНИН*)	0,20	0,03	0,77			0,48	0,52
Направленный ассоциативный эксперимент (существительные) (*ГОСУДАРСТВО*)	0,11	0,10	0,79			0,15	0,85
Направленный ассоциативный эксперимент (прилагательные) (*ГРАЖДАНИН*)	0,81	0,03	0,16				
Направленный ассоциативный эксперимент (прилагательные) (*ГОСУДАРСТВО*)	0,62	0,12	0,26				
Субъективные дефиниции (*ГРАЖДАНИН*)	0,18	0,02	0,80	0,28	0,72		
Субъективные дефиниции (*ГОСУДАРСТВО*)	0,18	0,14	0,68	0,46	0,54		

Сопоставление индексов по двум стимулам позволяет сделать следующие выводы. Средний индекс антропоморфности для стимула *ГРАЖДАНИН* ((0,66 + 0,48 = 1,14 : 2 = 0,57) (здесь и далее расчёт среднего арифметического производился подобным образом. – *А. Л.*)) значительно превышает аналогичный индекс для стимула *ГОСУДАРСТВО* (0,17): *ГРАЖДАНИН* устойчиво связывается с представлением о человеке, тогда как *ГОСУДАРСТВО* воспринимается как институт, а не как совокупность людей.

Индекс позитивности для стимула *ГРАЖДАНИН* превышает аналогичный индекс для стимула *ГОСУДАРСТВО* во всех типах экспериментов (например, в направленном эксперименте с существительными – 0,20 против 0,11; в эксперименте с прилагательными – 0,81 против 0,62), а индекс негативности, напротив, ниже (0,02–0,03 против 0,10–0,14). Это означает, что в обыденном языковом сознании *ГРАЖДАНИН* воспринимается более положительно, чем *ГОСУДАРСТВО*.

Наконец, индекс логичности субъективных дефиниций для стимула *ГРАЖДАНИН* (0,72) выше, чем для стимула *ГОСУДАРСТВО* (0,54): определение

лексемы «гражданин» чаще строится через понятийно-логические признаки, тогда как определение лексемы «государство» приобретает больше образных и оценочных формулировок. Совокупность этих данных подтверждает жанрообразующий потенциал оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО* и позволяет говорить об асимметричном характере образов Автора и Адресата в РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ.

В целом результаты экспериментального исследования жанрообразующей оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО* приводят к следующим выводам:

1. Исследование таких традиционных речежанровых параметров, как образ Автора и образ Адресата даёт исключительно важный материал, так как любой текст любого жанра создаётся *кем-то* с целью оказать влияние на *кого-то*. Посредством выявления особенностей восприятия «образа Автор/Адресата» носителями языка можно понять специфику РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ.

2. Антропометрическое исследование содержит несколько типов экспериментов: свободный ассоциативный эксперимент на стимул *ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО*; серия направленных ассоциативных экспериментов на те же стимулы (ЧТО? КАКОЙ/КАКОЕ? ЧТО ДЕЛАЕТ?); а также метод субъективных дефиниций на стимулы *ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО*.

3. Полученные в ходе экспериментов ассоциаты были классифицированы по таким основаниям, как коннотация, антропоморфность, логичность, а далее описаны посредством количественных показателей, выраженных в виде следующих индексов: индекса позитивности (индекс «+»), индекса негативности (индекс «-»), индекса нейтральности (индекс «0»); индексов нелогичности и логичности (индекс НЛ и индекс Л) для субъективных дефиниций, а также индексов антропоморфности и неантропоморфности (индекс А и индекс НА). Некоторые ассоциаты были сгруппированы по тематическому признаку.

3.3. Диктумное содержание речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Диктумное содержание составляет событийное содержание. Как пишет Т. В. Шмелёва, эта характеристика, на первый взгляд, *лежит не в лингвистической*

плоскости. Но именно событийность позволяет уточнить место речевого жанра в коммуникативном процессе (в широком смысле).

По мнению Т. В. Шмелёвой, характеристика РЖ в соответствии с моделью обусловлена спецификой самого РЖ, которая проявляется в том числе в «чувствительности» анализируемого материала к тому или иному параметру.

Раскрывая речежанровую специфику Конституции РФ, мы приходим к выводу о «склеенности» и взаимообусловленности целого ряда параметров. К конвергентным относятся: 1) диктумно-модусная рамка, 2) целеполагание, 3) аксиологичность. Диктумно-модусная рамка включается в число конвергентных параметров, поскольку диктум (содержание общественного договора) не может быть рассмотрен в отрыве от модуса (деонтической модальности, выражающей меру отношения Автора/Адресата к этому содержанию): содержание и способ его подачи в Конституции РФ совпадают по направленности и взаимно определяют друг друга.

Термин *конвергентность* (не *конвергенция*), который мы вводим в рамках настоящего исследования, трактуется как сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей.

Конвергенция – общенаучный и лингвистический термин, обозначающий процесс сближения разнородных единиц; в лингвистике он применяется к схождению языков, диалектов, единиц разных уровней языка (см., например: [Ахманова 2004]; [ЛЭС URL]). В этом значении термин используется для описания диахронических и межъязыковых процессов и в настоящей работе не применяется.

Термин *конвергенция* давно существует в лингвистике, обычно связывается с процессом сближения разнородных единиц, может рассматриваться в рамках одного языка, на различных его уровнях (например, лексико-фонологическая), может охватывать различные языки.

Конвергентность в естественных науках – постепенное приближение результатов исследования (например, вычисления значения константы) к определённому конечному значению, которое можно рассматривать как объективное; сближение различных методов исчисления с одним, ведущим к цели,

сведение всех теоретических систем к одной системе, доказавшей свою пригодность [Философская энциклопедия URL].

В данном случае мы сближаем разные речежанровые параметры, не единицы, но сущности (категории), поэтому пользуемся термином *конвергентность.*

Диктум связывается с событийностью – качественной характеристикой объекта с точки зрения того, что произошло, какое-то значительное явление или факт жизни. Диктумная рамка Конституции РФ представляет собою то пропозициональное содержание, которое составляет фундамент Основного закона РФ. Само содержание (ЧТО?) Конституции РФ невозможно рассматривать изолированно от ЗАЧЕМ? (целеполагание), КАК? (модус – мера отношения к содержанию) и ПОЧЕМУ ЭТО ЦЕЛЕСООБРАЗНО? (аксиологичность).

С точки зрения диктумного (событийного) содержания основным является понятие *общественного договора.*

Взаимоотношения в обществе (в том числе между гражданином и государством) строятся на основе общественного договора. В связи с чем возникает понятие теории *общественного договора (социального контракта)* (упоминалось нами ранее), разработанное Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо. Теория общественного договора составляет концептуальную основу Конституции РФ.

Т. Гоббс (1651), Дж. Локк (1689) и Ж.-Ж. Руссо (1762) сделали очень разные выводы из исходного положения теории общественного договора. Гоббс защищал абсолютную монархию, Локк поддерживал либеральную монархию, Руссо выступал за либеральный республиканизм, тем самым закладывая и разные отношения между гражданином и государством.

Теория общественного договора предлагает объяснение происхождения взаимных обязанностей и прав в обществе и их обязывающей силы [Социологический словарь URL]. Предлагается рассматривать отношения между государством и обществом так, словно люди связаны взаимными обязанностями и привилегиями [Op. cit.]. Здесь следует говорить о соотношении «консенсус/принуждение» во взаимоотношениях между гражданами и государством. Основной закон государства призван служить главным

ограничителем для власти в её отношениях с человеком и обществом. Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

Сущность Конституции состоит в том, что она призвана закрепить конституционный строй и его основы, права и свободы человека и гражданина, основы организации государства, а также основы организации осуществления власти (публичной власти). Можно выделить четыре основы конституционного строя: *политические, экономические, социальные* и *духовные.* Конституция РФ в самом обобщенном виде закрепляет основные итоги проведённых или проводимых в стране экономических, политических, социально-культурных преобразований, а также итоги предшествующего развития всей правовой системы.

Конституция РФ включает в себя девять глав:

- Глава 1. Основы конституционного строя;
- Глава 2. Права и свободы человека и гражданина;
- Глава 3. Федеративное устройство;
- Глава 4. Президент Российской Федерации;
- Глава 5. Федеральное Собрание;
- Глава 6. Правительство Российской Федерации;
- Глава 7. Судебная власть и прокуратур;
- Глава 8. Местное самоуправление;
- Глава 9. Конституционные поправки и пересмотр Конституции.

Первая Конституция в России была принята 10 июля 1918 г. Действующий закон был принят 30 лет назад – 12 декабря 1993 г. Годы принятия Конституций отображают определённые этапы в развитии страны и исторические процессы. Так, в 2014 году в состав Российской Федерации вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь. В этом же году были объединены Арбитражный и Верховный суды: Высший Арбитражный Суд РФ упраздняется, а вопросы осуществления правосудия, отнесённые к его ведению, были переданы в юрисдикцию Верховного Суда РФ. В 2020 году Президентом РФ Владимиром Путиным были инициированы поправки социального характера, которые,

в частности, закрепили обязательную индексацию пенсий, пособий и других соцвыплат, защиту исторической правды, брак как союз мужчины и женщины. Президент передал часть своих полномочий Государственной Думе.

3.4. Деонтическая модальность как жанрообразующий признак

Модус РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ мы рассматриваем как меру отношения к диктумному содержанию.

Понятие *модуса* восходит к семантическому синтаксису. Классическое определение этой категории было дано Ш. Балли ещё в 1950-е гг. Введение Ш. Балли в научный обиход понятий «диктум» и «модус» обусловливалось постулатом, что «всякое высказывание мысли с помощью языка обусловлено логически, психологически и лингвистически». Модус – часть высказывания, отличная от *пропозиции* (*диктума*). В каждом предложении есть два типа номинативных значений: пропозиция и модус. В пропозиции выражается суждение («положение дел» в мире), а в модусе – *отношение говорящего к данному суждению*. Идея Ш. Балли позволила углубить знание лингвистической структуры высказывания как единицы речи и положила начало целому направлению, связанному с разработкой классификации модусов.

Н. Д. Арутюнова классифицирует модусы по четырём планам: *сенсорному*, *ментальному (эпистемическому)*, *эмотивному* и *волитивному* [Арутюнова 1988] и описывает их типы: модус чувственного восприятия; модус истинностной оценки; модус полагания (мнения); модус общей аксиологической оценки; модус эмоционального состояния и отношения; модус сомнения и допущения; модус знания; модус незнания, сокрытия и безразличия; модус желания и волеизъявления; модус необходимости; модус кажимости. Г. А. Золотова предлагает классификацию модальных рамок, «каждая из которых имеет свой репертуар модусных, рамочных предикатов».

Модус реализуется в *модальности*.

В основе категории модальности лежат универсальные категории логики, организующие рациональное сознание. На них наслаиваются коннотативные и

эмоционально-экспрессивные оттенки смысла. Категория модальности рассматривается как всеобъемлющая категория, поглощающая целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки. Изучение структур, передающих разные типы модальности, приобретает новую окраску и новую значимость [Тураева 1994: 109].

Изначально модальность являлась частью логической номенклатуры, но впоследствии она заняла законное место в лингвистической парадигме и легла в основу *лингвистической теории модальности*. Модальность (от лат. modus – «размер», «способ», «образ») представляет собой семантическую универсалию, выражающую отношение Автора к содержанию высказывания (субъективную модальность) и корреляцию высказывания с объективной действительностью (объективную модальность). Категория модальности представляет собой ядро антропоцентрической парадигмы, когда в центре внимания не язык в самом себе или для себя, а носитель языка, языковая личность с присвоенной ею языковой системой [Романова 2006: 29].

Ш. Балли считал, что в любом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модуса) [Ляпон 1990 URL]. По мнению А. М. Пешковского, категория модальности выражает только одно отношение – отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, т. е. «отношение к отношению» [Op. cit.]. В модальности проявляется социальная, национальная, индивидуальная ментальность; в художественном тексте модальность – языковое и речевое средство воплощения образа автора, в публицистическом – субъективная модальность выражает индивидуально-авторскую ментальность. Такой взгляд на модальность способствует развитию в лингвистике широких представлений о модальностях, в первую очередь, *субъективных* [Романова 2006: 29]. Тем не менее, в отношении нормативных правовых актов следует говорить об *объективной* модальности.

Противопоставление субъективной и объективной модальностей дополнено ещё одной теорией, в которой вектор отношений распространяется на коммуникативную цель: а) отношение высказывания к действительности; б) отношение говорящего к содержанию высказывания и в) коммуникативную цель высказывания [Падучева 2014 URL]. Эта теория, предложенная Е. В. Падучевой, убедительно демонстрирует тезис о конвергентности речежанровых параметров.

В Конституции РФ доминирует *деонтическая (нормативная) модальность*. Деонтическая модальность (нормативная модальность) – это выраженная в суждении информация, побуждающая людей к определённым поступкам. В естественном языке высказывание строится в форме совета, пожелания, команды, правила поведения или приказа [Байдицкая, Сабурова 2015: 105]. Деонтические высказывания также непосредственно связаны с понятием оценки, включающей в себя субъект оценки (лицо (или группу лиц), приписывающее ценность некоторому объекту), предмет оценки (объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются), характеристики оценки (абсолютные и сравнительные) и основание оценки (то, с какой точки зрения производится оценка) [Байдицкая, Сабурова 2015: 106]. Деонтические высказывания утверждают какую-либо социально одобряемую норму поведения.

Деонтическая модальность (модальность долженствования, запрета, разрешения) занимает особое положение: по содержанию она *объективна*, поскольку выражает норму, не зависящую от воли конкретного лица, но по способу выражения деонтическая модальность эксплицируется средствами, традиционно относимыми к *субъективной* модальности (модальные слова, модальные глаголы, вводные конструкции).

Модальность как совокупность значений и отношения Автора к высказыванию и высказывания к действительности выражается посредством лексем, передающих различные оттенки модальности (возможности, разрешения, запрета и т. д.). В Конституции РФ встречаются различные средства модальности, которые представлены в табл. 47.

Таблица 47. Языковые средства выражения модальности в тексте Конституции РФ

1. Модальность долженствования	
Лексемы	Пример
должно, должны	«Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях».
обязан, обязаны	«Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».
2. Модальность запрета	
не должен, не должно, не должны	«Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».
запрещается, запрещаются	«Цензура запрещается».
запрещен	«Принудительный труд запрещен».
не может, не могут	«Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление».
не имеет права, не имеют права	«Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации не имеет права распускать Государственную Думу, назначать референдум, а также вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации».
не вправе	«Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».
не допускается, не допускаются	«При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».
3. Модальность возможности	
может, могут	«Гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет».
имеет право, имеют право	«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность».
имеющий право	«Депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах».
вправе	«Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».
допускается, допускаются	«Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению».
не обязан	«Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность».

Нормативность законодательных текстов выражается с помощью средств деонтической модальности (лексемы, встречающиеся в тексте Конституции РФ:

«должно», «должны»; «обязан», «обязаны»; «не обязан»; «не должен», «не должно», «не должны»; «запрещается», «запрещаются»; «запрещен»). Субъективная модальность тексту Конституции не свойственна.

3.5. Жанрообразующий потенциал целеполагания и аксиологичности речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. В. Шмелёва отмечает, что типологически наиболее значимым параметром является коммуникативная цель РЖ, и выделяет четыре типа: информативные, императивные, этикетные и оценочные РЖ. Она подчёркивает, что «четыре охарактеризованных типа РЖ не исчерпывают всех коммуникативных задач» [Шмелёва 1997].

Доминирующей коммуникативной целью Конституции РФ является императивная цель, что реализовано, в частности, в деонтической модальности.

Теория общественного договора как фундаментальный принцип Конституции РФ заключается в том, что люди договорились принять соглашение о превращении своего «естественного состояния» в «состояние гражданское».

Этот принцип основывается на аксиологии, т. е. ценностных ориентирах общества и отражается в аксиологичности текста Конституции, т. е. способности текста транслировать ценности.

Аксиология (от др.-греч. ἀξία – «ценность» + λόγος – «слово», «учение») – философская дисциплина, исследующая ценности, иерархию ценностного мира, его онтологический статус, способы его познания, специфику ценностных суждений [Большая российская энциклопедия URL]. Функциональную семантико-стилистическую категорию *аксиологичности* можно определить как «способность воспроизводить, моделировать, корректировать и создавать ценности/антиценности языковой картины мира автора/адресата текста» [Мельничук 2017: 11]. Как и большинство других философских понятий, *ценности* представляют собой достаточно широкий и неоднозначный феномен. В целом ценность можно определить как положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемую не их свойствами самими по себе, а их вовлечённостью в сферу

человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений [Большой энциклопедический словарь URL]. Сущность ценностей, по мнению И. В. Авдеевой, «состоит в том, чтобы найти ориентиры для дальнейшего существования общества, поскольку ценности являются тем ядром, вокруг которого консолидируется человеческая общность и образуется единое социальное и культурное пространство, позволяя обществу в целом сохранять стабильное состояние вопреки различным катаклизмам и кризисам» [Авдеева 2012: 265]. Экспликация ценностей происходит через *оценку*, выражаемую единицами различных уровней языковой системы [Мельничук 2017: 8]. Ценность и оценка являются центральными понятиями аксиологической проблематики в языке, составляя предмет интереса *аксиологической лингвистики*, или *лингвоаксиологии* [Op. cit.]. Оценку можно определить как когнитивное действие, направленное на приписывание, выделение отрицательных или положительных свойств предмета. *Оценочность* же – это «потенциал слова или словосочетания, их способность эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале, его место в аксиологическом поле» [Мельничук 2017: 11]. Совокупность оценочных суждений формирует ценность.

Ценность определяется через сопоставление с взаимосвязанными понятиями, а именно *эталон*, *образец*, *стандарт*, *норма*, *стереотип*.

Стандарт (от англ. standard – «норма», «образец») представляет собой *образец*, *эталон*, модель, принимаемые за исходные для сопоставления с ними других подобных объектов [Большой энциклопедический словарь URL]. Слово «стандарт» в своём первом значении (*стандарт качества*, *государственный стандарт*) тяготеет к контекстам с положительной коннотацией. Так, сочетание *стандарт качества* предполагает достаточно высокое качество [Урысон 2011: 349]. Тем не менее, дериват слова «стандарт» развивает нейтральную и иногда негативную коннотативную семантику: *стандартные вопросы о самочувствии*, *стандартные общие пожелания*, *стандартные отписки* и т. п.

Норма – это предписание, разрешение или запрещение действовать определённым образом; норма выражается нормативным, или *деонтическим*, высказыванием [Философская энциклопедия URL].

Ценности также соотносятся с нормами-идеалами, в упрощённом виде представленными в социально одобряемых *стереотипах*. Социальному стереотипу присущи определённые свойства, с одной стороны, предвзятость и коннотативная окрашенность, с другой стороны, ригидность, однозначность и репрезентативность [Питерова, Тетерина 2016]. Именно посредством стереотипов можно познать сознание и идентичность рассматриваемого общества. Стереотипы, в том числе социально одобряемые, актуализируются в дискурсе с помощью системы языковых средств (которые реализуются лексически, грамматически, интонационно и стилистически, посредством текста и подтекста).

Существует множество аксиологических классификаций, в основе которых лежат различные дифференцирующие факторы; ценности подразделяются на *индивидуальные* и *коллективные*, *предметные* и *духовные*, *витальные* (биологические) и *социальные* (материальные и нематериальные) и т. д. [Авдеева 2012]. Важно следующее: ценности всегда связаны с идеалистическими представлениями о Добре и Зле, Хорошем и Плохом, являющимися фундаментом для морально-этического регулирования социальных отношений в определённый период истории (фашизм, либерализм, «старая» этика, «новая» этика и т. д.). Де-юре в части 2 статьи 13 Конституции РФ подчёркивается, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

Преамбула как структурный элемент законодательного текста обладает собственной жанровой спецификой. М. В. Батюшкина определяет преамбулу как «своего рода „вступление“ к основному тексту закона», в котором обозначены предпосылки и цели принятия закона, культурно-правовые ценности и приоритеты государственно-правового устройства [Батюшкина 2020: 137]. Она отмечает, что для конституций и уставов преамбулы являются обязательными, тогда как большинство «обычных» законов их не содержит [Op. cit.]. Это позволяет

рассматривать наличие преамбулы как жанрообразующий признак РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ.

М. В. Батюшкина выделяет следующие жанрообразующие факторы преамбулы: отнесённость к тексту закона определённого субжанрового типа; предмет-тема; коммуникативные функции; субъектный состав (образы автора-адресанта и адресата); обстоятельственные и пространственно-временные характеристики; вербальные и невербальные средства передачи информации [Батюшкина 2020: 137]. Этот набор параметров соотносится с системой параметров, принятой в настоящем исследовании: образ Автора/Адресата, целеполагание, аксиологичность, языковое воплощение.

Основными функциями конституционных преамбул М. В. Батюшкина называет волеизъявительную, программно-целевую, ценностно-ориентированную и персуазивную [Батюшкина 2020: 138]. Ценностно-ориентированная функция состоит в закреплении идеологической детерминации принятия конституции и основ политического и общественного строя; персуазивная – в воздействии на волю и сознание адресата, побуждении к реализации определённых программ и алгоритмов действий [Op. cit.]. Это подтверждает вывод о том, что аксиологичность Конституции РФ эксплицирована, а доминирующая коммуникативная цель является императивной.

Правовая аксиология представляет собой раздел философии права, который занимается изучением, пониманием и критическим анализом моральных и правовых ценностей. Здесь также рассматривается проблема определения, какие из этих значений следует рассматривать как «модель закона». Юридическая аксиология также известна как «теория справедливого права». В последние годы в конституционном праве России сложилось целое самостоятельное направление *конституционной аксиологии*, под которой следует понимать область научно-теоретического познания конституционно-правовых ценностей, их иерархических взаимосвязей, объективации и отражения в конституционных нормах и принципах, приоритетах конституционно-правовой политики [Овчинников 2015: 63]. Для отечественной философии права данное направление отраслевого право-познания

крайне интересно с точки зрения формализации «вечных ценностей» и исторической судьбы российской государственности [Op. cit.].

Несмотря на заметную активизацию исследований в сфере правовой аксиологии, остаются нераскрытыми ключевые вопросы системного бытия ценностей правовой сферы, дискуссионными являются проблемы их классификации и форм существования, центрирования и иерархизации [Горобец 2013: 5–6]. Вне поля зрения исследователей остаются следующие проблемы: что можно считать правовыми ценностями, в чём их значение и цель; посредством чего происходит взаимопроникновение ценностей права и правовых ценностей в нормативную сферу правовой реальности; являются ли правовые ценности и ценности права непосредственными правовыми регуляторами и т. д. [Op. cit.].

Во всех документах правовой сферы присутствует аксиологическая составляющая, однако именно *в тексте Конституции РФ ценности эксплицированы* в отличие от РЖ неядерной зоны ЮД. В Преамбуле Конституции РФ провозглашается значимость высшего нормативного правового акта. Также манифестируются следующие ценности, отражающие общие настроения и идеалы Российской Федерации: *общая судьба*, *права и свободы человека*, *гражданский мир и согласие*, *исторически сложившееся государственное единство*, *равноправие и самоопределение народов*, *память предков*, *любовь и уважение к Отечеству*, *вера в добро и справедливость*, *суверенная государственность России и незыблемость её демократической основы*, *благополучие и процветание России*, *ответственность за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями*, *сознание себя частью мирового сообщества* [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

Лексема «ценность» встречается в основном тексте Конституции и прямо указывает на аксиологическую составляющую: в статье 2 («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью») [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

Права и свободы человека, упоминаемые в статье 2, являются единственной высшей конституционной ценностью [Конституция РФ 2020 с Комментариями

URL]. Провозглашение прав и свобод человека и гражданина явилось важным новшеством в конституционном праве России. В прошлом первостепенно важными были государственные интересы: так, в советское время они отождествлялись с коллективными интересами.

В Российской Федерации, являющейся демократическим государством, социальное благосостояние населения является первостепенной ценностью. «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

В 2020 году в текст Конституции России были внесены поправки, принятые в результате общероссийского голосования, многие из которых конкретизировали ценностные установки современной России, в частности, укрепление статуса русского языка, признание культуры РФ уникальным наследием, установление неприкосновенности Президента после его отставки, защита семьи и материнства, индексацию пенсий и др. Полный перечень приведён в приложении 3.

Полагаем, что специфика аксиологичности текста Конституции РФ может быть полнее охарактеризована с привлечением материала для сопоставления. В качестве объекта сопоставления возьмём Преамбулу Конституции США и сопоставим, как декларируются права и свободы гражданина в текстах Конституций РФ и США (см. табл. 48).

Таблица 48. Сопоставление ценностей в Конституции РФ и Конституции США

Права и свободы человека и гражданина		
Конституция РФ	Конституция США (перевод Лафитского)	Конституция США (перевод Фонда Форда)
«<…> утверждая права и свободы человека <…>» (Преамбула); *«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»* (статья 2);	*«<…> закрепить блага свободы за нами <…>»* (Преамбула); *«Ни один из штатов не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан*	*«<…> закрепить блага свободы за нами <…>»* (Преамбула); *«Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают*

«Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» (статья 6)	*Соединенных Штатов; и не может какой-либо штат лишать какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; не может отказывать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите на основе законов»* (раздел 1 поправка XIV)	*привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов; равно как ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона»* (раздел 1 поправка XIV)

Количество ценностей, провозглашённых в Преамбуле Российской Конституции, составляет 12 единиц, в то время как переводы Конституции США содержат лишь шесть единиц (переводы Преамбулы практически идентичны). Не ставя перед собою цель дать исчерпывающую классификацию ценностей отметим, что все ценности, закреплённые в основных законах являются терминальными (не инструментальными). В Преамбуле Конституции РФ перечислены только абстрактные ценности: *«<…> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость <…>»*, *«<…> стремясь обеспечить благополучие и процветание России <…>»*. Кроме того, отмечается ориентация вовне, что отсутствует в американской Конституции: *«<…> сознавая себя частью мирового сообщества <…>»*. Следует отметить, что в российской Конституции ценности представлены в виде так называемых «биномиальных пар» (являющих собой «последовательность двух слов, относящихся к одному формальному классу, находящихся на одном уровне синтаксической иерархии и обычно соединённых каким-либо лексическим средством» [Петрова 2018]): *права и свободы*, *гражданский мир и согласие*, *равноправие и самоопределение*, *любовь и уважение*, *добро и справедливость*, *благополучие и процветание*, *нынешнее и будущее поколения*. В Преамбуле американской Конституции парные сочетания отсутствуют.

Ценностный (аксиологический) подход к интерпретации законодательства Российской Федерации является неотъемлемой частью анализа российского законодательного дискурса.

3.6. Стилистические особенности «языкового воплощения» речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.6.1. Структура речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. В. Шмелёва, характеризуя параметр «языковое воплощение», называет его стилистическим: «Стилистическим называется подход, если он согласуется с традициями литературоведения и предполагает анализ текстов в аспекте их жанровой природы, включая композицию, отбор специфической лексики и т. п.» [Шмелёва 1997].

Применительно к тексту Конституции, полагаем, более корректно использовать термин *структура*. Термин *структура* в большей степени тяготеет к анализу художественного текста, поскольку предполагает изучение системы образов, сюжета и др. специфических категорий текстопостроения.

Структура любого законодательного текста предполагает наличие *вступительной части*, к которой могут относиться, например, преамбула, положение о цели, предмете регулирования, определения терминов; *основной части*, в которой излагаются собственно новые правовые нормы; *заключительной части*, содержащей положения о вступлении законодательного текста в силу, о сфере его применения, сроке действия и т. д. [Борисова 2010: 9].

Особенностью структуры законодательного текста является наличие рубрикации, обеспечивающей чёткость формы, использование параграфемических средств (полужирное написание заголовка, шрифт, разрядка, заглавное написание и пр.). Различные нормативные правовые акты обладают разным набором структурных единиц – составных частей текста закона: так, выделяются статьи, пункты, части, главы и др. Все детали оформления нормативных правовых актов закреплены на государственном уровне (см. [Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов URL]).

В отношении законодательных актов следует говорить о *реквизитах нормативного правового акта*. К таковым в общем виде относятся: 1) изображение Герба Российской Федерации; 2) указание на вид акта; 3) указание на орган, принявший акт; 4) заголовок (наименование) акта); 5) дата, место принятия

(издания) акта и его регистрационный номер; 6) подпись лица / подписи лиц, официально уполномоченных подписывать соответствующие акты с указанием должности, имени и фамилии должностного лица (имя может указываться как с полными инициалами – *И.М.Руденя*, так и только с сокращением имени – *В.Путин*, *М.Мишустин*; характерно опущение пробелов); 7) печать уполномоченного органа; 8) факультативно штрихкод. Любопытно, что в нормативных правовых актах традиционно не используется буква «ё», несмотря на требования жёсткие орфографические требования, применяемые к языку законодательства: в юридических текстах при написании официальных имён и фамилий, топонимов и названий учреждений неразличение *Е* и *Ё* не допускается, так как это приводит к юридическим конфликтам в связи с действием законов об авторских правах, правом на имя и др. [Климович 2016б: 12].

РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ как главный ядерный РЖ российского ЗД, с одной стороны, типичен, ведь является главным законодательным актом Российской Федерации, но с другой стороны, обладает рядом структурных особенностей. Так, текст открывается условиями принятия документа:

> Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года
> с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования
> 1 июля 2020 года

Далее полужирным шрифтом указано наименование:

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

За ним следует текст Преамбулы (что, в основном, опционально для большинства нормативных правовых актов, но крайне важно для Конституции):

> Мы, многонациональный народ Российской Федерации,
> соединенные общей судьбой на своей земле,
> утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие,
> сохраняя исторически сложившееся государственное единство,
> исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов,
> чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость,
> возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы,
> стремясь обеспечить благополучие и процветание России,

исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями,
сознавая себя частью мирового сообщества,
принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Далее Конституция РФ подразделяется на два раздела – РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ (Основные положения) и РАЗДЕЛ ВТОРОЙ (Заключительные и переходные положения) (заглавное написание, полужирный шрифт, выравнивание по центру). Конституция РФ включает в себя 9 глав и 137 статей (Первая Конституция в России была принята 10 июля 1918 года. Она включала 17 глав и 90 статей):

Глава 1. Основы конституционного строя (ст. 1–16)

Глава 2. Права и свободы человека и гражданина (ст. 17–64)

Глава 3. Федеративное устройство (ст. 65–79)

Глава 4. Президент Российской Федерации (ст. 80–93)

Глава 5. Федеральное Собрание (ст. 94–109)

Глава 6. Правительство Российской Федерации (ст. 110–117)

Глава 7. Судебная власть и прокуратура (ст. 118–129)

Глава 8. Местное самоуправление (ст. 130–133)

Глава 9. Конституционные поправки и пересмотр Конституции (ст. 134–137)

Чёткая структурированность текста Конституции является характерной речежанровой особенностью нормативных правовых актов, обеспечивающей возможность ориентироваться в тексте.

3.6.2. Языковые стилистические особенности речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ в аспекте системы функциональных стилей (по В. В. Виноградову)

М. М. Бахтин в своей программной работе «Проблема речевых жанров» [Бахтин 1996] отмечает, что «определение стиля <…> требует более глубокого изучения как природы высказывания, так и разнообразия речевых жанров» [Op. cit.]. Жанр неразрывно связан со стилем, стиль входит в жанровое единство высказывания. «По существу языковые или функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определённых сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определённые стили» [Op. cit.]. Несмотря на то, что стилистическая проблематика

до настоящего времени является, пожалуй, одной из дискуссионных областей современной лингвистики, в русле лингвостилистики можно назвать концепцию, которая считается наиболее авторитетной, – *функциональная стилистика*. Её автор – В. В. Виноградов, который предложил типологию функциональных стилей, выделяемых по функции и сфере общения, т. е. не по собственно лингвистическим основаниям. С точки зрения В. В. Виноградова, каждый функциональный стиль стремится к выполнению одной доминирующей функции из трёх (*общение, сообщение, воздействие*).

Определение функционального стиля не лишено противоречий. Традиционно под функциональным стилем понимается функционально-речевая разновидность языка/речи, выделяемая в зависимости от сферы общения, в которой язык выступает в той или иной общественно-речевой практике людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере [Мурот 1990 URL].

Пожалуй, корректнее было бы говорить не о собственно функционально-речевой разновидности языка, а о специфике такого рода разновидности, которая реализуется в системе текстов (в широком смысле) посредством «речевой системности» (термин М. Н. Кожиной). Речевая системность индифферентна к уровневому устройству языка, если и пронизывает все его уровни.

Речевая системность, по М. Н. Кожиной, понимается как взаимосвязь и взаимообусловленность языковых средств, отобранных и организованных под влиянием экстралингвистических факторов сферы общения [Кожина 2002; Кожина 2008; Кожина 2014]. Для официально-делового стиля, к которому относятся РЖ ЗД, такая системность формируется на основе требований стабильности, стандартизированности, беспристрастности и краткости: эти требования определяют отбор и организацию языковых средств, но не исчерпывают содержания понятия речевой системности. Доминирующей функцией речи в речевых жанрах официально-делового стиля в концепции функциональной стилистики признаётся сообщение и воздействие.

В. В. Виноградов называет пять функциональных стилей: *обиходно-бытовой стиль, официально-деловой, научный, газетно-публицистический* и *художественный*. Каждый стиль характеризуется собственным «набором» языковых средств, т. е. речевой системностью. Здесь важно вспомнить о разграничении понятий *текст* и *речевой жанр.* Языковые средства текста рассматриваются через призму грамматики, а языковые средства, характеризующие речевой жанр, являются стилистическими, отражая типологические особенности речевого жанра как модели, генерализирующей специфику целой группы текстов.

Для каждого функционального стиля в схематичном виде можно сформулировать общий принцип, организующий всю речевую системность.

Как уже отмечалось в главе 2 настоящей работы, РЖ ЗД по своей функционально-стилевой принадлежности по преимуществу могут быть отнесены к официально-деловому стилю с элементами юридического подстиля. Принцип организации речевой системности заключается в следующих требованиях к качеству текста: стабильность, стандартизированность, беспристрастность, краткость. Доминирующей функцией речи в концепции функциональной стилистики признаётся *сообщение* (с дополнительной *воздействие*).

Как свидетельствует материал параграфа 3.4., текст Конституции РФ обладает деонтической модальностью, которая передаётся совокупностью соответствующих языковых средств, имеющих значение долженствования. По этой причине основной функцией речи является не *сообщение,* а *воздействие.*

Типичные языковые средства официально-делового стиля, формирующие речевую системность Конституции РФ, систематизированы и представлены в табл. 49.

Таблица 49. Языковые средства официально-делового стиля в Конституции РФ

Официально окрашенная лексика	*статус; осуществлять свои права; наименование; религиозное объединение*
Юридическая терминология	*гражданин; государство; права и свободы; гражданство; суверенитет; амнистия; помилование; пошлина*
Устойчивые клишированные обороты	*в установленном Конституцией Российской Федерации порядке; на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации*

Субстантивация прилагательных	*исполняющий обязанности; обвиняемый; потерпевший*
Слова со значением долженствования	*должен; запрещается; имеет право; допускается; не может; не вправе*
Отыменные предлоги	*на основании; в целях; в порядке и по основаниям*
Расщеплённые сказуемые	*присваивать власть; обеспечивать целостность; подлежать опубликованию*
Страдательные конструкции	*самоуправление гарантируется; каждому гарантируется свобода*
Сложные синтаксические конструкции (осложнённые оборотами, с несколькими предикативными единицами)	*Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Л. Е. Попова пишет о том, что язык законодательства обладает ярко выраженной стилистической окраской. Это определяет стилистическое своеобразие языка, сложный способ выражения мысли, её логическую последовательность, наличие стилевых и смысловых стереотипов, что в свою очередь обусловливает характерные смысловые (парадигматические) связи между понятиями [Попова 2005: 15]. С точки зрения Л. А. Борисовой, большую группу лексических единиц в текстах законов составляют термины, которые подразделяются на *общеупотребительные*, *специальные юридические* и *специальные технические*. Общеупотребительные термины интересны с той точки зрения, что, несмотря на свою, казалось бы, понятность и распространённость, всё же требуют дефиниции [Борисова 2010: 16].

Синтактические особенности Конституции РФ можно также детализировать на следующих примерах:

1) употребление простых предложений с однородными членами, причём ряды этих однородных членов могут быть весьма распространёнными (до 8–10):

1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся:

а) обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам;

б) защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности; режим пограничных зон;

в) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами;

г) разграничение государственной собственности;

д) природопользование; сельское хозяйство; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры;*

е) общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики;*

ж) координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение;*
<…>

2) наличие пассивных конструкций:

Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

3) «нанизывание» родительного падежа, т. е. употребление цепочки имен существительных в родительном падеже:

Система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом.

4) преобладание сложных предложений, в особенности сложноподчинённых, с придаточными условными:

Федеральные органы исполнительной власти по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Н. А. Калинина справедливо замечает, что «текст любого нормативного правового акта, его речевая структура должны представлять собой единство плана содержания и плана выражения. При подготовке нормативного документа, его редакционной обработке необходимо стремиться к точному выбору лингвостилистических средств с учётом функциональной и типологической специфики документа, особенностей его содержания, целевого назначения. Неточный выбор слова, грамматической формы, неудачное синтаксическое оформление речи могут исказить смысл формулируемой юридической нормы, затруднить её восприятие и применение. Нормативные правовые акты являются неотъемлемым элементом речевой культуры общества, поскольку они получают широкое распространение. Соответственно должны предъявляться высокие требования к их стилистическому качеству, к языку законодательства» [Калинина 1997 URL].

Особенностью официально-делового стиля является эмоционально-экспрессивная ригидность.

Однако характерной особенностью языкового воплощения РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ является наличие мелиоративной лексики (по О. С. Ахмановой, «обладающей положительной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией» [Ахманова 2004], которая сосредоточена в Преамбуле к основному тексту. Понятие мелиоративной лексики, лексики с мелиоративным значением неоднозначно трактуется в лингвистике. Если внимательнее проанализировать, какая именно лексика относится к этому разряду, то можно выделить несколько групп: 1) лексика с «традиционно экспрессивным значением», когда в самом денотативном значении коннотация не заключена, благодаря чему лексема используется в определённом контексте, обусловленном сферой применения (предлагаемая классификация опирается на типологию

стилистических значений, которая дана в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под ред. М. Н. Кожиной [Стилистический энциклопедический словарь русского языка URL]); 2) лексика с «традиционно экспрессивным значением», которое трудно отделить от денотативного (предметно-логического), они взаимопроницаемы; наконец, 3) лексика, приобретающая положительное эмоционально-экспрессивно-коннотативное значение в определённом контексте. Два первых типа мелиоративной лексики связаны с системой языка, обусловлены узусом и/или нормой, а третий тип является контекстуальным.

К разряду мелиоративной лексики могут быть отнесены, например, следующие лексемы (выделены подчёркиванием):

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

Если посмотреть на речевой жанр *Конституция* несколько шире, нежели в том ракурсе, который обозначен в настоящем исследовании, например, сравнив Конституцию РФ с Конституцией США, то обнаружим наличие преамбулы как обязательного структурного элемента.

Преамбула в обеих Конституциях представляет собою одно предложение, осложнённое рядами однородных членов предложения (Конституция РФ: *обеспечить благополучие и процветание России*; Конституция США: *дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие*), деепричастными (Конституция РФ: *сохраняя исторически сложившееся государственное единство, утверждая незыблемость ее демократической основы*) и причастными оборотами (Конституция РФ: *соединенные общей судьбой на своей земле*).

Обе Преамбулы содержат мелиоративную лексику, используемую для декларации ценностных установок государства.

«Мы, народ Соединенных Штатов, с целью образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки» [Конституция США, здесь и далее – Перевод I URL].

«Мы, народ Соединенных Штатов, дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, торжественно провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки» [Конституция США, здесь и далее – Перевод II].

Сопоставляя тексты Преамбул, можно отметить, что в Преамбуле Конституции РФ содержится больше мелиоративных единиц, чем в Конституции США, а именно 9 единиц на 84 слова, т. е. около 11 % (против 2 единиц на 39 слов и 5 % соответственно).

Таким образом, диктумное содержание Конституции РФ связано с понятием общественного договора, который принимает форму демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления. Деонтическая модальность отражает функцию *воздействия* (по В. В. Виноградову), а не *сообщения,* как это традиционно трактуется применительно к официально-деловому функциональному стилю. В тексте Конституции РФ посредством использования мелиоративной лексики эксплицируется аксиологичность.

Перечисленные особенности, с точки зрения теории функциональных стилей, дают основания поместить Конституцию РФ в периферийную зону речежанрового функционально-стилистического пространства, поскольку они (особенности) отличаются от типичных проявлений официально-делового стиля.

Однако полагаем, что традиционный функционально-стилистический подход может быть обогащён за счёт вовлечения в круг исследовательского внимания достижений в области современной лингвистики (жанроведения, психолингвистики, прагматики).

Выводы по главе 3

Конституция РФ как нормативный правовой акт (Основной Закон РФ) занимает главное место в системе документов, РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ как

речевой жанр находится в ядерной зоне первого порядка ЗД по юридической силе и в силу специфики жанрообразующих признаков.

Номинация жанра «отражает место РЖ в соответствующей языковой картине мира» [Балашова, Дементьев 2022: 162].

Изучение номинации осуществлялось в два этапа: 1) на лексикографическом материале; 2) на экспериментальном материале с целью установления актуального значения слова, которое отличается от лексикографического и психолингвистического.

Проведя на первом этапе компонентный анализ лексикографического значения лексемы «конституция», можно выделить следующие ядерные семы: ‘основной закон’, ‘закрепляет основы общественного строя’, ‘закрепляет основы государственного строя’, ‘закрепляет права и обязанности’, ‘выражает волю государства’, ‘выражает волю народа’.

На втором этапе исследовалось *актуальное значение*, которое отличается от *психолингвистического*. Актуальное значение (это термин, который мы вводим) фиксирует лишь наиболее яркие ядерные компоненты значения, не учитывая периферийные, оно занимает промежуточное место между лексикографическим и психолингвистическим, моделируется с учётом проверки той исследовательской гипотезы, которую призван подтвердить/опровергнуть эксперимент, являясь вспомогательным методом исследования. Специфика актуального значения слова заключается, в частности, в следующем: во-первых, анализируются частотные ассоциаты, которые формируют устойчивый тренд; во-вторых, актуальное значение описывается в определённом ракурсе, который задан целью исследования.

Для моделирования актуального значения слова «конституция» была проведена серия экспериментов (свободный ассоциативный, направленный ассоциативный, на основе метода субъективных дефиниций). Ответы испытуемых анализировались с учётом следующих параметров: 1) соотнесённость с лексикографическим значением; 2) антропоморфность (здесь в значении «ассоциируемость с человеком»); 3) наличие коннотативного компонента, который

понимается вслед за О. С. Ахмановой как дополнительное к денотативному содержание слова, выражающее экспрессивно-эмоционально-коннотативное отношение говорящего к обозначаемому [Ахманова 2004]. В экспериментальной части коннотативный компонент редуцирован до трёх шкал: позитивная коннотация, негативная коннотация, нейтральная коннотация.

Выбор параметров обусловлен задачами исследования. Параметр *соотнесённость с лексикографическим значением* позволяет установить, насколько актуальное значение слова опирается на словарные дефиниции, а в какой части от них отклоняется, – это необходимо для сопоставления лексикографического и актуального значений.

Параметр *антропоморфность (ассоциируемость с человеком)* позволяет проверить, представлены ли в актуальном значении номинации РЖ компоненты, связанные с образом Автора/Адресата: положительный ответ на этот вопрос подтверждает жанрообразующий потенциал оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*, отрицательный – ставит его под сомнение.

Параметр *коннотативный компонент* позволяет оценить, является ли номинация РЖ эмоционально ригидной, как это предполагается для официально-делового стиля, или допускает коннотативные наслоения.

С целью количественной характеристики того или иного показателя нами рассчитывались индексы. *Индекс* представляет собою отношение ответов испытуемых, обладающих определённой характеристикой, к общему количеству ответов. Например, индекс *антропоморфности* рассчитывается как отношение количества антропоморфных реакций к общему количеству реакций и используется в настоящем исследовании для количественной характеристики параметра «образ Автора/Адресата»: он показывает, какая доля реакций носителей языка связывает имя речевого жанра с представлением о человеке.

Интерпретация результатов экспериментального исследования позволила сделать следующие выводы:

1. Нейтрально окрашенные ассоциаты к стимулу *КОНСТИТУЦИЯ* преимущественно соотносятся с основными семами лексикографического

значения: *закон (законы) (15); права (8); право (8); порядок (6); обязанность (обязанности) (4); правило (правила) (4); документ (3); книга (3); долг (1); законодательство (1); изменения (1); ограничение (1); поправки (1); правопорядок (1); раздел (1); референдум (1); свод (1); соблюдение (1).*

2. Зафиксировано незначительно количество антропоморфных ассоциатов (индекс антропоморфности – 0,25): *президент (9); человек (5); народ (5); гражданин (граждане) (2); судья (2); адвокат (1); декабристы (1); политик (1); Путин (1).*

3. Коннотативные ассоциаты присутствуют, что опровергло исходную гипотезу об эмоциональной ригидности стимула *КОНСТИТУЦИЯ* (индекс коннотации – 0,18): *справедливый (справедливая) (11); честная (3); необходимая (2); нужная (нужные) (2); пустая (2); большая и непонятная (1); крепкая (1); оберегающая (1); принципиальная (1); равноправная (1); хорошая (1).*

Количественные показатели по результатам экспериментального исследования номинации РЖ:

1) *индекс позитивности:* а) для лексем в свободном ассоциативном эксперименте – 0,04; б) для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с существительными – 0,07; в) для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с прилагательными – 0,40; г) для субъективных дефиниций – 0,02;

2) *индекс негативности:* а) для лексем в свободном ассоциативном эксперименте – 0,14; б) для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с существительными – 0,05; в) для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с прилагательными – 0,24; г) для субъективных дефиниций – 0,10;

3) *индекс нейтральности:* а) для лексем в свободном ассоциативном эксперименте – 0,82; б) для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с существительными – 0,88; в) для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с прилагательными – 0,36; г) для субъективных дефиниций – 0,88;

4) *индекс нелогичности:* для субъективных дефиниций – 0,12;

5) *индекс логичности:* для субъективных дефиниций – 0,88;

6) *индекс антропоморфности:* для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с существительными – 0,25;

7) *индекс неантропоморфности:* для лексем в направленном ассоциативном эксперименте с существительными – 0,75.

Полагаем, что экспериментальный материал расширяет аналитическую описательную базу жанроведения и позволяет выявить те речежанровые особенности, которые связаны с представлением носителей языка об имени речевого жанра.

Далее изучался речежанровый параметр позиция Автора/Адресата.

Как следует из самого текста Конституции РФ, её Автором и Адресатом является народ *(«Мы, многонациональный народ Российской Федерации»*). Проанализировав тематические группы лексем, именующих Автора и Адресата Конституции РФ, которые были обнаружены в тексте, можно сделать вывод, что наиболее широко представлено два тематических поля: 1) со значением «гражданин» 2) со значением «государство».

По аналогии с изучением номинации речевого жанра было проведено исследование оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО* с использованием антропометрических методов (см. выше). Основные выводы сводятся к следующему:

1. На оба стимула (*ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО*) были получены антропоморфные и неантропоморфные ассоциаты. Закономерно, что к стимулу *ГОСУДАРСТВО* антропоморфных ассоциатов немного (индекс – 0,15): (*государь, лидер, люди*), к стимулу *ГРАЖДАНИН* индекс антропоморфности – 0,48, например: *защитник (1); землянин (1); идеалист (1); избиратель (1); интеллигент (1).*

2. Оба стимула получили коннотативные ассоциаты (их количество меньше, чем нейтральных), положительная коннотация доминирует:

ГОСУДАРСТВО: *сильный (сильная, сильное) (7); великое (5); независимый (независимая, независимое) (5); честное (4); свободный (свободная) (2); непобедимое (1).*

ГРАЖДАНИН: *ответственный (18); законопослушный (12); активный (5); добропорядочный (4); уверенный (4); честный (3); уважаемый (2); справедливый (1).*

3. В ходе эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций, на оба стимула были получены как понятийно-логические (сближенные с лексикографическим значением), так и не понятийно-логические дефиниции. Вопреки гипотезе эксперимента на стимул *ГОСУДАРСТВО* по сравнению со стимулом *ГРАЖДАНИН* (индекс нелогичности дефиниций – 0,28) было получено больше дефиниций второго типа (индекс нелогичности дефиниций – 0,46): *Счастливые граждане, Надёжный защитник для всех граждан. Родной край. Люди*. Примеры не понятийно-логических дефиниций на стимул *ГРАЖДАНИН*: *Звучит гордо, достойно, почётно. ЧЕЛОВЕК! Сын своей страны. Свободный человек*. Для обоих стимулов позитивно окрашенные дефиниции существенно преобладают.

Количественные показатели по результатам экспериментального исследования лексем *ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО*.

Стимул *ГРАЖДАНИН*: 1) средний индекс позитивности – 0,30; 2) средний индекс негативности – 0,03; 3) средний индекс нейтральности – 0,67; 4) средний индекс антропоморфности – 0,57; 5) средний индекс неантропоморфности – 0,43; 6) индекс нелогичности – 0,28; 7) индекс логичности – 0,72.

Стимул *ГОСУДАРСТВО*: 1) средний индекс позитивности – 0,25; 2) средний индекс негативности – 0,12; 3) средний индекс нейтральности – 0,63; 4) средний индекс антропоморфности – 0,26; 5) средний индекс неантропоморфности – 0,84; 6) индекс нелогичности – 0,46; 7) индекс логичности – 0,54.

Следующий параметр – диктумно-модусная рамка.

Диктумное содержание составляет событийное содержание. Эта характеристика, на первый взгляд, лежит не в лингвистической плоскости. Однако именно событийность позволяет уточнить место речевого жанра в коммуникативном процессе (в широком смысле).

Сущность Конституции РФ как нормативного правового акта состоит в том, чтобы на основе общественного договора закрепить конституционный строй и его основы, права и свободы человека и гражданина, основы организации государства, а также основы организации осуществления власти (публичной власти). В Конституции устанавливается, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления.

Модус РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ рассматривается как мера отношения Автора/Адресата к диктуму.

Модус реализуется в модальности. В Конституции РФ широко представлена деонтическая модальность (нормативная модальность). Деонтическая модальность в лингвистике трактуется как выраженная в суждении информация, побуждающая людей к определённым поступкам. В тексте Конституции РФ представлено несколько групп языковых средств, передающих разновидности деонтической модальности:

1) модальность долженствования (*должно, должны; обязан, обязаны*);

2) модальность запрета (*не должен; запрещается; не может; не имеет права*);

3) модальность возможности (*может; имеет право; допускается; не обязан*).

Следует обратить внимание на важный вывод: деонтическая модальность отражает функцию *воздействия* (по В. В. Виноградову), а не *сообщения*, как это традиционно трактуется применительно к официально-деловому функциональному стилю.

На следующем этапе анализировалось целеполагание и аксиологичность.

Типологически одним из значимых параметров является коммуникативная цель РЖ. Доминирующей коммуникативной целью Конституции РФ является императивная цель, что реализовано, в частности, в деонтической модальности, которая диктует гражданам государства принять соглашение о превращении своего «естественного состояния» в «состояние гражданское».

Этот принцип основывается на аксиологии, т. е. ценностных ориентирах общества и отражается в аксиологичности текста Конституции, т. е. способности текста транслировать ценности.

Во всех документах правовой сферы присутствует аксиологическая составляющая по преимуществу имплицитно, в тексте Конституции РФ в отличие от многих других РЖ ЗД ценности эксплицированы. В Преамбуле Конституции РФ провозглашается значимость высшего нормативного правового акта, манифестируются следующие ценности: *общая судьба, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исторически сложившееся государственное единство* и др. [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

На последнем этапе было проанализировано «языковое воплощение» РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ.

«Языковое воплощение» относится к числу стилистических параметров, характеризует композицию и особенности использования языковых средств.

Применительно к тексту Конституции, полагаем, корректнее использовать термин *структура*, поскольку композиция в большей степени тяготеет к анализу художественного текста, предполагает изучение системы образов, сюжета и др. специфических категорий текстопостроения.

Структура любого законодательного текста предполагает наличие вступительной части, к которой могут относиться, например, преамбула, положение о цели, предмете регулирования, определения терминов; основной части, в которой содержатся устанавливаемые правовые нормы; заключительной части, регламентирующей положения о вступлении законодательного текста в силу, о сфере его применения, сроке действия и т. д.

Конституция РФ включает в себя Преамбулу и два раздела – Раздел первый «Основные положения», состоящий из девяти глав и 137 статей, и Раздел второй «Заключительные и переходные положения». Конституция РФ включает в себя девять глав и 137 статей. Чёткая структурированность текста Конституции является характерной речежанровой особенностью нормативных правовых актов, обеспечивающей возможность хорошо ориентироваться в тексте документа.

РЖ ЗД по своей функционально-стилевой принадлежности могут быть отнесены к официально-деловому стилю с элементами юридического подстиля. Принцип организации «речевой системности» (термин М. Н. Кожиной) заключается в следующих требованиях к качеству текста: стабильность, стандартизированность, беспристрастность, краткость.

Отличительной особенностью текста Конституции является наличие мелиоративной лексики (по О. С. Ахмановой, «обладающей положительной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией» [Ахманова 2004]), которая сосредоточена в Преамбуле к основному тексту. К разряду мелиоративной лексики могут быть отнесены, например, следующие лексические единицы: *мир, согласие, государственное единство, добро, вера, справедливость, благополучие, процветание* и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено моделированию ядерной зоны российского законодательного дискурса и описанию специфики составляющих её речевых жанров, среди которых основное внимание уделено КОНСТИТУЦИИ РФ. Работа выполнена в русле жанроведения с позиций прагмастилистического подхода, синтезирующего идеи лингвистической прагматики и функциональной стилистики.

Проведённый обзор показал, что в современной юрислингвистике сложился ряд направлений изучения юридического дискурса: прагматическое, семантическое, комплексно-интегральное, дискурсивно-когнитивное, жанроведческое, психолингвистическое. Однако при всём разнообразии подходов обнаруживаются две устойчивые тенденции. С одной стороны, фокус исследовательского внимания сосредоточен преимущественно на юридическом тексте и на судебном дискурсе. С другой стороны, законодательный дискурс, занимающий центральное место по степени правовой значимости, до сих пор не получил монографического описания: отсутствуют единые основания классификации его речевых жанров, не разработана модель его жанрового пространства, не описан набор прагмастилистических параметров, релевантных для его характеристики.

Проведение любого научного исследования требует определения и уточнения терминологического аппарата. Дискурс в работе понимается как совокупность текстов в коммуникативно-прагматическом контексте, детерминированном спецификой институциональной сферы общения. Юридический дискурс – как дискурс всех видов коммуникативной деятельности, связанной с юриспруденцией. Законодательный дискурс – как иерархически выстроенная, генерализируемая посредством речевых жанров система текстов нормативных правовых актов, характеризующаяся с точки зрения прагматического контекста и стилистических особенностей. Существенным для исследования является разграничение текста и речевого жанра: текст – конкретный вербальный продукт, обладающий целостностью и связностью; речевой жанр – типическая

форма высказывания (по М. М. Бахтину), не отождествляемая с текстом. Речевой жанр в силу своей типичности выступает как модель типичного текста, тогда как тексты конкретных документов являются её реализациями. Такое разграничение позволяет, с одной стороны, анализировать отдельные тексты, с другой – описывать их типические признаки на уровне жанра.

В основу классификации речевых жанров положен экстралингвистический параметр – юридическая сила документа. Использование экстралингвистического основания не является исключительным в лингвистике: функциональная стилистика выделяет стили по сфере общения, которая также лежит за пределами собственно языковой системы. Юридическая сила документа определяет иерархию речевых жанров и, как следствие, их прагмастилистические характеристики. Классификация выполнена с опорой на юридическую классификацию нормативных правовых актов и с учётом экспертного мнения специалистов в области конституционного права.

В ядерную зону ЗД входят речевые жанры, генерализующие нормативные правовые акты федерального уровня, обладающие высшей юридической силой: КОНСТИТУЦИЯ РФ, *Международный договор*, *Международная конвенция*, *Международное соглашение*, *Федеральный закон*, *Федеральный кодекс*, *Указ Президента РФ*, *Постановление Правительства РФ*. Периферийную зону образуют акты субъектов РФ, муниципальных образований и подзаконные акты ниже уровня Правительства РФ. Разграничение зон проводится по двум критериям: юридическая сила документа и наличие полного набора прагмастилистических параметров. Второй критерий является лингвистическим и позволяет подтвердить отнесение жанра к ядерной зоне не только по формально-правовому, но и по собственно языковому основанию.

Модель ЗД является полевой: она имеет ядерную и периферийную зоны, между которыми распределяются речевые жанры. Полевой тип модели позволяет отразить одновременно две характеристики жанрового пространства: иерархию по юридической силе и степень близости к ядерному жанру по совокупности прагмастилистических признаков. Модель характеризуется как статичная: она

фиксирует состояние законодательства на определённый хронологический срез (материал собран по состоянию на апрель 2023 г.).

Ядерная зона ЗД неоднородна и дифференцируется на зону первого и второго порядка. Основанием дифференциации служит не только юридическая сила, но и совокупность прагмастилистических признаков. В ядерную зону первого порядка входит РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ, обладающий набором признаков, отсутствующих у остальных ядерных жанров: наивысшая юридическая сила; дефиниционная отчётливость номинации; эксплицированная аксиологичность; особенности языкового воплощения (наличие мелиоративной лексики); конвергентность образа Автора и образа Адресата. Ядерную зону второго порядка образуют остальные речевые жанры: они обладают высшей юридической силой федерального уровня, но не имеют указанных признаков в полном объёме.

Для описания модели ядерной зоны ЗД выдвинута система прагмастилистических параметров, сформированных путём сопоставления жанровых характеристик (по Т. В. Шмелёвой и Н. Б. Лебедевой) и дискурсивных характеристик (по В. И. Карасику): юридическая сила документа, имя жанра, позиция Адресата/Автора, диктумно-модусная рамка, целеполагание и аксиологичность, языковое воплощение. Каждый параметр рассмотрен как на уровне ядерной зоны в целом, так и применительно к отдельным речевым жанрам.

Компонентный анализ лексем, номинирующих речевые жанры ядерной зоны второго порядка, показал, что словарные дефиниции не позволяют разграничить смежные явления: используются толкования, трактуемые одно через другое; не разграничиваются смежные понятия; отсутствует общая логика трактовки. Это обосновывает необходимость экспериментального этапа, который даёт материал, недоступный компонентному анализу, – данные о том, как имя речевого жанра воспринимается носителями языка.

Особое внимание уделено выявлению особенностей РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ как ядерного жанра первого порядка. Анализ включает в себя шесть параметров.

Имя жанра. Номинация КОНСТИТУЦИЯ РФ обладает дефиниционной отчётливостью. Лексикографический анализ выявляет ядерные семы: ‘основной закон’, ‘закрепляет основы общественного строя’, ‘закрепляет основы государственного строя’, ‘закрепляет права и обязанности’, ‘выражает волю государства’, ‘выражает волю народа’. Экспериментальное исследование показало, что актуальное значение номинации характеризуется доминированием нейтральной коннотации (индекс 0,74), преобладанием неантропоморфных ассоциатов (индекс 0,75) и логичностью субъективных дефиниций (индекс 0,88). Существенным результатом является разрыв между текстовой аксиологичностью Конституции и актуальным значением её номинации (индекс позитивности 0,04): ценности, декларируемые в Преамбуле, не воспроизводятся в обыденном языковом сознании. Это позволяет говорить о том, что аксиологический потенциал жанра не в полной мере отражён в представлениях носителей языка.

Образ Автора/Адресата. Автор и Адресат Конституции РФ совпадают: это многонациональный народ Российской Федерации. Совпадение проявляется в аутодиалогичности – народ обращается к самому себе, закрепляя нормы, регулирующие его собственную жизнь. Основные вербальные репрезентации – лексемы тематических групп «гражданин» и «государство»; их оппозиция обладает жанрообразующим потенциалом. Экспериментальное исследование оппозиции *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО* показало, что индекс антропоморфности для стимула *ГРАЖДАНИН* (0,57) значительно превышает аналогичный индекс для стимула *ГОСУДАРСТВО* (0,16); индекс позитивности для стимула *ГРАЖДАНИН* выше, а негативности – ниже. Это позволяет говорить об асимметричном характере образов Автора и Адресата: гражданин воспринимается как «свой», государство – как дистанцированный институт.

Диктумно-модусная рамка. Диктум в работе понимается широко: он включает как событийное содержание (акт принятия Конституции как общественного договора), так и состояние (закреплённые основы конституционного строя). Такое понимание соответствует трактовке диктума в семантическом синтаксисе. Диктум и модус конвергентны: содержание

общественного договора неотделимо от деонтической модальности, через которую оно выражается. Конвергентность проявляется в том, что содержание и способ его подачи в Конституции РФ совпадают по направленности и взаимно определяют друг друга.

Деонтическая модальность. В Конституции РФ доминирует деонтическая модальность, реализуемая через три группы средств: модальность долженствования (*должно, должны; обязан, обязаны*), модальность запрета (*не должен; запрещается; не может; не имеет права*), модальность возможности (*может; имеет право; допускается; не обязан*). Деонтическая модальность занимает особое положение: по содержанию она объективна, поскольку выражает норму, не зависящую от воли конкретного лица, но по способу выражения использует средства, традиционно относимые к субъективной модальности. Существенный вывод состоит в том, что деонтическая модальность отражает функцию воздействия, а не сообщения, как это традиционно трактуется применительно к официально-деловому стилю.

Целеполагание и аксиологичность. Доминирующая коммуникативная цель РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ – императивная. Аксиологичность эксплицирована: в Преамбуле провозглашаются ценности (*общая судьба, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исторически сложившееся государственное единство, равноправие и самоопределение народов, память предков, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость, суверенная государственность России, благополучие и процветание России, ответственность за Родину перед нынешним и будущим поколениями, сознание себя частью мирового сообщества*); в основном тексте аксиологическая составляющая выражена через лексему *ценность* (ст. 2). Сопоставление с Конституцией США показало, что в российской Конституции ценности представлены в виде биномиальных пар (*права и свободы, гражданский мир и согласие, добро и справедливость* и др.), тогда как в Преамбуле американской Конституции парные сочетания отсутствуют. Кроме того, в российской

Конституции отмечается ориентация вовне («сознавая себя частью мирового сообщества»), отсутствующая в американской.

Языковое воплощение. Текст Конституции РФ имеет чёткую структуру (Преамбула, два раздела, девять глав, 137 статей). Языковые средства относятся к официально-деловому стилю с элементами юридического подстиля; принцип организации «речевой системности» (по М. Н. Кожиной) заключается в требованиях стабильности, стандартизированности, беспристрастности, краткости. Отличительная особенность – наличие мелиоративной лексики (*мир, согласие, государственное единство, добро, вера, справедливость, благополучие, процветание* и др.), сосредоточенной в Преамбуле. Сопоставление Преамбул Конституции РФ и Конституции США показало, что в российской Преамбуле содержится больше мелиоративных единиц (9 единиц на 84 слова, т. е. около 11 %, против 2 единиц на 39 слов и 5 % соответственно). Это позволяет говорить о том, что Конституция РФ занимает периферийное положение по отношению к ядру официально-делового стиля, сохраняя при этом его основные признаки.

Гипотеза исследования подтверждена: ядерная речежанровая зона ЗД РФ представляет собой полевую модель, разработанную с опорой на юридическую классификацию нормативных правовых актов и детализированную на основе прагмастилистических параметров, сформированных путём сопоставления жанровых и дискурсивных характеристик. Модель включает ядерную зону первого порядка (РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ) и ядерную зону второго порядка (остальные речевые жанры). Дифференциация зон обеспечена системой прагмастилистических параметров, каждый из которых получил содержательную характеристику.

Перспективы исследования связаны с несколькими направлениями.

Во-первых, с описанием периферийной зоны ЗД: жанры субъектов РФ и муниципальных образований, их отличие от ядерных жанров по лингвопрагматическим и стилистическим характеристикам.

Во-вторых, с диахроническим сопоставлением номенклатуры речевых жанров ЗД в разные периоды, что позволит выявить общую тенденцию жанрообразующих признаков в ЗД.

В-третьих, с дальнейшей разработкой методики выявления речежанровых параметров на материале других типов юридического дискурса (судебного, административного).

Наконец, перспективным представляется сопоставительное изучение моделей законодательного дискурса разных стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеева И. А. Формирование ценностей как философская, социальная и культурологическая проблема // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2012. Вып. 3 (107). С. 257–268.

2. Анциферова О. В. Система законодательства: понятие и структура // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2002. № 1 (3). С. 5–13.

3. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М.: Издательство «Просвещение», 1966. 305 с.

4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

5. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/136g.html.

6. Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/389e.html.

7. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/412c.html.

8. Байдицкая Л. И., Сабурова Н. А. Деонтическая модальность и лингвистические средства её репрезентации в кодексе профессиональной этики // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 5 (19). С. 105–110.

9. Баламакова А. В. Исследование вербальных и невербальных компонентов англоязычного юридического дискурса // Личность. Культура. Общество: Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук. 2009. Том XI. Вып. 2, № 48–49. С. 372–376.

10. Баламакова А. В. Программное обеспечение для фонетического исследования вопроса в устном юридическом дискурсе // Молодая наука в классическом университете: Материалы научных конференций фестиваля

студентов, аспирантов и молодых учёных (Иваново, 20–30 апреля 2010 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. С. 124.

11. Баламакова А. В. Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Баламакова. Иваново, 2010. 23 с.

12. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры: монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.

13. Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2 (6). С. 14–18.

14. Батюшкина М. В. Законодательный текст, его адресант и адресат // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 70–78.

15. Батюшкина М. В. К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 136–145.

16. Батюшкина М. В. Дискурсивные доминанты законотворчества: монография / М. В. Батюшкина; под ред. М. В. Горбаневского. М.: РОО ГЛЭДИС, 2022. 160 с.

17. Балли Ш. Французская стилистика. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.

18. Барт Р. Структурализм как деятельность / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с франц. / Р. Барт; состав., общ. ред. и вступит. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 253–261.

19. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.

20. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.

21. Белоусов К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11 (117). С. 94–97.

22. Богатырёв А. В. Цитата в юридическом дискурсе: функциональный аспект / А. В. Богатырёв // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 30–37.

23. Богатырёв А. В. К особенностям понимания текста в рамках юридического дискурса / А. В. Богатырёв // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 80–85.

24. Богатырёв А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Богатырёв. Волгоград, 2016. 26 с.

25. Богомазова В. В. Взаимосвязь агональности и категории чуждости в судебном дискурсе / В. В. Богомазова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2014. № 10 (95). С. 36–40.

26. Богомазова В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе // В. В. Богомазова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. «Языкознание». 2014. № 3 (22). С. 100–104.

27. Богомазова В. В. Коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / В. В. Богомазова. Волгоград, 2015. 25 с.

28. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: Изд-во КД «Либроком», 2009. 320 с.

29. Борисова Л. А. Композиция и языковые особенности статута как поджанра в англоязычном юридическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Борисова. Воронеж, 2010. 23 с.

30. Борисова Л. А. Сравнительный анализ переводов Конституции Российской Федерации на английский язык // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 83–88.

31. Борисова Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. 2016. № 14. С. 133–151.

32. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. Сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

33. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 99–112.

34. Вежбицкая А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / А. Вежбицкая // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 68–80.

35. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.

36. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. Изд-е 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 176 с.

37. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. 1999. № 2. С. 4–6.

38. Горобец К. В. Аксиосфера права: философский и юридический дискурс: моногр. / К. В. Горобец. Одесса: Фенікс, 2013. 218 с.

39. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

40. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.

41. Джоусе-Иванина М. К вопросу о классификации нормативно-правовых актов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 2. С. 86–97.

42. Дорофеева И. В. Общенаучный метод моделирования и специфика его применения в лингвистике // Вестник Московской международной академии. 2015. № 2. С. 40–45.

43. Дубровская Т. В. Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Материалы Международной науч.-практ. конф. «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 351–361.

44. Дубровская Т. В. Терминологический аспект дискурсивных исследований правовой коммуникации // Личность – Язык – Культура: Материалы

Всероссийской научно-практ. конф. 28–29 ноября 2007 г. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2009. С. 209–219.

45. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. В. Дубровская. Саратов, 2010. 40 с.

46. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Жанры официально-делового стиля // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание / Под ред. А. П. Сковордникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 150–153.

47. Евтушенко О. А. Административный дискурс: сущность // Lingua Mobilis. 2010. № 3 (22). С. 109–114.

48. Зайцева В. В. Речеактовая структура допроса в юридическом дискурсе / В. В. Зайцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1–1 (5). С. 128-131.

49. Зайцева В. В. Фреймовая структура допроса как одного из видов юридического дискурса / В. В. Зайцева, В. С. Григорьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). С. 75–78.

50. Зайцева В. В. Когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса в юридическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / В. В. Зайцева. Тамбов, 2011. 24 с.

51. Зайцева И. Д. Постановление как речевой жанр // Филология и человек. 2010. № 3. С. 142–149.

52. Зайцева И. Д. Текст постановления: жанр, дискурс, личность // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета XXXVII научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейских классов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. С. 33–38.

53. Зайцева И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления (на материале русских текстов правового дискурса): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / И. Д. Зайцева. Барнаул, 2011. 20 с.

54. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: Учебник. М.: РГГУ, 2007. 560 с.

55. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

56. Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979. С. 113–133.

57. Зорькин В. Д. Общественное доверие и его роль в функционировании правовой системы [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=59.

58. Ильин В. И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 29–49.

59. Исхакова Р. Р. Реализация деонтической модальности в английском и русском дискурсах договорного права / Р. Р. Исхакова // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. С. 173–177.

60. Исхакова Р. Р. Роль интертекстуализмов в выражении интенции в судебном дискурсе (на материале английских и русских художественных произведений) / Р. Р. Исхакова // Вестник Башкирского университета. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. № 3. С. 1106–1109.

61. Исхакова Р. Р. Когнитивно-прагматический аспект модальности в судебном дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Р. Р. Исхакова. Уфа, 2013. 27 с.

62. Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов в Государственной Думе [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20020726065607/http://www.koroboff.spb.ru/EUROPE/851400367.html.

63. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–196.

64. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

65. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 311 с.

66. Киреева Е. З. Жанры подзаконного дискурса // Жанры речи. 2016. № 1. С. 78–86.

67. Климович О. В. Специфика концептов «преступление» и «наказание» в русском языковом сознании // Евразийский юридический журнал. Уфа: Изд-во Евразийского научно-исследовательского института проблем права. 2015. № 5 (84). С. 117–119.

68. Климович О. В. Судебный дискурс как часть юридического дискурса // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика, 12–13 мая 2016 г. / Отв. ред. Фаткуллина Ф. Г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 257–263.

69. Климович О. В. Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С. А. Андреевского и Н. П. Карабчевского): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / О. В. Климович. Уфа, 2016. 26 с.

70. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. 1999. № 2. С. 52–61.

71. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды / Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002. 475 с.

72. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

73. Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики. Избранные труды / М.Н. Кожина. М.: Флинта: Наука, 2014. 528 с.

74. Колесникова Л. В. Юридический дискурс как универсум культуры: аргументативный аспект // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. научн. тр. Сочи, 2005. Вып. 7. С. 69–72.

75. Колесникова Л. В. Право как экстралингвистический фактор развития юридического языка // Современная лингвистика: теория и практика: Мат-лы 4-й

Межвузовской науч. метод. конфер. молодых учёных. Краснодар, 2006. Ч. I. С. 37–42.

76. Колесникова Л. В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Колесникова. Ставрополь, 2007. 19 с.

77. Коновалова М. В. Юридический дискурс как вид институционального дискурса / М. В. Коновалова // Русский язык и русская речь в 21 веке: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции (Ижевск, 30–31 марта 2006 г.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006. С. 39–43.

78. Коновалова М. В. Особенности языка текста закона / М. В. Коновалова // Lingua mobilis: научный журнал. 2006. № 2 (2). С. 190–195.

79. Коновалова М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М. В. Коновалова. Челябинск, 2008. 25 с.

80. Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного / О. В. Косоногова // Знание. Понимание. Умение. М.: Московский гуманитарный университет, 2008. № 2. С. 188–192.

81. Косоногова О. В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование (на материале современного английского языка): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Косоногова. Ростов-на-Дону: 2011. 174 с.

82. Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7, № 1. С. 61–68.

83. Крапивкина О. А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / О. А. Крапивкина. Иркутск, 2011. 20 с.

84. Крапивкина О. А. Жанровое пространство юридического дискурса // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 218–225.

85. Крапивкина О. А. Многозначность глагола *shall* как проблема интерпретации и перевода юридических документов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 114–121.

86. Кубиц Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Г. В. Кубиц. Челябинск, 2005. 20 с.

87. Кубиц Г. В. Языковое сознание как составляющая профессионализации юриста / Г. В. Кубиц // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9 (81). С. 102–105.

88. Кубиц Г. В. Стратегия речевого воздействия адвоката в судебном процессе / Г. В. Кубиц // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. № 33 (248). С. 80–82.

89. Кузнецов А. М. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/380c.html.

90. Купченко Ю. А. Классификация юридических перформативов. К вопросу автореферентности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10, ч. 1. С. 93–97.

91. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. Лингвометафорология: основные подходы / О. Н. Лагута. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. 208 с.

92. Лебедева Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 257–263.

93. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: URSS, 2011. 256 с.

94. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: «Просвещение», 1969. 214 с.

95. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.: URSS, 2010. 296 с.

96. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/303b.html.

97. Макаров М. Л. Языковое общение в малой группе. Опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / М. Л. Макаров. Тверь, 1997. 420 с.

98. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

99. Мальцева В. А. Проблема речевого воздействия в профессиональном дискурсе / В. А. Мальцева // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 15–17 июня 2009 г. М.: Издательство «Эйдос», 2009. С. 131–132.

100. Мальцева В. А. Судебные прения: речевые стратегии и тактики / В. А. Мальцева // Вопросы психолингвистики. № 1. Москва, 2011. С. 80–87.

101. Мальцева В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / В. А. Мальцева. Челябинск, 2011. 25 с.

102. Медведева М. С. Употребление и способы перевода модальных глаголов в юридических текстах / М. С. Медведева // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 164–172.

103. Мельничук В. А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.): дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / В. А. Мельничук. Санкт-Петербург, 2017. 216 с.

104. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/rekomend/.

105. Миловидов В. А. Семиотика литературно-художественного дискурса: монография. М.: Буки Веди, 2016. 172 с.

106. Миловидов В. А., Бородина А. В. Категория перформативности в контексте проблематики юридического дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 28–36.

107. Мкртычян С. В. Коммуникативные стили делового дискурса: интегративный подход: монография. Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing AG Co. KG, 2011. 312 с.

108. Мкртычян С. В. Коммуникативная стилистика: дальнейшее развитие идей функционализма // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2012. С. 46–53.

109. Мкртычян С. В. Лингвистический статус коммуникативной стилистики в деятельностной парадигме // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2012. Том 11, вып. 9: «Филология». С. 225–230.

110. Мкртычян С. В. Современная лингвостилистика: о поиске основных категорий // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под ред. А. А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. Вып. 12. С. 27–41.

111. Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / С. В. Мкртычян. Тверь, 2012. 410 с.

112. Мкртычян С. В. Стиль как центральная категория современной лингвостилистики // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. междунар. науч.-практич. конф. 1–2 апреля 2016 года. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. С. 156–158.

113. Мкртычян С. В. Теоретические проблемы современной лингвостилистики. Гамбург: LAP LAMBERT Academic Publishing AG Co. KG, 2016. 81 с.

114. Мкртычян С. В. Стилистическая проблематика в современной лингвистике // Вестник Тверского госуниверситета. 2022. № 2 (72) Серия. «Филология». С. 37–45.

115. Мкртычян С. В. Современная лингвостилистика: традиции и перспективы // Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография / Золотова Н. О., Волков В. В., Чугунова С. А., Мкртычян С. В., Карасик В. И., Брызгалова Е. Н., Семёнова Н. В., Бушев А. Б., Миловидов В. А.; отв. редактор: В. А. Миловидов. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 65–85.

116. Мурот В. П. Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/567a.html.

117. Мятченко И. В. Лексико-семантическая аспектность метаязыка правоведения: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / И. В. Мятченко. Краснодар, 2000. 18 с.

118. Мятченко И. В. Лексико-семантическая аспектность метаязыка правоведения: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / И. В. Мятченко. Краснодар, 2000. 143 с.

119. Найман Е. А. Теория речевых актов в критическом зеркале лингвистической антропологии и социолингвистики // Язык и культура. 2015. № 4 (32). С. 53–62.

120. Некрасова Т. П. Факторы, влияющие на перевод юридической терминологии с русского языка на английский язык // «Русский язык: исторические судьбы и современность», IV Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 545.

121. Некрасова Т. П. Юридический перевод. Сборник статей. С русского юридического на английский общепонятный. М.: Р. Валент, 2012. 304 с.

122. Некрасова Т. П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Т. П. Некрасова. Москва, 2013. 25 с.

123. Никифорова Э. Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса / Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 66. № 17. С. 100–103.

124. Никифорова Э. Ш. Тактика имитированного диалога как элемент стратегии эмоционального воздействия в судебном дискурсе / Э. Ш. Никифорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд. «Грамота», 2012. № 5 (16). С. 137–139.

125. Никифорова Э. Ш. Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах (на примере текстов судебного дискурса английского, русского и казахского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Э. Ш. Никифорова. Тюмень, 2013. 21 с.

126. Никишина О. А. Лексикон англоязычного пенитенциарного дискурса / О. А. Никишина // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 3 (29). С. 156–160.

127. Никишина О. А. Реализация языка сопротивления и языка власти в пенитенциарном англоязычном дискурсе / О. А. Никишина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд. «Грамота», 2016. № 8–2 (62). С. 116–122.

128. Никишина О. А. Анализ пенитенциарного англоязычного дискурса в аспекте реализации языка власти и языка сопротивления: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Никишина. Пятигорск, 2017. 23 с.

129. Овчинников А. И. Конституционно-правовая аксиология в современной России / А. И. Овчинников // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 63–67.

130. Овчинникова Н. В. Коммуникативно-прагматические особенности судебного дискурса и языковая личность // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции. Тула: Изд-во ТулГУ, 2004. С. 202–205.

131. Овчинникова Н. В. Жанровые особенности судебного дискурса // Известия Тульского государственного университета. Серия «Филологические науки». Тула: Изд-во ТулГУ, 2005. С. 104–108.

132. Овчинникова Н. В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Овчинникова. Тверь, 2006. 18 с.

133. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru.

134. Падучева Е. В. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2014. URL: http://rusgram.ru.

135. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5–2. С. 535–540.

136. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / И. В. Палашевская. Волгоград, 2012. 40 с.

137. Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru.

138. Петрова В. А. Структурно-семантические особенности биномиальных образований в английском языке // Учёные записки НовГУ. 2018. № 3 (15). С. 7.

139. Петрук К. А. Тонально-жанровые характеристики текста дискламации / К. А. Петрук // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук: Сб. науч. тр. Вып. I (1). Филология, лингвистика, лингводидактика. Волгоград: ФГОУ ВПО ВГСХА, 2005. С. 237–240.

140. Петрук К. А. Коммуникативные роли юридического дискурса / К. А. Петрук // Когнитивно-коммуникативные категории: содержание и формы реализации. Межвузовский сб. науч. статей. Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. С. 113–118.

141. Петрук К. А. Семантико-синтаксические характеристики речевого жанра «дискламация» в англоязычном юридическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / К. А. Петрук. Волгоград, 2007. 18 с.

142. Питерова А. Ю., Тетерина Е. А. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4, № 1 (13). С. 103–110.

143. Попова Л. Е. Языковые реалии семантической направленности юридического текста // Вестник МГОУ: Научн.-популярн. журн. 2004. № 3 (16). С. 36–41.

144. Попова Л. Е. Формы интерпретации юридического текста // Вестник МГОУ: Научн.-популярн. журн. 2004. № 2 (15). С. 68–72.

145. Попова Л. Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. Е. Попова. Краснодар, 2005. 20 с.

146. РИА Новости. Нормативно-правовые акты: понятие, виды и иерархия в России [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20230405/akty-1863175785.html.

147. Романов А. А., Белоус Н. А. Инвариантная модель функционирования дискурса // Мир лингвистики и коммуникации. 2012. № 4 (29). С. 1–10.

148. Романова Т. В. Категория модальности в свете когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (007). С. 29–35.

149. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru.

150. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 151–169.

151. Силанова М. А. Юридический медиадискурс: лингвопрагматический аспект // Средства массовой информации в современном мире. Молодые исследователи: Материалы 13-й Междунар. конф. Студентов, магистрантов и аспирантов 11–13 марта 2014 г. Под ред. М. А. Бережной: сост. Е. А. Королёв. СПб: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. С. 304–306.

152. Силанова М. А. Юридический медиадискурс как гибридный тип дискурса // Стилистика сегодня и завтра: Материалы конф. М.: Фак-т жур-ки МГУ, 2016. С. 521–522.

153. Силанова М. А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / М. А. Силанова. Москва, 2017. 22 с.

154. Скорофатова А. А. Юридические перформативные высказывания в аспекте лингвистики текста // Юрислингвистика. № 1 (12). С. 60–67.

155. Собрание законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://szrf.pravo.gov.ru/.

156. Степанов Ю. С. Стилистика // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tapemark.narod.ru/les/492e.html.

157. Стернин И. А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 112–121.

158. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и её единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин, 1984. С. 3–12.

159. Сусов И. П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвистических и филологических специальностей / И. П. Сусов. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 379 с.

160. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. Издание второе, исправленное и доработанное / А. Ф. Колотов, О. С. Вырлеева-Балаева, В. Н. Симонов, И. В. Скуратов, Ю. В. Ярыгина. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. 233 с.

161. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 105–114.

162. Тютюнова О. Н. Лингвопрагматическая характеристика судебных прений / О. Н. Тютюнова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2007. № 2 (20). С. 93–98.

163. Тютюнова О. Н. Об институциональности дискурса судебного заседания / О. Н. Тютюнова // Единицы языка и их функционирование. Вып. 13 межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. С. 278–287.

164. Тютюнова О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / О. Н. Тютюнова. Волгоград, 2008. 19 с.

165. Урысон Е. В. Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 347–356.

166. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» / М. Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 73–94.

167. Федулова М. Н. О некоторых проблемах изучения языка правоведения / М. Н. Федулова // Вестник Московского государственного областного университета: Серия «Лингвистика». 2010. № 1. С. 17–24.

168. Федулова М. Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Н. Федулова. М., 2010. 20 с.

169. Федулова М. Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М. Н. Федулова. М., 2010. 173 с.

170. Федулова М. Н. Потребности как критерий типологизации дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12, № 3. С. 10–14.

171. Хижняк С. П. Соотношение экстра- и интраязыковых факторов в формировании и развитии терминосистем (на материале русской и английской юридической терминологии): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / С. П. Хижняк. Саратов, 1986. 18 с.

172. Хижняк С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / С. П. Хижняк. Саратов, 1998. 39 с.

173. Хижняк С. П. Юридическая лингвистика за рубежом // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2016. Вып. 6. С. 55–59.

174. Хомутова Т. Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Лингвистика». 2019. Т. 16, № 3. С. 44–53.

175. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. 3-е изд. М., 2006. 128 с.

176. Чухвичёв Д. В. Законодательная техника: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция» / Д. В. Чухвичёв. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. 239 с.

177. Шевченко М. С. Трудность перевода юридического дискурса с учётом особенностей военной документации / М. С. Шевченко // Вестник непрерывного образования. 2015. № 2. С. 110–117.

178. Шевченко М. С. Аргументативные схемы и их лингвистические показатели в юридическом тексте: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / М. С. Шевченко. Ростов-на-Дону, 2018. 25 с.

179. Шевырдяева Л. Н. Жанровое пространство современного американского судебного дискурса // Языки в современном мире: Материалы VI Международной конференции. М.: КДУ, 2007. С. 424–428.

180. Шевырдяева Л. Н. Судебное решение как жанр современного американского судебного дискурса // Вестник Моск. ун-та. Серия 19. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 4. С. 52–60.

181. Шевырдяева Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Н. Шевырдяева. М., 2009. 25 с.

182. Шлепнёв Д. Н. О дидактике юридического перевода: общий очерк / Д. Н. Шлепнёв // Перспективы науки и образования. 2013. № 5 (5). С. 139–143.

183. Шлепнёв Д. Н. Курс юридического перевода // Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: Монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 59–110.

184. Шлепнёв Д. Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология / Д. Н. Шлепнёв // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–1 (80). С. 185–188.

185. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 88–98.

186. Эгамназаров Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (54). С. 185–189.

187. Янсон Т. А. Коммуникативные стили экскурсовода в устном туристическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. А. Янсон. Тверь, 2022. 214 с.

188. Austin J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. Oxford: Oxford University Press, 1962. 166 p.

189. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. New York: Longman Inc., 1969. 264 p.

190. Dementyev V. V., Dönninghaus S. Die Kommunikationsgenres (речевые жанры) in der russischen Sprachwissenschaft (Ein wissenschaftshistorischer Überblick) // V. V. Dementyev, S. Dönninghaus // Zeitschrift Für Slavische Philologie. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER GmbH, 2007. Nr. 65 (1). S. 131–162.

191. Dönninghaus S. Sprechakt und Kommunikationsgenre (Theoretische Aspekte der sprachlichen Interaktion) / S. Dönninghaus // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). München: Verlag Otto Sagner, 2001. Nr. 4. S. 69–79.

192. Halliday M. A. K., Martin J. R. Writing Science: Literacy and Discursive Power. Bristol/London: The Falmer Press, 1993. 300 p.

193. Otto W. Die Paradoxie einer Fachsprache. Stuttgart: Der öffentliche Sprachgebrauch, 1981. Band II. 678 S.

194. Simonnæs I. Fachkommunikation im Recht unter Berücksichtigung der Mehrfachadressierung // Lerch, Kent (Hrsg.). Recht vermitteln. Strukturen, Formen und Medien der Kommunikation im Recht. Berlin: de Gruyter, 2005. S. 377–397.

195. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931. 97. S.

196. Williams Chr. Legal English and Plain Language: An Introduction // ESP Across Cultures. 2004. No. 1. P. 111–124.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/10164072/.

2. Договор о партнерских отношениях между Российской Федерацией и Республикой Чили от 13 ноября 2010 года (ратифицирован Федеральным законом от 05.06.2012 № 59-ФЗ, вступил в силу 7 марта 2013 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201304230034.

3. Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче от 1 декабря 2014 года (ратифицирован Федеральным законом от 07.03.2017 №24-ФЗ, вступил в силу 21 июля 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201708150020.

4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Намибией о передаче лиц, осужденных к лишению свободы от 17 июня 2019 года (ратифицирован Федеральным законом от 27.12.2019 № 465-ФЗ, вступил в силу 17 апреля 2023 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202304170005.

5. Договор между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 29 июня 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 14 апреля 2023 года № 115-ФЗ, вступил в силу 5 июня 2023 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306070001.

6. Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 года (вступила в силу для Российской Федерации 1 августа 2014 года, Российская

Федерация приняла Конвенцию с заявлениями на основании постановления Правительства Российской Федерации от 24.10.2013 № 940) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201802080020.

7. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года (ратифицирована Федеральным законом от 07.05.2013 № 76-ФЗ, вступила в силу для Российской Федерации 1 декабря 2013 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201312160030.

8. Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и предотвращении избежания и уклонения от уплаты налогов и Протокол к ней (ратифицированы Федеральным законом от 03.08.2018 года № 287-ФЗ, вступили в силу 10 октября 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201810110028.

9. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года (ратифицирована Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 196-ФЗ, Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 12 октября 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036.

10. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/.

11. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1925 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/.

12. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/.

13. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/.

14. Конституция РФ 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: https://konstitucija.ru/1993/1/.

15. Конституция РФ 2020 с Комментариями [Электронный ресурс]. URL: http://constitutionrf.ru/.

16. Конституция США (Перевод I; Выверено по изданию: Соединённые Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О. А. Жидкова. Перевод В. И. Лафитского. М.: Прогресс, Универс, 1993.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm.

17. Конституция США (Перевод II; Перевод выполнен благодаря помощи The Ford Foundation) [Электронный ресурс]. URL: https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf.

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.03.2013 № 174 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201303070006.

19. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2019 № 893 «О введении временного порядка ввоза в Российскую Федерацию биомедицинских клеточных продуктов» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201907180009.

20. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.03.2022 № 473 «О внесении изменений в Положение о Министерстве просвещения Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203280023.

21. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.01.2024 № 29 «О внесении на ратификацию протоколов о внесении изменений в российско-кубинские межправительственные кредитные соглашения» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401200002.

22. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/10105807/.

23. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об упрощении взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Латвийской

Республики от 20 декабря 2010 года (ратифицировано Федеральным законом № 13-ФЗ от 28 февраля 2012 года, вступило в силу 6 июня 2013 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201306110037.

24. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области авиационного поиска и спасания от 15 октября 2015 года (вступило в силу 5 июля 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201707190052.

25. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о расчетах и платежах от 5 июня 2019 года (вступило в силу 5 июня 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201906100046.

26. Соглашение о трансграничных перевозках радиоактивных материалов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 6 ноября 2020 г. (вступило в силу для Российской Федерации 28 января 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401300001.

27. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12125268/.

28. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/10108000/.

29. Указ Президента Российской Федерации от 26.11.2011 № 1545 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201111280009.

30. Указ Президента Российской Федерации от 17.09.2014 № 636 «О присвоении дипломатических рангов» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201409180002.

31. Указ Президента Российской Федерации от 20.03.2020 № 199 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»

[Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202003200014.

32. Указ Президента Российской Федерации от 08.02.2024 № 108 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402080020.

33. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.

34. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

35. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/.

36. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. 2-е изд., стер. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/.

3. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php.

4. Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov.

5. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/.

6. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://gallicismes.academic.ru/.

7. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_new_philosophy/.

8. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) [Электронный ресурс]. URL: https://methodological_terms.academic.ru/.

9. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://tapemark.narod.ru/les/index.html.

10. Политология. Словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/politology/.

11. Словарь антонимов [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_antonyms/.

12. Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/.

13. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/.

14. Социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://sociological_dictionary.academic.ru.

15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://stylistics.academic.ru/.

16. Толковый переводческий словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/translatology.

17. Толковый словарь В. И. Даля [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/.

18. Толковый словарь Д. В. Дмитриева [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/.

19. Толковый словарь С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/.

20. Толковый словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/.

21. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/.

22. Философский словарь А. Конт-Спонвиля [Электронный ресурс]. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/.

23. Элементарные начала общей теории права [Электронный ресурс]. URL: https://elementary_law.academic.ru/.

24. Энциклопедический словарь «Конституционное право России» [Электронный ресурс]. URL: http://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional-law-of-russia/index.htm.

25. Энциклопедия права [Электронный ресурс]. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/.

26. Юридическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://yuridicheskaya-entsiklopediya.slovaronline.com/.

27. Юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1. Результаты свободного ассоциативного эксперимента (лексема *КОНСТИТУЦИЯ*):

закон (законы) (21);
не работает (3);
права (3);
государство (2);
права человека (2);
правила (2);
страна (2);
власть (1);
гарант (1);
главный закон в стране (1);
главный закон страны (1);
группа правил (1);
документ государства (1);
изменяемая (1);
книга (1);
ложь (1);
основной закон (1);
основной закон РФ (1);
переобувание (1);
право (1);
проституция (1);
Путин (1);
Родина (1);
свобода и справедливость (1);
свод правил (1);
смерть (1);
стабильность (1);
тело (1)

2.1. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *КОНСТИТУЦИЯ*) (существительные):

закон (законы) (15);
президент (9);
права (8);
право (8);
государство (7);
власть (6);
правительство (6);
порядок (6);
народ (5);
человек (5);
обязанность (обязанности) (4);
правило (правила) (4);
документ (3);
книга (3);
сила (3);
страна (3);
гарант (2);
гражданин (граждане) (2);
депутат (депутаты) (2);
судья (2);
адвокат (1);
бумага (1);
гарантии (1);
декабристы (1);
долг (1);
дом (1);
законодательство (1);
здоровье (1);
знания (1);
изменения (1);
Никита Панин (1);
ограничение (1);
орудие (1);
отмазка (1);
подмена (1);
политик (1);
политика (1);
поправки (1);
правда (1);
правопорядок (1);
президент и его амбиции (1);
Путин (1);
раздел (1);
референдум (1);
Родина (1);
Российская Федерация (1);
свобода (1);
свод (1);
соблюдение (1);
справедливость (1);
тело (конституция тела) (1);
туалетная бумага (1);
фикция (1);
цель (1);
экономика (1)

2.2. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема КОНСТИТУЦИЯ) (прилагательные):

справедливый (справедливая) (11);
правильный (правильная, правильное, правильные) (6);
государственный (государственная) (5);
основной (основная) (5);
главный (главное, главная) (4);
правовой (правовая) (4);
законный (законная) (3);
основополагающая (3);
постоянная (3);
строгая (3);
честная (3);
демократическая (2);
законодательная (2);
изменяемая (2);
необходимая (2);
нужная (нужные) (2);
политический (политическая) (2);
пустая (2);
российская (2);
удобная (2);
абстрактная (1);
актуальная (1);
базовая (1);
бесполезная (1);
благоприятная (1);
большая и непонятная (1);
важный (1);
верный (1);
высший (1);
гарантированная (1);
жалкая (1);
забытая (1);
защитный (1);
защищающая (1);
идеалистичная (1);
исполнительный (1);
исправленная (1);
карманная (1);
консервативная (1);
красная (1);
крепкая (1);
липовая (1);
мнимая (1);
многогранная (1);
народная (1);
неизменная (1);
ненужная (1);
непостоянная (1);
неработающая (1);
нерабочая (1);
неэффективная (1);
новая (1);
номинальная (1);
оберегающая (1);
общая (1);
обязательная (1);
ограничивающая (1);
ответственный (1);
перекроенная (1);
переписанная (1);
письменная (1);
политизированная (1);

понимающий (1);

принципиальная (1);

противоречивая с ФЗ (1);

равноправная (1);

реальная (1);

регулирующая (1);

республиканская (1);

точный (1);

управляющая (1);

установленное (1);

фиктивная (1);

хорошая (1);

юридический (1)

3. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *КОНСТИТУЦИЯ*) (субъективные дефиниции):

Основной закон государства. (8)

Главный закон страны. (4)

Закон. (2)

Основной закон страны. (2)

Верховный закон.

Государственный свод законов, а также телосложение живого организма.

Документ, определяющий права и обязанности государства и его граждан.

Документ, регулирующий права и свободы граждан.

Закон для всех граждан.

Законы, которые должны защищать граждан, но не делают этого.

Законы.

Защита прав человека, свод законов страны.

Инструмент влияния.

Инструмент государственного урегулирования различных сфер жизни.

Неизменный свод правил и законов.

Основа политической, правовой и экономической систем государства.

Основная правовая часть в стране.

Основной документ страны, где прописаны главные законы.

Основной закон государства, которому не могут противоречить другие.

Основной закон государства, особый нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу (это определение не работает, если вы в России).

Основной закон государства, особый нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу.

Основной закон.

Основной правоустанавливающий документ государства, определяющий основы его функционирования, права его граждан и их обязанности.

Основой свод законов РФ.

Основополагающий документ государства.

Особый правовой акт.

Права и обязанности человека.

Права и обязанности.

Правила для всего народа.

Правила.

Правовой акт.

Правопорядок.

Сбор законов.

Сборник законов.

Сборник прав.

Свод законов и прав, работающих для общества.

Свод прав и законов, на основании которых должны строиться правовые отношения между субъектом права и государством.

Свод прав и обязанностей.

Свод правил и законов страны.

Свод правил и обязанностей.

Свод правил справедливой жизни.

Свод правил.

Смерть.

Средство продвижения властострастных идей.

То, что нарушается каждый день.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1. Результаты свободного ассоциативного эксперимента (лексема *ГРАЖДАНИН*):

человек (13);
ответственность (5);
житель государства (2);
патриот (2);
права (2);
страна (2);
выборы (1);
житель (1);
житель страны (1);
закон (1);
законопослушный житель государства (1);
личность (1);
мужик в фуражке (1);
общество (1);
обязанности (1);
ответственный, приносящий пользу своему обществу, имеющий «защищённость» от государства (1);
подданный (1);
поэт (1);
права и обязанности (1);
Родина (1);
самодисциплина (1);
свобода (1);
свободный человек (1);
Советский Союз (1);
стандартный (1);
товарищ (1);
человек, живущий в стране (1);
человек, проживающий в государстве, имеющий права и обязанности (1);
член общества (1);
я (1)

1.2. Результаты свободного ассоциативного эксперимента (лексема *ГОСУДАРСТВО*):

страна (11);
власть (4);
защита (3);
общество (2);
правительство (2);
Россия (2);
территория (2);
выборы (1);
государь (1);
границы (1);
закон (1);
источник неприятностей (1);
контролирующий орган (1);
контроль (1);
лидер (1);
люди (1);
монархия (1);
налоги (1);
ответственность (1);
право (1);
Росгвардия (1);
сила (1);
сильное (1);
система (1);
сообщество (1);
сообщество людей со своими законами, уставом и пр. (1);
угнетение (1);
управление (1);
форма организации (1);
целостное общество, заботящееся о входящих в него единицах (1);
часть территорий под влиянием одного человека (1)

2.1. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГРАЖДАНИН*) (существительные):

человек (16);
обязанность (обязанности) (7);
право (права) (7);
житель (6);
ответственность (4);
паспорт (4);
патриот (4);
свобода (4);
мужчина (3);
налогоплательщик (3);
работник (3);
страна (3);
государство (2);
действие (2);
закон (законы) (2);
личность (2);
общество (2);
позиция (2);
честность (2);
вовлечённость (1);
выборы (1);
гражданин мира (1);
дееспособность (1);
демонстрация (1);
деятельность (1);
долг (1);
достоинство (1);
женщина (1);
заинтересованность (1);
законопослушность (1);
защитник (1);
землянин (1);
идеалист (1);
избиратель (1);
интеллигент (1);
Конституция (1);
Ленин (1);
любовь (1);
милиция (1);
наблюдатель (1);
налоги (1);
население (1);
начальник (1);
непримиримость (1);
общественность (1);
оппозиционер (1);
осознанность (1);
порядочность (1);
поэт (1);
правление (1);
простолюдин (1);
раб системы (1);
резидент (1);
СССР (1);
совесть (1);
социум (1);
товарищ (1);
участие (1);
участник (1);
человек сильного государства (1);
чернь (1);
член (1);
шумная улица (1);
ячейка общества (1)

2.2. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГОСУДАРСТВО*) (существительные):

страна (10);
власть (6);
закон (законы) (6);
Конституция (5);
президент (5);
право (права) (4);
правительство (4);
защита (3);
налог (налоги) (3);
содружество (3);
территория (3);
армия (2);
граница (границы) (2);
держава (2);
контроль (2);
народ (2);
население (2);
общество (2);
поборы (2);
подавление (2);
полиция (2);
помощь (2);
пропаганда (2);
процветание (2);
репрессии (2);
Россия (2);
справедливость (2);
человек (2);
адаптация (1);
великолепие (1);
верховенство закона (1);
временщик (1);
гарем (1);
глава (1);
деньги (1);
дом (1);
дума (1);
единение (1);
забота (1);
защита интересов граждан (1);
империя (1);
карта (1);
коррупция (1);
личность (1);
машина (1);
многонациональность (1);
надежда (1);
насилие (1);
(не)справедливость (1);
независимость (1);
обязанности (1);
опека (1);
опора (1);
организация (1);
парламент (1);
политика (1);
поселение (1);
раб системы (1);
режим (1);
Родина (1);
свобода (1);
секреты (1);
сила (1);
система (1);

слежка (1);

смена власти (1);

стабильность (1);

столица (1);

суд (1);

тюрьма (1);

управление (1);

царь (1);

чиновники (1);

эффективность (1)

2.3. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГРАЖДАНИН*) (прилагательные):

ответственный (18);
законопослушный (12);
свободный (10);
активный (5);
добропорядочный (4);
уверенный (4);
порядочный (3);
честный (3);
независимый (2);
образованный (2);
патриотичный (2);
равноправный (2);
смелый (2);
уважаемый (2);
бедный (1);
богатый (1);
вовлечённый (1);
военнообязанный (1);
вонючий (1);
гордый (1);
грамотный (1);
добрый (1);
достойный (1);
заинтересованный (1);
запуганный (1);
зацикленный (1);
защищённый (1);
имеющий права и обязанности (1);
интересующийся (1);
консервативный (1);
культурный (1);
лояльный (1);
надёжный (1);
национальный (1);
непоколебимый (1);
неравнодушный (1);
обычный (1);
осознающий (1);
полноправный (1);
понимающий (1);
послушный (1);
почётный (1);
принципиальный (1);
проживающий (1);
простой (1);
прохладный (1);
работающий (1);
разумный (1);
российский (1);
с чёткой гражданской позицией (1);
свежий (1);
серьёзный (1);
совершеннолетний (1);
советский (1);
современный (1);
социальный (1);
справедливый (1)

2.4. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГОСУДАРСТВО*) (прилагательные):

правовой (правовое) (8);
сильный (сильная, сильное) (7);
великое (5);
независимый (независимая, независимое) (5);
справедливый (справедливое) (4);
честное (4);
социальный (социальное) (3);
большое (2);
демократическое (2);
дружественное (2);
единый (единое) (2);
конституционный (конституционное) (2);
мощное (2);
надёжное (2);
родное (2);
светское (2);
свободный (свободная) (2);
сложный (сложное) (2);
современное (2);
авторитарный (1);
агрессивный (1);
бархатный (1);
беззащитный (1);
богатое (1);
бюрократический (1);
властвующее (1);
влиятельное (1);
военизированное (1);
волевой (1);
государственный (1);
грозный (1);
демократичное (1);
доминирующее (1);
жестокий (1);
закрытое (1);
защищённый (1);
золотой (1);
избранное (1);
искажающий (1);
исполняющее (1);
коррумпированное (1);
крупное (1);
культурный (1);
любимое (1);
медленный (1);
межнациональное (1);
мировой (1);
могучее (1);
мужское (1);
народный (1);
национальный (1);
непобедимое (1);
неповоротливый (1);
обеспечивающее защиту граждан (1);
ответственное (1);
политическое (1);
полицейское (1);
порядочное (1);
правильное (1);
православное (1);

пытающееся создать комфортный устрой (1);
развивающееся (1);
развитое (1);
разумное (1);
скрепное (1);
слабый (1);
соседнее (1);
спокойное (1);
стабильное (1);
суверенное (1);
тоталитарный (1);
чёрный (1);
чужое (1)

2.5. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГРАЖДАНИН*) (глаголы):

защитить (защищать) (10);
работать (работает) (8);
голосовать (7);
соблюдать (соблюдает) (6);
жить (5);
отстаивать (4);
выбирать (3);
платить налог (платить налоги) (3);
проживать (3);
трудиться (3);
выживать (выживает) (2);
делать (2);
добиваться (2);
исполнять (2);
любить (2);
нести ответственность (2);
отвечать (2);
помогать (2);
соблюдать закон (соблюдать законы) (2);
уважать (2);
читать (2);
бастовать (1);
быть защищённым (1);
быть обеспеченным (1);
видеть (1);
выполнять (1);
выполнять обязанности (1);
выражать (1);
высказываться (1);
выступать (1);
гордиться (1);
гулять (1);
должен (1);
желать (1);
жертвовать (1);
заботиться (1);
заниматься (1);
знать права (1);
иметь (1);
иметь своё место (1);
искать (1);
менять (1);
надавить (1);
не бояться (1);
не быть равнодушным (1);
не врать (1);
обосновать (1);
обсуждать (1);
организовывать (1);
отвечать по закону (1);
отдыхает (1);
отстаивать свою позицию (1);
платить (1);
подчиняться законам (1);
покупать (1);
помогать людям (1);
помогать стране (1);
понимать (1);
приносить пользу (1);
присягнуть (1);
протестовать (1);
развиваться (1);
решать (1);

следовать (1);

создавать (1);

строить (1);

требовать (1);

уважать окружающих (1)

2.6. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГОСУДАРСТВО*) (глаголы):

защищать (защищает) (14);
управлять (7);
развивать (4);
строить (4);
запрещать (3);
помогать (3);
заботиться (2);
защищаться (2);
контролировать (2);
отвечать (2);
охранять (2);
развиваться (2);
распределять (2);
регулировать (2);
руководить (2);
сохранять (сохранить) (2);
указывать (2);
укреплять (2);
беречь (1);
бороться (1);
брать ответственность (1);
быть (1);
властвует (1);
воевать (1);
воровать (1);
выплачивать (1);
выстраивать (1);
гарантировать (1);
граничить (1);
делать (1);
добывать (1);
доказывать (1);
жить (1);
заботиться о гражданах (1);
знать законы (1);
избираться (1);
издавать (1);
искать (хорошую точку отсчёта для определения дозволенного) (1);
исполнять (1);
исследовать (1);
клеймить (1);
копать (1);
крепнуть (1);
лгать (1);
любить (1);
обеспечивать (1);
обратиться (1);
объединять (1);
объяснять (1);
опекает (1);
осознавать (1);
осуждать (1);
отзываться (1);
планировать (1);
платить (1);
подавлять (1);
поднимать (1);
подчинять (1);
покинуть (1);
получать (1);
понимать (1);
потреблять (1);
править (1);

представлять (1);
приказывать (1);
принуждать (1);
приумножить (1);
провозглашать (1);
работать (1);
развивать регионы (1);
решать проблемы (1);
славить (1);
следит (1);
слушать (1);
соблюдать (1);
создавать (1);
сплотить (1);
страховать (1);
судит (1);
судиться (1);
требовать (1);
убегать (1);
увеличивать уровень жизни (1);
уезжать (1);
фальсифицирует (1)

3.1. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГРАЖДАНИН*) (субъективные дефиниции):

1. *Человек, имеющий гражданство в государстве, подчиняющийся его законам.*
2. *Человек, родившийся или постоянно проживающий на территории государства, пользующийся всеми правами согласно Конституции, а также выполняющий обязанности, наложенными ею.*
3. *Человек, принадлежащий определённой стране/странам.*
4. *Человек, имеющий право на своё мнение. Если связывать с государством: это человек, который участвует в игре «государство» и играет в его правила. Но было бы круто, если бы человек сам выбирал, быть ему гражданином данного государства или нет.*
5. *Активный участник социальной жизни.*
6. *Полноправный житель страны.*
7. *Личность, проживающая в государстве.*
8. *Человек, проживающий на территории государства.*
9. *Житель страны.*
10. *Борец за идею.*
11. *Человек.*
12. *Обычный пацан.*
13. *Человек, проживающий в стране и имеющий официальный документ.*
14. *Часть общества как вершина социальных изменений.*
15. *Человек, причисляющий себя к определённому государству.*
16. *Человек, который в силу прав и обязанностей пользуется защитой.*
17. *Физическое лицо, имеющее гражданство определённого государства.*
18. *Гражданин – человек, принадлежащий к постоянному населению данного государства, пользующийся его защитой и наделённый совокупностью политических и иных прав и обязанностей.*
19. *Житель страны.*
20. *Звучит гордо, достойно, почётно.*
21. *Человек, принадлежащий к населению данного государства.*
22. *Житель страны.*
23. *Человек.*
24. *Человек с правами и обязанностями, живущий под защитой государства.*
25. *Я.*
26. *Законопослушный человек.*

27. Человек, имеющий гражданство данной страны.

28. Житель государства, имеющий определённые права и обязанности.

29. Свободномыслящий житель страны, соблюдающий законы государства.

30. Резидент страны.

31. Человек, имеющий гражданство определённой страны и проживающий в ней.

32. Свободный человек.

33. Свободный человек с правами и обязанностями перед государством.

34. Позиция.

35. Сын своей страны.

36. Человек, имеющий гражданство определённой страны.

37. Человек, живущий в гармонии с социумом и государством.

38. Человек, имеющий права и обязанности.

39. Лицо, постоянно живущее в определённом государстве, пользующееся всеми правами.

40. Свободный человек.

41. Работа.

42. Патриот своей страны.

43. Субъект права.

44. Человек, проживающий в России.

45. Важнейшая часть государства.

46. Житель государства.

47. Человек, обладающий определённой идентичностью по территориальному признаку, у которого есть ряд обязанностей и прав.

48. Частичка большой страны.

49. Человек, имеющий права и обязанности.

50. Сознательный свободный труженик.

3.2. Результаты направленного ассоциативного эксперимента (лексема *ГОСУДАРСТВО*) (субъективные дефиниции):

1. *Организация, имеющая власть и тотальный контроль над гражданами.*
2. *Политическая форма организации общества, обладающая правом издавать нормативные акты и принуждать к их соблюдению на проживающих на её территории.*
3. *Форма правления, при которой страной правит один лидер.*
4. *Правила, которые должны были быть придуманы для удобства и для адекватных законов.*
5. *Машина пропаганды. Правовое государство – недостижимая мечта.*
6. *Страна с законодательной и правовой системами.*
7. *Социальный институт, обеспечивающий заботу о гражданине.*
8. *Страна со своими правилами и властью.*
9. *Аппарат управления и принуждения.*
10. *Стабильность.*
11. *Страна.*
12. *Великие просторы моей родины.*
13. *Территория и люди.*
14. *Многообразие культур и законов.*
15. *Правительственная система в рамках страны.*
16. *Форма организации общества на суверенной территории.*
17. *Территориальная единица с установленными границами, где население имеет определённую общность, форму управления, символику, язык.*
18. *Государство – это политическая организация общества, обеспечивающая его единство и целостность.*
19. *Сообщество людей, проживающих на одной территории, с едиными правами, обязанностями и законами.*
20. *Коррупционная схема распределения общественных благ.*
21. *Политическая форма организации общества.*
22. *Страна.*
23. *Родина.*
24. *Там, где нет беззакония и насилия, а царит справедливость и право.*
25. *Общество.*
26. *Родной край.*
27. *Страна со своими законами и ветвью власти.*

28. Объединяющая людей, граждан одной страны, территориально-административная структура, в рамках которой действуют определённые законы, положения.

29. Общество людей, проживающих на определённой территории, соблюдающих законы, знающих и отстаивающих свои права.

30. Организующая сила.

31. Форма общества с определённым политическим укладом на определённой территории.

32. Власть.

33. Общество людей, гарантирующих права и свободу гражданину.

34. Люди.

35. Сила и мощь, опора.

36. Система, контролирующая жизни граждан.

37. Сфера, где люди должны чувствовать защищённость и иметь своё место.

38. Территория, имеющая законы, гимн, флаг, представителя.

39. Страна во главе с правительством.

40. Счастливые граждане.

41. Отражение его народа.

42. Страна, которая заботится о своих гражданах.

43. Ночной сторож.

44. Страна, в которой живёт определённый тип людей, в государство входят разные города.

45. Каждый из нас.

46. Страна.

47. Совокупность правовых отношений между руководством и населением страны.

48. Надёжный защитник для всех граждан.

49. Организация общества, проживающая на определённой территории, имеющая форму правления.

50. Подделка свободы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Поправки, внесённые в Конституцию РФ в результате общероссийского голосования [Конституция РФ 2020 с Комментариями URL].

- *Признание культуры Российской Федерации уникальным наследием;*
- *установление неприкосновенности для Президента после отставки;*
- *изменение механизма отрешения Президента от должности;*
- *ужесточение требований к сенаторам и депутатам Госдумы и обеспечение их неприкосновенности;*
- *совместное собрание палат только для заслушивания Президента;*
- *включение в Конституцию арбитража, Верховного и Федерального суда, мировых судей;*
- *Председатель Правительства несёт персональную ответственность перед Президентом;*
- *Правительство обеспечивает укрепление и защиту семей, инвалидов, содействует развитию промышленности, поддержке волонтёров и защите экологии;*
- *ужесточение требований к прокурорам и судьям;*
- *Генеральный прокурор может сниматься с должности Президентом РФ;*
- *усиление полномочий Государственного Совета Федерации;*
- *главы силовых ведомств и региональные прокуроры назначаются Президентом и Советом Федерации. Совет Федерации может снимать с должности судей;*
- *Президент и высокопоставленные чиновники не могут иметь иностранное гражданство;*
- *Конституционный суд может проверять законопроекты;*
- *местное самоуправление подчиняется Федеральным законам;*
- *Госдума будет утверждать Председателя Правительства;*
- *органы местного самоуправления обязаны обеспечивать население медицинской помощью;*
- *создание федеральных территорий и организация на них публичной власти;*
- *защита территориальной целостности страны, запрет действий, направленных на изменение границы РФ;*
- *добавлен пункт о правопреемстве СССР;*
- *добавлено упоминание Бога, защиты исторической правды, признание детей важнейшим достоянием, установка приоритета семейного воспитания;*

- *введение положения о самобытности культуры народов, закрепление защиты прав и поддержки соотечественников за рубежом;*
- *установление возможности размещения отдельных органов власти вне города Москвы;*
- *расширение полномочий ведомств России;*
- *включение сельского хозяйства и молодёжной политики в ведение субъектов Российской Федерации, добавление пункта о защите семьи и материнства;*
- *оплата труда не менее прожиточного минимума, индексация пенсии не реже 1 раза в год;*
- *обязательная индексация социальных пособий;*
- *создание условий экономического роста страны, повышения доверия между государством и гражданами;*
- *ужесточение требований к высшему должностному лицу субъекта РФ и органах исполнительной власти;*
- *приоритет Конституции РФ над международным правом;*
- *закрепление мер по международному поддержанию мира;*
- *поддержание Президентом мира и согласия в стране;*
- *Президент должен проживать в России не менее 25 лет, занимать должность не более двух сроков, не иметь иностранного гражданства;*
- *добавление Президенту дополнительных полномочий.*